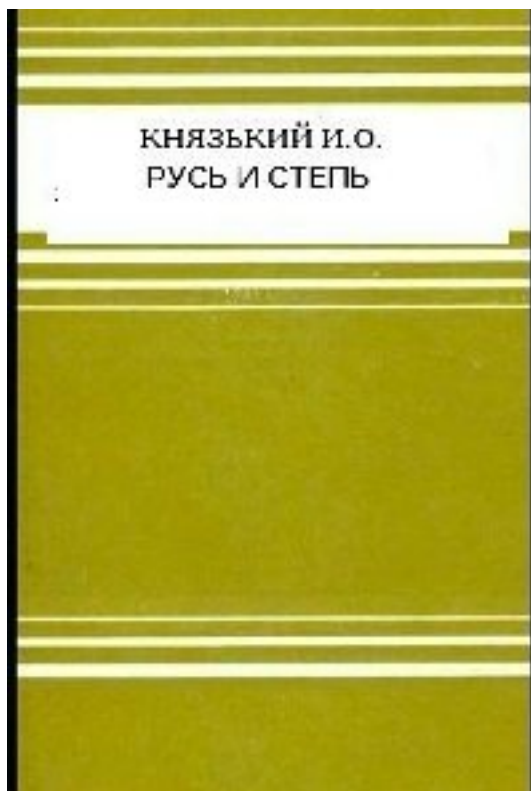

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОНД
московское отделение

КНЯЗЬКИЙ И.О.
РУСЬ И СТЕПЬ

Председатель Правления РНФ – **А.В.Кортунов** Президент РНФ – **П.В.Гладков**
Международный совет РНФ:
 академик **А.Н.Яковлев** (председатель),
 академик **А.Г.Аганбегян**; академик **О.Т.Богомолов**; академик
Д.А.Волкогонов; академик **Д.А.Гвишиани**; академик
А.М.Емельянов; академик **В.В.Журкин**; академик
Ю.В.Яременко; профессор **В.П.Лукин**; профессор
Г.Х.Попов; профессор **А.А.Собчак**;
 профессор **Х.Балзер**, Джорджтаунский университет, США;
 профессор **А.Каминский**, Польский институт международных отношений;
 профессор **Ким Дал Чонг**, Йонсенский университет, Южная Корея;
 профессор **В.Клеменс**, Бостонский университет, США;
 профессор **Дж.Кульман**, университет Южной Каролины, США;
 профессор **Г.Лапидус**, Калифорнийский университет, Беркли, США;
 профессор **Р.Легволд**, Колумбийский университет, США;
 профессор **Н.Макфарлейн**, Куинский университет, Канада;
 профессор **Дж.Най**, Гарвардский университет, США;
 профессор **Сой Сон Ки**, Корейский институт международных отношений,
 Южная Корея;
В.Н.Игнатенко, ИТАР-ТАСС; **О.В.Лацис**, «Известия»; **И.Е.Малашенко**, НТВ
Редакционный совет РНФ:
 к.и.н. **В.И.Батюк**; **А.С.Бевз**; к.э.и. **В.Б.Беневоленский**;
 к.и.н. **А.Д.Богатуров**; к.и.н. **П.В.Гладков**;
 к.э.н. **В.В.Дребенцов**; к.и.н. **И.В.Исакова**;
 к.и.н. **А.В.Кортунов**, председатель; д.и.н. **С.И.Лунев**;
 к.э.н. **А.Б.Митропольский**; д.э.н. **М.А.Портной**
 Директор Издательского Дома РНФ **В.И.Батюк** Тел. 202-68-61

Оглавление

Введение

Глава I. Теоретические проблемы изучения истории кочевнического общества

Глава II. Восточные славяне и тюрки Евразии (VI – IX вв.)

Глава III. Русь и Хазария

Глава IV. Русь и печенеги

Глава V. Половцы

Глава VI. Нашествие монголов. Русь и Орда

Глава VII. Русь и Орда. Исход спора

Заключение

Примечания

Введение

России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы: варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились в степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией.

А.С. ПУШКИН.

Для вас – века, для нас – единый час. Мы, как послушные холопы, Держали щит меж двух враждебных рас Монголов и Европы.

А.А. БЛОК.

«Для Востока – мы Запад, для Запада – мы Восток» – эта известная с начала прошлого века истина своеобразно отражает исторические особенности эволюции российской цивилизации. Как ни на какую другую страну христианского мира на Россию исключительное воздействие оказало соседство Востока, с коим она в течение веков непосредственно сталкивалась в лице кочевого мира великой евразийской степи. Ни одна из волн великих переселений народов, начинавшихся в центре Азии, не минула Восточной Европы, более того, именно ее обитатели первыми и сталкивались с бесчисленными ордами номадов. Эти встречи со степью и определяли причудливые изгибы исторических судеб Руси. Соседство со степными просторами

предопределило же превращение Руси в Россию, когда, восторжествовав, наконец, над Золотой Ордой, русский народ приступил к освоению необъятных пространств Евразии.

Тысячелетнее соседство Руси и степи, неизгладимый след которого мы ощущаем и ныне, естественно предопределило исключительное внимание русской исторической науки к кочевым обитателям евразийских просторов, к миру их цивилизации. «Кочевая цивилизация представляла собой отработанную веками наиболее рациональную для того уровня производительных сил форму освоения человеком внутренних регионов Азии. Это была жизнеспособная, отнюдь не примитивная система общественной организации, способная гибко реагировать как на изменение природных условий, так и на внешнюю опасность. Более того, в этом мире мерного передвижения стад, войлочных юрт, трудной жизни пастухов и постоянного хаоса междоусобиц нередко аккумулировались силы, способные подобно удару молнии поражать соседние оседлые цивилизации», – пишет российский ученый-тюрколог. И с этим нельзя не согласиться.

Не случайно, именно в российской исторической науке с XIX века и поныне столь великое место всегда находили исследования, посвященные взаимоотношениям Руси и степи в различные эпохи. Из числа крупнейших исследователей этой проблематики следует вы

делить в дореволюционной историографии П.В. Голубовского, В.Г. Васильевского, Д.А. Расовского, Г.В. Вернадского в русском зарубежье; Г.А.Федорова-Давыдова, С.А.Плетневу в русской советской науке; особое место занимают многочисленные труды Л.Н. Гумилева, чей фундаментальный труд «Русь и Великая Степь» должен был как бы увенчать изучение этой важнейшей проблематики.

Споры ученых о роли кочевников в русской истории, о характере и традициях взаимоотношений русского народа с обитателями великой евразийской степи к настоящему времени не только не сошли на нет, но, пожалуй, стали еще более острыми, что связано в первую очередь с раскрепощением отечественной исторической мысли после падения коммунистического режима в России. В то же время, поскольку порой «новое – это хорошо забытое старое», во многом эти споры воскрешают, казалось бы, забытые дискуссии еще 20-х годов, эпохи рождения теории «евразийства», переживающей в России уже 90-х годов свое второе рождение. Американский историк Чарльз Гальперин, в середине 80-х годов выпустивший две работы, посвященные евразийству в том числе, где оно рассматривалось как явление, скорее историческое, нежели актуальное, тогда, возможно, был бы удивлен, узнав, что евразийству суждено вскоре вновь заявить о себе и в науке (Л.Н. Гумилев), и в освобожденной русской публицистике (ряд статей Вадима Кожинова).

Здесь необходимо остановиться на самой проблеме «евразийства» в русской исторической мысли. Ее рождению в науке предшествовало звучание евразийских идей в поэзии. А.А. Блок взял эпиграфом к своим знаменитым «Скифам», где восклицал: «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, – с раскосыми и жадными глазами», – строки Владимира Соловьева:

«Панмонголизм! Хоть имя дико, Но мне ласкает слух оно».

В двадцатые годы «панмонголийское» евразийство обретает статус научного течения. Россия, по мнению адептов новой тогда теории, – это и не Европа, и не Азия, а совершенно особый мир, «мир в себе» – Евразия, границы коей практически совпадают с рубежами Российской империи к началу I Мировой войны. Она включала в

себя обширнейшие пространства, расположенные в различных климатических поясах, что, однако, никак не влияло на ее географическое единство. Таковое и объявлялось основой геополитического и этнокультурного единства евразийцев. С этой точки зрения жители Евразии, то есть, по сути, подданные Российской империи имели меж ду собой много больше черт, чем с «неевразийцами», несмотря даже на языковую и этническую близость к последним. «Таким образом, русские оказывались, например, ближе к башкирам, чем к западным славянам». Таковая близость более всего отражалась в «мирных и дружественных» отношениях между народами Российской империи. История Евразии – циклична и представляет собой «серию попыток» достичь желаемого геополитического единства «леса и степи». Основой успеха подобного объединения мог стать только «твердый и истинный» религиозный фундамент – православие.⁴

Если вести речь об исторических корнях евразийства, то необходимо привести следующие оценки его: по мнению Чарльза Гальперина, основанного на выводах русского историка П.Рязановского, евразийство выпало из «теологии Владимира Соловьева, успехов ориенталистики, поэзии символистов с ее метафорой «русский-азиатский», православной экзальтацией»⁵. Также Гальперин увидел в евразийстве отзвуки «европейского отчаяния», вызванного ужасами войны, влияние «Заката Европы» О.Шпенглераб.

С такими выводами должно согласиться. В то же время необходимо указать и конкретные исторические причины, породившие столь своеобразные теоретические изыски.

Безусловно, исключительное воздействие на появление евразийства оказал конец 1922 года – упразднение собственно российской государственности и превращение того, что только что было Россией, в Советский Союз – прообраз будущего всемирного советского государства, что создатели СССР и не скрывали. Будущие евразийцы, в первую очередь их духовный вождь князь Трубецкой, пожалуй, ранее всех увидели трагизм, таившийся в преобразовании России в СССР. Князь Трубецкой прозорливо увидел, что теперь, при неизбежном исторически освобождении России от коммунизма, утрачены надежды на сохранение того самого единого геополитического пространства, каковым была Российская империя. Конец коммунистической тирании означает и отпад от России нацио

нальных окраин, и неизбежное замыкание в основном в этнических границах Великороссии. Отсюда вывод: поскольку единство СССР спаяно коммунистической идеологией, то при крахе советской власти ей на смену должно немедленно выдвинуть новую моноидеологию, способную жестко духовно сплотить население 1/6 части света и, тем самым, сохранить единое государственное пространство бывших Российской империи и Советского Союза. Такой идеологией может стать только евразийство, говорящее разноименным народам: главное не то, что вы – русские, татары, малороссы, казахи, армяне; главное то, что все вы – дети Евразии, это единое геополитическое и этнокультурное пространство замкнуто в государственных пределах, охватывающих шестую часть земли, это величайшее ваше достояние и долг народов Евразии перед своей тысячелетней историей - это державное наследие сохранить.

Такая концепция и привела евразийцев, несмотря на неприятие коммунистической идеологии, к примиренчеству с большевистским режимом, главной заслугой которого они и почитали сохранение единого государственного пространства бывшей Российской империи. Примиренчество, однако, закончилось для самих евразийцев трагически, ибо втянуло многих из них в прямое пособничество ЧКГБ, за кое доблестные «рыцари Дзержинского», как правило, вознаграждали их в конце концов пулей. На эту тему была в «Иностранной литературе» историко-публицистическая статья А.Фадины.

Возрождение евразийства спустя семь десятилетий в девяностые годы XX века вне всякого сомнения также связано с политическими реалиями, являясь прямой реакцией на распад того самого единого государственного пространства в лице СССР.

Говорить о научной состоятельности евразийства излишне. Это теория, выполнявшая, и достаточно безуспешно, сугубо политическую задачу и потому не могущая в принципе обрести сущность научной. Еще Н.А. Бердяев резко осудил этатистскую утопию евразийцев. В девяностые годы XX века возрождение евразийства есть не более, чем гальванизация трупа, сколь широкое распространение прежде всего в публицистике оно не получало бы.

Особо следует сказать о трудах Л.Н. Гумилева. Прежде всего они высокоталантливы, замечательно ярко написаны и являют собой подлинно художественные произведения. Научность их – это другой

вопрос. Безусловно, исследования Льва Николаевича в области тюркологии, истории древних тюрок, хазар, воздействия биосферы на этногенез – это выдающийся вклад ученого в русскую историческую науку, труды же его в ключе евразийском, прежде всего «Русь и Великая Степь», сколь бы немалыми художественными достоинствами они ни обладали, к науке отношения иметь не могут, ибо, по словам и самого автора, основаны не столько на первоисточниках, иные из которых порой и изобретаются, сколько на интуитивных домыслах сочинителя. И талант Л.Н. Гумилева не смог избавить евразийство от тех врожденных пороков, на кои указывал Чарльз Гальперин применительно к двадцатым годам: метафизичность, идеализм, ненаучность, базирующаяся на подтасованном фактическом материале .

Евразийство 90-х лишь эпигонски повторило огрехи предшественников семидесятилетней давности. Ныне, правда, публицистический эффект вынуждает считаться с евразийством как с существующим, пусть и ненаучным направлением в современной русской исторической мысли.

Цель настоящего исследования – не полемика, а стремление проследить действительные исторические особенности взаимоотношений Руси и степи на всех их основных этапах.

Глава I. Теоретические проблемы изучения истории кочевнического общества

Прежде чем перейти непосредственно к проблемам взаимоотношений Руси и обитателей кочевой евразийской степи, необходимо коснуться важнейших теоретических вопросов изучения кочевнического общества, поскольку многие из них являются дискуссионными. Кроме того, взаимоотношения народов земледельческих и кочевых невозможно сколь-либо удовлетворительно понять, не разобравшись предварительно в особенностях самого общества номадов, имеющего свои неповторимые черты, резко отличающие его от обществ земледельческих.

К числу таких проблем относятся в первую очередь вопросы закономерности развития скотоводческого хозяйства в условиях классового общества, сама социальная эволюция номадов, особенности процесса классовобразования у них. Здесь задачей исследователей было выделить в кочевом обществе наиболее существенные черты его социальной структуры и основные этапы его эволюции.

Особое значение приобретает проблема перехода кочевников к оседлому образу жизни, их переход к земледелию. Здесь в отечественной историографии выделяются два направления решения этой проблемы. По мнению видного археолога С.А. Плетневой, происходит закономерная эволюция общества номадов «от кочевий к городам». Кочевники всегда переходят в конечном итоге к земледелию и оседлости, что обусловлено закономерностями развития кочевнической экономики. В связи с этим С.А. Плетнева выделяет три последовательно сменявшие друг друга формы кочевого хозяйства:

- 1) полностью кочевое с отсутствием земледелия и оседлости (таборный или куренной способ кочевания);
- 2) полукочевое с постоянными зимовками и частичным заготовлением кормов (вежевой или же айильный);
- 3) полукочевое с параллельным развитием земледелия и оседлости.

Этим трем формам, как пишет С.А. Плетнева, соответствуют три стадии общественных отношений: первым двум – айльно-общинные, третьей же – классовые.⁵

Данная постановка проблемы вызывает ряд замечаний.

Прежде всего трудно согласиться с тем, что кочевники всегда переходят к оседлости и что этот обязательный переход вытекает из закономерности развития кочевнической экономики. Излишняя категоричность этого мнения вызвана недостаточным вниманием к географическому фактору. А ведь в истории кочевых народов природные условия играли исключительно важную роль. Следует помнить, что кочевая цивилизация являла собой веками отработанную и наиболее рациональную для того уровня производительных сил форму экономического освоения степных просторов Евразии.⁶ Природные условия большей части евразийских степей делали кочевое хозяйство единственно оптимальным способом организации экономической жизни на этой территории. Именно этим и объясняется сохранение калмыками, большей частью казахов, монголов и ряда других народов кочевого ведения хозяйства в степях вплоть до XX столетия. Только в случае изменения природных условий либо переселения кочевого народа в иную географическую среду, где кочевой способ ведения хозяйства перестал быть оптимальным и более выгодным становилось земледелие, начинался переход кочевников к оседлости. Факторами, ускоряющими процесс оседания кочевников на землю, было наличие на этих землях оседлого населения. В данном случае С.А. Плетнева совершенно справедливо отмечает, что «в тех случаях, когда кочевники занимают земли, принадлежащие земледельцам» происходит стремительный переход кочевников к земледелию.⁷ На ускорение процесса оседания кочевников могла повлиять и политика государства, которое икорпорировало тот или иной кочевой народ в свой состав

Советский историк Л.Н. Гумилев и венгерский историк И. Эрдеи полагают, что переход кочевников к оседлости в средневековье всегда был следствием воздействия внешней силы и, следовательно, не было закономерного процесса перехода «от кочевий к городам», а было «сосуществование кочевий и городов при меняющихся формах взаимодействия».⁸ Однако, верно подмечая одно из важнейших условий успешного процесса оседания кочевников на землю, сторонники этой точки зрения также недостаточно учитывают

географический фактор. Там, где он не благоприятствовал переходу к земледелию, включение кочевого народа в состав оседлого государства и соседство земледельческого населения не вызывали тем не менее массового перехода кочевников к оседлому образу жизни. Иллюстрацией этого служит история калмыков, большинства казахов и киргизов, оставшихся кочевниками вплоть до «эпохи социализма». В период же средневековья мы находим случаи перехода кочевников к оседлости без прямого воздействия внешней силы на территориях, где не было развитых земледельческих традиций. Классическими примерами этого являются Хазарский каганат и Волжская Болгария. Все десять хазарских городов: Итиль, Семендер, Хамлидж, Байда, Беленджер, Савгар, ХТЛГ, ЛКН, Сури и Маемада – и окружающие их земледельческие сельские поселения, на основе которых они и разрослись в городские центры, возникли на территории, где ранее земледельческие культуры отсутствовали, и, следовательно, хазары при переходе к земледелию не испытали ни воздействия внешней силы, ни непосредственного влияния земледельческого населения. Сходной во многом были и история Волжской Болгарии. Болгары на Волге и в Прикамье заняли лесостепные земли. Для конца IX века в могильниках нигде не встречаются земледельческие орудия, но уже в конце X века Волжская Болгария это государство с развитым земледелием и городской жизнью 10.

Итак, самым главным фактором перехода кочевников к оседлости в эпоху средневековья является фактор географический, когда природные условия вынуждали номадов постепенно переходить к оседлому образу жизни и земледелию, поскольку в данных условиях кочевое ведение хозяйства перестает быть экономически оптимальным.

Факторами, ускоряющими процесс оседания кочевников на землю, являются влияние сохранившегося на этих землях земледельческого населения и, в ряде случаев, воздействие государства, подчинившего себе кочевников или соседствующего с данным кочевым обществом.

Неубедительной представляется и проведенная С.А. Плетневой прямая связь перехода кочевников к оседлости с процессом классового образования в кочевом обществе. Переход кочевников к оседлости вовсе не обязательно связан с процессом классового образования у номадов. Классовое образование, и отсюда уже проблема феодализма у

кочевых народов, сводится к наличию или отсутствию у них феодальной собственности на землю,

У кочевников не было точно такой же формы собственности на землю, которая была у оседлых народов. Тем не менее у них существовала монополия сословная феодальная собственность на землю, но в скрытом виде. В силу их кочевого образа жизни она была, во-первых, чрезвычайно неопределенной по своим границам и, во-вторых, реализовывалась через управление кочеванием зависимых от кочевого феодала групп номадов.

Тот представитель социальных верхов у номадов, который осуществлял управление и регулирование маршрутов кочеваний, являлся собственником земли в широком смысле, в том, в каком следует понимать феодальную собственность на землю как основную социально-экономическую категорию формации. Закрепление пастбищ за теми или иными кочевыми коллективами наряду с властью над этими коллективами какого-либо представителя степной аристократии приводило к установлению собственности кочевых феодалов на землю.

Подчинение групп производителей кочевников ханам, нойонам выражалось в ряде повинностей и платежей, что и было экономической реализацией феодальной собственности, то есть феодальной ренты.

Перераспределение пастбищ между кочевыми общинами, осуществляемое ханами и кочевыми беками принудительно, и было формой реализации монопольного права на землю со стороны социальных верхов.

Суть феодальной эксплуатации в обществе номадов состояла в том, что у бека, нойона или хана была масса зависимых от него людей, зависимых в силу военной мощи хана, в силу, наконец, раздачи верховной властью кочевого населения в удел, во владение, в условное или иное улусное держание.

Это была сословная феодальная собственность на землю, реализуемая в управлении кочеванием; в эксплуатации рядовых кочевников, вынужденных следовать со своим скотом по указанным ханами и нойонами маршрутам; во власти над людьми, распределенными по улусам, признаваемой рядовыми кочевниками путем уплаты определенной доли своего продукта классу феодалов.

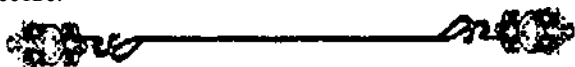
Кочевое общество само приходило к феодализму и не тогда, когда

кочевники стали в массовом порядке переходить к оседлости, а уже в то время, когда кочевание у них превратилось из беспорядочного блуждания в передвижение по установленным маршрутам, то есть тогда, когда происходит переход от таборного к аильному (вежевому) способу ведения кочевого хозяйства.

Именно это важнейшее условие начала становления у кочевых народов феодальных отношений выделял выдающийся русский ученый академик Б.Я. Владимирцев. В свое время он блестяще доказал, что процесс классовобразования в кочевническом обществе связан с переходом кочевников от куренного (таборного) способа кочевания к аильному (вежевому): «образование степной аристократии, появление вежей, ханов, которых она выдвигала и поддерживала, ...зрело на переходе от куренного способа кочевания к аильному». При переходе кочевников к аильному способу кочевания те, кто возглавляют кочевья – аилы, получают право распоряжаться кочевьями, то есть определять сроки, порядок, направление перекочевок, размещение на новых стойбищах. Именно в этом, как уже отмечалось, и выражается в кочевническом обществе феодальная собственность на землю. Регулируя кочевание, получая преимущественное право на землю, возможность захватывать для своих стад лучшие пастбища, кочевая знать осуществляла свою феодальную собственность на землю. При этом, распоряжаясь кочевками, знать осуществляла свое господство над людьми, непосредственными производителями. Наличие у кочевой знати на основе феодальной собственности на землю права распоряжаться кочевьями и массы зависимых от знати людей (рядовых кочевников) и являлось сутью феодальной эксплуатации в кочевом обществе.

Следовательно, трем формам кочевого хозяйства соответствуют следующие стадии общественных отношений:

1. Полностью кочевому (таборному, куренному) способу последняя стадия развития строя военной демократии.
2. Переход к аильному способу кочевания с наличием постоянных зимних веж означает зарождение раннефеодальных отношений.
3. Полукочевое хозяйство с параллельным развитием земледелия является переходной формой к оседлому образу жизни. Ему соответствует развитие феодальных отношений в кочевом обществе.

Глава II. Восточные славяне и тюрки Евразии (VI – IX вв.)

«Великое странствие народов, произведшее нынешнее население Европы, касается началом своим глубокой древности. Оно было, может быть, современно основанию Рима, если еще не прежде. Когда Средиземное море омывало еще возрождающиеся государства, видело первые шаги возникающей торговли и развивался дух народов, составивших цвет древнего мира, – во глубине Азии скрывался другой, неведомый мир, которому определено было уничтожить, убить все древнее величие, древний дух, древние формы прежнего и заместить его всем новым»¹ – писал Гоголь .

Великое переселение народов, обозначившее конец античного мира и закончившее основание современной Европы, и столкнуло впервые предков славян с тюрко-монгольскими обитателями степи. До этого, в I-IV вв. н.э., когда впервые славяне-венеды начинали свое продвижение на восток Европы, они сталкивались с иранским кочевым миром степей Северного Причерноморья. Величайший римский историк Публий Корнелий Тацит, перу коего принадлежит одно из первых исторических упоминаний о славянах, числил их в соседях сарматов – ираноязычных кочевников причерноморских степей. Тацит отличал славян-венедов от сарматов, указывая, что они, подобно германцам «сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне»². В то же время римский историк знал, что «венеды переняли многое из их нравов», следовательно, контакты между славянами и сарматами были достаточно устойчивыми.

На рубеже III-IV вв. поселения славян достигли уже нижнего течения Дуная и Приднестровья, региона, бывшего традиционным ареалом проживания кочевых обитателей степных просторов Восточной Европы⁴. Сведения об этом нам известны из так называемых Певтингеровых таблиц – карт римских дорог, сохранившихся в копии XIII века. К сожалению, имеющиеся данные не позволяют историкам пока проследить процесс расселения славян там,

нее обитали иранцы, а также особенности их взаимоотношений.⁶ Но все же можно с изрядной долей уверенности говорить о том, что ярко выраженной враждебности здесь не проявлялось, хотя военные столкновения, очевидно, бывали нередко.

Последняя четверть IV века впервые столкнула славян с тюркомонгольским миром великой евразийской степи. 375 г. датируется нашествие гуннов на Восточную Европу. В это время в Северном Причерноморье по соседству с варварскими королевствами визиготов и остроготов обитали славяне-венеды, восточная ветвь которых уже тогда именовалась антами.⁷ Анты воевали с готами Германариха и его преемника Винитария (Витимара) и ко времени нашествия гуннов подчинялись остроготам.⁸

Историческая память славян, однако, не оставила нам какихлибо известий о столкновении славян и гуннов на Востоке Европы, хотя таковые, безусловно, имели место. Готские королевства Северного Причерноморья были в 375-376 гг. полностью разгромлены гуннами. С этим разгромом и связан массовый исход населения этих земель за Дунай в пределы Римской империи, о чем свидетельствуют данные археологии: Черняховская культура, как принято в отечественной науке именовать материальную культуру готских королевств, резко прекращает свое существование как раз в самом начале последней четверти IV в. В числе представителей ее, наряду с самими готами, сарматами, кельтами, фракийцами, были и славяне.

Крах скороспелой гуннской империи в Центральной Европе во второй половине V в. облегчил славянам движение на восточноевропейскую равнину. В начале VI в. по современному описываемым событиям свидетельству восточно-римского историка готского происхождения Иордана славяне-анты, сильнейшие из двух великих славянских племен, склавинов и антов, «распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину»⁹. Здесь антам и предстояло столкнуться и с тяжелейшим ущербом для себя, с тюркомонгольскими кочевыми племенами, нашествия которых на Восточную Европу со времени первого вторжения гуннов, становятся, увы, постоянными.

В предгорьях Восточных Карпат анты приобрели опыт сражений с кочевниками в конце V – начале VI в. Среди номадов могли быть и остатки гуннов, и протоболгары (кутригуры и утигуры)¹⁰.

Здесь взаимоотношения славян с обитателями степи носили резко враждебный, причем обоюдный характер. По свидетельству византийского историка Менаандра один из наиболее знатных кутригуров «пылал ненавистью к антам».

Во второй половине 50х гг. VI в. анты потерпели от кочевников, скорее всего от протоболгар, тяжелое поражение. Правители антов, по словам Менаандра, находились после этого в тяжелом положении.¹² Беда не приходит одна: вслед за протоболгарами удар по антам нанесли авары. Первые столкновения антов с аварами произошли на рубеже 50-60х гг. VI в. на землях бывлой Скифии – в степях Северного Причерноморья. В Восточную Европу авары пришли из глубин Центральной Азии. Они были известны в Китае, немало пострадавшем от их набегов. Желая хоть словесно отомстить аварам за их жестокие и разорительные вторжения, от коих китайцев очередной раз не защитила Великая Стена, подданные Срединной империи прозвали их «жуань-жуаны», что в переводе с китайского означало презрительное «черви».

Славяне же прозвали аваров «обры». Их историческая память, упустив и позабыв со временем многие детали, тем не менее сохранила жуткие подробности обид, учиненных аварами славянским племенам. Русская летопись содержит достаточно подробный рассказ о нападениях на славян кочевников от протоболгар до печенегов и венгров на протяжении четырех веков:

«Славяне, как мы уже говорили, жили на Дунае и пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были насильники славянам. Затем пришли белые угры и завладели землей славянской, прогнав волохов, которые еще прежде захватили славянскую землю. Эти угры появились при царе Ираклии, который ходил походом на персидского царя Хоздроя. В то время были и обры, воевавшие против царя Ираклия и чуть его не захватившие. Эти обры воевали и против славян и при мучили дулебов – также славян, и творили насилие женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу три, четыре или пять жен и везти его, обрина. И так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и Бог истребил их, и умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси до сего дня: «Погибли как обры», – их же нет ни племени, ни потомства. Вслед за этими обрами пришли печенеги, а

затем шли черные угры мимо Киева, уже после, при Олеге».

Если проанализировать данный отрывок из русской летописи строго исторически, то нельзя не увидеть, что содержит он сведения отрывочные, изложенные достаточно путано. Первыми тюрками, напавшими на славян, оказываются болгары (протоболгары), лишь за ними приходят белые угры (очевидно, гунны), которые изгоняют римлян, захвативших ранее славянские земли. (Под волохами, в данном случае, как доказано В.Д. Королюком, должно видеть римлян). Одновременно появляются и авары (обры). Пытаясь определить историческое время происходивших событий, как войн римлян с гуннами, так и появления аваров, летописец сообщает, что было все это в правление императора Ираклия. Этот византийский император правил с 610 по 641 гг. Поэтому такая датировка явно анахронична. В чем же историческая ценность этого летописного пассажа? Прежде всего, именно в предании об исключительной жестокости аваров в отношении славян, особенно дулебов, обитателей Прикарпатья. То есть того самого региона, где восточные славяне впервые столкнулись с кочевыми тюрками. Предание, безусловно, носит фольклорный характер. «Причем, как это характерно для фольклорного предания, рисуется не вся совокупность отношений победителей и побежденных, а даются такие детали, которые яснее и нагляднее передают суть этих отношений... Езда на женщинах – какое унижение может быть горше! Это и сохранилось в памяти народа, стало символом того, как обры «примучили» дулебов».

А. Шайкин верно отметил, что в рассказе обры наделены характерными приметами эпических противников, которые и терпят поражение, как и положено в эпосе.

Особо следует выделить описание гибели обров. Возможно, летописец действительно не знал, что аваров окончательно сокрушили доблестные франки Карла Великого. Славяне также принимали в этом участие, и немалое. Но, думается, летописцу важно было иное: обры сокрушены с Божьей помощью. Бог истребляет их, беря славян под свое прямое покровительство, тем самым выделяя их, как народ «Богоизбранный». Далее эта тема будет развита летописцем в описании взаимоотношений уже Руси и Хазарии.

Глава III. Русь и Хазария

Противостояние Руси и Хазарии является поныне одной из наиболее остродискуссионных тем в русской исторической науке. Не случайно эта тема стала одной из центральных на международной научной конференции «Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: Средние века начало Нового времени», проходившей в Москве в марте 1993 г. Этой проблематике было посвящено несколько докладов.¹ Повышенное внимание к русско-хазарским отношениям во многом связано с религиозной спецификой хазар, воспринявших от еврейских миссионеров иудаизм. Отсюда в настоящее время возникла следующая проблема: было ли противостояние Руси и Хазарии обычным противостоянием земледельцев славян и кочевников тюрков на востоке Европы или же оно и впрямь связано с иудейским вероисповеданием хазар. Ставится вопрос о степени воздействия хазар на Русь, высказывается мнение о «хазарском иге» на Руси, якобы несравненно более тяжком, нежели монгольское, сама сущность коего как «ига» вообще берется под сомнение, а то и отвергается. Наиболее последовательно эти взгляды изложены Л.Н. Гумилевым.²

Что же сообщают источники о русско-хазарских связях? Древнерусская летопись относит первое появление хазар на землях восточных славян к середине IX в., к тому времени, когда в Киеве скончался его основатель со всеми своими родными, незадолго до этого ходивший «к царю» в Царьград и пытавшийся основать свой город на Дунае. Летопись рассказывает, что по смерти Кия княжение его (земля полян) испытала немало бед: «Вослед за тем по смерти братьев этих поляне были притесняемы древлянами и иными окрестными людьми. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах, и сказали: «Платите нам дань».

Думается, смерть всей верхушки княжеского рода, немалые потери понесенные ратью полян в походе на Царьград и, особенно на Дунай, где столкновение с «близживущими» при основании города Киева оказалось для Кия явно неудачным, не могли не ослабить княжение полян. Потому-то соседи-древляне и прочие и стали

«притеснять» полян. И не раз еще предстоит столкнуться киевлянам с древлянами... Но наиболее интересным является рассказ летописца о том, как хазары потребовали дань с полян и что из этого вышло...

В ответ на требование хазарами дани «поляне, посоветовавшись, дали от дыма по мечу. И отнесли их хазары к своему князю и к своим старейшинам и сказали им: «Вот, новую дань захватили мы». Те же спросили их: «Откуда?» Они же ответили: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять сказали те: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не добрая дань эта, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, то есть саблями, а у этих оружие обоюдоострое, то есть мечи: станут они когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных земель». И сбылось все это, так как не по своей воле говорили они, но по Божьему повелению. Так вот и было при Фараоне египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старейшины Фараона: «Этот унизит когда-нибудь Египет». Так и случилось: погибли египтяне от Моисея, а сперва работали на них евреи. Так же и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так вот и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день».

Рассказ этот приводил в недоумение, а то и в раздражение многих и многих историков от А. Шлецера до Л. Гумилева своей очевидной несообразностью. Действительно, нелепа уплата дани мечами, явно надуманный разговор сборщиков дани со старцами хазарскими, но это лишь тогда, когда на рассказ этот смотрят как на буквально точное сообщение, как на безусловный исторический факт, забывая, что древняя русская летопись это отнюдь не сухая хроника, что она содержит и многочисленные фольклорные образы, аллегии, столь тесно переплетенные с изложением, несомненно, подлинных событий, что порой они и трудно уловимы.

Буквальное истолкование рассказа о дани полян хазарам мечами может привести любого историка только в тупик. Здесь очевидная аллегория, смысл которой совершенно ясен: поляне указывают хазарам на неразумность их требований дани, на неразумность, грозящую хазарам гибелью. Старцам хазарским понятно это, но, как подчеркивает летописец, не сами они это поняли, но устами их говорит Божье повеление, потому-то и не спасает хазар прозорливость их старцев. Самой волей Божьей обречены хазары за обиды,

нанесенные русским, за само требование дани, быть поверженными. Особое внимание должно обратить на обращение летописца к Ветхому Завету и сопоставление судьбы библейских египтян и враждебных Руси хазар. Торжество русских над хазарами прямо приравнивается к торжеству Богоизбранного народа над своим прежним гонителем. Иудаизм самих хазар, в силу этого могущих причислять себя к народам «богоизбранным», русской летописью не замечается.

В истории с аvaraми Бог уже выступал на стороне славян, теперь он на стороне Руси... У историка невольно может возникнуть соблазн, оттолкнувшись от «богоизбранности» древних славян и Руси, вспомнить «богоизбранную» Москву – Третий Рим и, наконец, народбогосец Ф.М. Достоевского.

Но здесь, однако, такая преемственность едва ли уместна, «Богоизбранность» в эпоху раннего средневековья традиционно приписывали себе многие молодые народы Европы. В ту же эпоху, когда писалась первая русская летопись, сходную убежденность в своей «богоизбранности» высказывали и в Венгерском королевстве, и в Болгарии... И это едва ли случайное совпадение. Очевидно, здесь можно говорить о типологическом сходстве исторического мышления молодых народов, только-только создавших свои государственные образования и принявших новую для себя христианскую веру. Молодые государства – Венгрия, Болгария, Русь – были незаурядно могущественны и отнюдь не чувствовали себя неполноценными в сравнении с той же древней Византией, с «древлехристианскими народами». Ощущение своей силы, способность побеждать любых соседей, нежелание признавать превосходство тех, кто ранее уже исповедовал христианство, – все это оказывало исключительное влияние на формы самоутверждения молодых народов. Отсюда и убежденность в своей богоизбранности приходит примерно в одни и те же века и на Русь, и в Венгрию, несколько ранее в Болгарию.

Теперь обратимся к исторической канве русско-хазарских отношений.

Касательно версии о «хазарском иге» на Руси, летописные данные не дают ни малейшего основания предполагать что-либо подобное в русской истории IX-X вв. После аллегорической повести о дани полян хазарам мечами и жалобе их Аскольду и Диру в 862 г. на

обиды от хазар, известий о какой-либо дани полян хазарам не имеется. Возможно, именно с хазарами следует увязывать летописное сообщение об отражении Аскольдом и Диром печенегов, поскольку в указываемое летописью время – 867 г. – печенегов в южнорусских степях не было, впервые на востоке Европы они появляются лишь в 889 г., спустя семь лет после гибели Аскольда и Дира. Вещий Олег, ставший в 882 г. великим князем русским в Киеве, узнает о дани хазарам лишь княжений северян и радимичей, но не полян. В первые же годы своего княжения в Киеве он весьма успешно освобождает северян и радимичей от дани хазарам, подчинив их княжения непосредственно себе, и сам уже взимает ту дань, что до него получали хазары: «по шелягу с рала».

Выводы о зависимости Руси от Хазарии делаются порой на основании следующих источников:

- письма кагана Хазарии Иосифа визирю Кордовского халифата Хасдай ибн-Шафруту 961 г.;
- опубликованной Шехтером в 1912 г. рукописи Кембриджской университетской библиотеки, относящейся к концу XI—началу XII в., но описывающей события X в. в Восточной Европе;
- также обнаруженной в Кембридже в 1962 г. и опубликованной в 1982 г. учеными Голбом и Прицаком рукописи, датированной не позже, чем 930 г., и связывающей воедино три темы—Киев, евреев и хазар.

Обратимся к непосредственному анализу упомянутых документов.

Первый источник – письмо кагана Иосифа в Кордову – сообщает ряд сведений о восточных славянах, в частности, о вятичах и северянах, именуемых «в-н-н-тит» и «с-в-р». По утверждению Иосифа, живут они недалеко от реки Итиль (Волги), живут на открытой местности и в укрепленных стенами городах, служат кагану и платят ему дань. Здесь сразустораживает неточность географическая: если окские жители – вятичи в какой-то степени могут быть отнесены к народам, живущим близ Волги, то северяне, обитавшие в бассейне рек Десна и Сейм, скорее приднепровцы, нежели волжане. Один из крупнейших специалистов по истории тюркских народов С.А.Плетнева, думается, справедливо писала, характеризуя сведения, сообщаемые Иосифом Хасдай ибн-Шафруту: «В целом они очень запутаны, несомненно хвастливы, и хвастливость эта пресле

дует вполне определенные политические цели: Иосифу важно было создать о своем государстве как можно более сильное впечатление».⁴

К слову, следует добавить, что усилия Иосифа пропали даром каганату оставалось жить лишь пять лет. Важно и следующее: Иосиф не говорит о дани со всех восточных славян, а только с северян и вятичей, так что делать из этого письма вывод о подчиненности Руси Хазарии нельзя.

Второй источник-первый из Кембриджских документов содержит подробный рассказ, где прямо говорится о взаимоотношениях Руси, Хазарии и Византии в X в., когда в Константинополе правил гонитель евреев император Роман Лекапин:

«Роман же [злодей послал] также большие дары Хальгу, царю Руси и и подстрекнул его на его (собственную) беду. И пришел он ночью к городу Самбараю и взял его воровским способом, потому что не было там начальника, раб Хашманая. И стало это известно Булшици, то есть досточтимому Песаху, и пошел он в гневе на города Романа и избил и мужчин и женщин. И он взял три города [...]. И оттуда он пошел на (город) Шуршун – ..., и воевал против него [...]. И оттуда он пошел войною на Хальгу и воевал [...] и Бог смирил его перед Песахом. И нашел [...] добычу, которую тот захватил из Самбарая. И говорит он: «Роман подбил меня на это». И сказал ему Песах: «Если так, то иди на Романа и войю с ним, как ты воевал со мной, и я отступлю от тебя». [...] И пошел тот против воли и воевал против Константинополя на море четыре месяца. И пали богатыри его, потому что македоняне осилили (его) огнем. И бежал он и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию и пал там и весь стан его. Тогда стали русские подчинены власти хазар».⁵

Здесь мы видим набор весьма любопытных и во многом узнаваемых исторических сведений. Сожжение византийцами русского флота – это, безусловно, события похода Игоря на Константинополь в 941 г.; гибель предводителя русской рати в Персии вполне отождествляется с походом русских в 943-944 гг. в Закавказье на город Берда; Хальгу – это, конечно, Олег, а Самбарай издатель документа Шехтер отождествлял с землей северян, которую в 883 г. Вещий Олег действительно подчинил себе, лишив хазар получения с северян прежней дани.

В то же время сама последовательность событий вопиюще анах

ронична и совершенно противоречит современным X в. византийским и позднейшим русским источникам. Олег, Игорь и предводитель похода на Берда оказываются одним лицом, никаких известий о разорении владений Византии неким Песахом в правление императора Романа в византийских хрониках, современных этому времени, не имеется. Ни русские, ни византийские источники ничего не говорят о подчинении Руси Хазарии после событий первой половины сороковых годов X в. Исторически это правление в Киеве княгини Ольги, когда укреплялось внутреннее единство Руси и очень высоко стоял ее внешний престиж. Какое уж тут подчинение Хазарии?

Следует помнить, что сам документ, открытый и изданный в 1912 г. Шехтером, датируется только концом XI и началом XII в. Он на полтора столетия отстоит от времен Игоря и Ольги и на два столетия от правления Вещего Олега. Отсюда, должно быть, и его анахронизмы, и прочие неточности. Доказательством подчиненности Руси Хазарии известия, в нем содержащиеся, быть не могут.

Наконец, третий, новейший, открытый и изданный Голбом и Прицаком документ, датируемый не позднее, чем 930 г. Это письмо, написанное на чистом раввинистическом еврейском языке в Киеве. В нем представители еврейско-киевского кагала обращаются к другим «рассеянным» общинам с просьбой о помощи своему соплеменнику и единоверцу, выкупленному из плена. Письмо содержит 30 строк с целым рядом имен еврейского и хазарского происхождения.

Казалось бы, что этот источник, не содержащий никаких политических известий, никак не может быть использован в споре о сути русско-хазарских связей. Тем не менее, усилиями О.Прицака, Л. Гумилева и В. Топорова это произошло. Поскольку в документе около 930 г. название Киева совпадает с названием имени наемного хорезмийского военачальника, возглавлявшего в последние десятилетия хазарское войско, то были сделаны следующие выводы: поскольку имя этого военачальника полностью совпадает с именем легендарного Кия, основателя «матери городов русских», то можно отождествить оба этих персонажа. Так Кий превратился в начальника хазарского гарнизона в Киеве.

Следует признать легендарного Кия более, чем любопытной исторической личностью, которую позднейшие историки очень

любят отождествлять с иными персонами: академик Марр некогда отождествил его с неким Куаром, героем армянского предания VIII в., академик Рыбаков, без малейших на то оснований, сделал Кия современником Юстиниана и Феодоры, перенес его уже в VI столетие, Голб и Прицак, наконец, сделали его хорезмийцем на хазарской службе, да еще во главе киевского гарнизона.

Все эти гипотезы, разумеется, чрезвычайно любопытны, но все они не более, чем гипотезы. Они построены на догадках, смелых, интересных, но все-таки догадках. Нет ни одного сколь-либо реального исторического факта, который бы подтверждал таковые. Что же касается Кембриджского документа, открытого в 1962 г. и опубликованного в 1982 г., то он сообщает любознательному исследователю только один, пусть и очень существенный факт: в столице Руси Киеве, в правление князя Игоря, около 930 г. существовал иудейский кагал, находившийся в связи с иными, рассеянными иудейскими кагалами этой части Восточной Европы.

Само наличие этого кагала, возможно, «еврейского квартала» в Киеве никак не подтверждает мысли о зависимости Руси от Хазарии. Сама Хазария в этом документе вовсе не упоминается, хазарские имена его лишь свидетельствуют о проживании в Киеве в составе иудейского кагала не только евреев, но и хазар иудейского вероисповедания. О связях этого кагала с Хазарским каганатом нам ничего не известно, ибо документ о сих обстоятельствах умалчивает.

Наконец, важно помнить, что понятия «хазарин» и «иудей» в русском сознании X в. вовсе не сливались. В предании о крещении Руси, когда Владимир спрашивает проповедников-иудеев: «То где есть земля ваша?», то они, пусть даже будучи из Хазарии, отвечают: «В Ерусалиме... Разгневался Бог на отцы наши и расточины по странам грех ради наших и преданы быть земля наша хрестьянам.» Речь здесь, следовательно, идет о собственно иудеях.

В целом, прямые данные источников не позволяют сделать вывода о «хазарском иге» на Руси, а также увязывать русско-хазарские отношения с проблемой иудаизма.

Реально прямое столкновение Руси и Хазарии произошло только в середине 60-х гг. X в., когда начинал свою воинскую деятельность сын княгини Ольги Святослав.

Первый свой поход Святослав совершил в 964 году в возрасте

22 лет. Путь его дружины лежал на Оку и Волгу в земли вятичей, после усмирения уличей и древлян оставшихся, пожалуй, самым непокорным народом на Руси.

Вятичи впервые признали зависимость от Киева еще в правление Олега, что явствует из их участия наряду с прочими племенами Руси в походе на Константинополь в 907 году. Были вятичи и в войске Игоря. Теперь же в 964 году, должно быть, сделал и попытку отложиться, что и вызвало поход на их землю дружины Святослава. Прибыв в земли вятичей Святослав прежде всего стал выяснять, кому вятичи платят дань. В Киев, значит, она поступать перестала, иначе бы незачем князю это выяснять. Ответ вятичей был таков: «Хазарам – по шелягу с сохи даем». Сама по себе дань хазарам «по шелягу с сохи» не удивительна – точно такую они брали некогда с северян – стоит удивиться другому: как вятичи, недавно лишь бывшие в войске Игоря, когда он ходил на Дунай и, следовательно, подданные киевского князя, вдруг стали данниками и враждебного Руси Хазарского каганата?

На этот вопрос есть два возможных ответа:

- либо вятичи, отделившись от Киева, оказались недостаточно сильны, чтобы обеспечить свою независимость, и потому превратились в данников хазар;

- либо они сами пошли на это, видя в хазарах возможных защитников от киевской власти.

В любом случае дань, взимаемая хазарами с вятичей, дала повод Святославу к войне против хазар. В следующем 965 году русское войско двинулось вниз по Волге. Первыми на пути Святослава оказались волжские болгары. Святослав нанес им жестокое поражение и захватил сам город Булгар – столицу Волжской Болгарии. Разграбив этот богатейший город, войско Святослава двинулось на юг и следующую богатую добычу захватило в земле буртасов народа, жившего на Средней Волге. Наконец, войско Святослава достигло пределов Хазарии. Здесь навстречу русскому воинству вышли хазары во главе с самим каганом, владыкой Хазарии. В жестокой битве Святослав разгромил хазар и овладел их столицей и прочими важнейшими городами некогда могущественного каганата. Сказано в русской летописи: «хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел

Святослав хазар и столицу их и Белую Вежу (один из главнейших городов Хазарии на Дону) взял».

Мусульманский историк, арабский путешественник, современник этих событий Ибн-Хаукаль, записал следующее: «Русы разрушили... и разграбили все, что принадлежало людям хазарским, болгарским, бургасским на реке Итиле (восточное название Волги). Русы овладели этой страной».

В этом походе Святослав проявил умение находить союзников против своих врагов. В разгроме Хазарии, по свидетельству арабского историка конца X-начала XI в. Ибн-Мисхавейха, участвовали и кочевые тюркские племена гузов, заключившие союз со Святославом. Позже, в середине XI века, гузы перекочуют в южнорусские степи и получают на Руси известность под именем «торков».

965 год – это роковая година в истории Хазарии. Сбылось летописное пророчество хазарских старцев. Русь не только избавилась от дани хазарской, но и уничтожила самый каганат. От разгрома, учиненного ей ратями Святослава и его союзниками – гузами, Хазария боле не оправилась. Грозный каганат, некогда на равных говоривший с Византийской империей и Арабским Халифатом, требовавший дань со своих соседей, навсегда прекратил свое существование.

Покончив с Хазарией, Святослав двинулся на Северный Кавказ, где победил аланов, предков современных осетин и касогов, предков адыгских народов. Тогда же Святослав достиг Тьмутаракани и подчинил Киеву самую дальнюю русскую землю – Тьмутараканское княжество, располагавшееся на землях Кубани и Восточного Крыма. Тьмутараканская Русь заслуживает того, чтобы уделить ей особое внимание. Когда впервые славянское население овладело Керченским полуостровом и Нижней Кубанью, определить нелегко. Можно предположить, что где-то около середины IX века, если связать образование Тьмутараканского княжения с начавшейся активностью русов на Каспии. Впервые русы на Каспийском море появились между 864-884 гг., но по-настоящему большие походы они начали предпринимать с начала X века. В 909 году 16 кораблей русов захватили на Каспийском море остров Абесгун, а в следующем году захватили город Сари. В 913 году уже большой флот русов, насчитывавший, по сведениям арабского историка пер

вой половины X века ал-Масуди, около 500 кораблей, собрался в Керченском проливе. Русы обратились в кагану Хазарии с просьбой разрешить им пройти по Дону в Волгу, а затем спуститься в Каспийское море. Русы обещали Кагану половину предполагаемой добычи, в захвате которой на Каспии они были вполне уверены. На обратном пути, когда русы достигли столицы Хазарии города Итиль близ современной Астрахани, и, согласно уговору, выслали обещанную долю добычи, хазары предательски напали на них и разгромили. Произошло это из-за вмешательства мусульманской гвардии кагана, не простившей русам грабежей их единоверцев-мусульман в прикаспийских странах. Спустя 30 лет, в 943 году русы вновь предприняли большой поход на Каспий. Пройдя тем же путем через Хазарию, они вышли в Каспийское море, проплыли далеко на юг, достигли пределов богатых мусульманских земель Закавказья и, поднявшись вверх по течению реки Куры, захватили город Берду. Здесь они столкнулись с ожесточенным сопротивлением местного населения и даже потеряли в бою своего вождя. Русам пришлось укрыться в крепости Берда и зимовать за ее стенами. Весной 944 года им удалось прорваться к морю, и на своих судах они сумели уйти на родину.

Походы эти очень трудно увязать с Киевской Русью. В 913 году Игорь, по смерти Олега, усмирял мятежных древлян и едва ли мог отправить 500 кораблей с воинами в Хазарию. В 943 году общерусское войско в союзе с печенегами готовилось к большому походу на Дунай против Византии, и время это было совсем не подходящим для посылки большого войска на далекий Каспий. Нельзя связать поход русов на Берду и с именем воеводы Игоря Свенельда. Предводитель русов у Берды погиб, Свенельд же благополучно жил еще более трех десятилетий.

Скорее все же должно увязывать русов, совершавших походы в мусульманские земли на берегах Каспия, с русами, жившими на Северо-Западном Кавказе и в восточном Крыму. На берегах Керченского пролива стояло два русских города: на кавказском – Тьмутаракань, близ современной Тамани, на крымском – Корчев, современная Керчь. Там-то и могли русы построить свой флот и двинуться далее в Хазарию. Скорее всего именно этих тьмутараканских русов, возможно, имели в виду византийцы, называя их «черными болгарами» в договоре с Русью 944 года. Тьмутараканс

кая Русь была, безусловно, не самым приятным соседом для Херсонеса и прочих византийских владений в Крыму.

Подчинение Тьмутаракани Киеву значительно усиливало положение Руси в Причерноморье. После же разгрома Хазарии, побед над волжскими болгарами, бургасами, аланами и касогами Киевская Русь становилась могущественнейшей силой в Восточной Европе. Былая хазарская угроза с Востока ушла в небытие.

Но в это время новый тюркский народ становится грозой для степных рубежей Руси.

Глава IV. Русь и печенеги

Если с хазарами Русь сталкивалась лишь эпизодически и в лице прежде всего отдельных юго-восточных княжений, то печенеги, утвердившиеся в южнорусских степях, стали постоянными соседями русских и оказали на судьбы Древней Руси весьма немаловажное влияние. По своему происхождению печенеги были тюркским народом, жившим в степях Приуралья в IX в. Во второй половине этого столетия печенеги стали теснить на запад кочевавших в Южном Приуралье венгров, которые устремились на земли Хазарского каганата. На землях каганата венгры не задержались и вскоре обосновались в Северо-Западном Причерноморье, где стали соседями дунайских болгар и Византии. Местность эта, простиравшаяся от Днепра на востоке до Сирета на западе, именовалась тогда Ателькуза. Печенеги, вытеснив венгров с их прародины, что обрекло кочевых мадьяр на поиски нового места обитания, которые завершились в конце IX в. в Среднем Подунавье, продолжали свое движение на запад, что весьма беспокоило хазар. В конце века хазарскому кагану удалось заключить союз с еще одним кочевым тюркским народом – гузами, обитавшими в Приуралье, и те, «вступив в войну с печенегами, одержали верх, изгнали их из собственной страны».² Печенеги по стопам ими же недавно также изгнанных из родных кочевий венгров устремились в степи Восточной Европы, где впервые они появились в 889 г., а в 896 г. они уже достигают Нижнего Дуная, захватывая под свои кочевья ту самую Ателькузу, где только-что обосновались венгры. Очередной раз теснимые печенегами мадьяры перевалили через Карпаты и в Средне-Дунайской низменности наконец-то «обрели родину».

Так степи Северного Причерноморья стали владениями печенегов, ставших с этого времени постоянными соседями Руси, Болгарии и Византии. Спустя полвека, в середине X столетия византийский император-историк Константин VII Багрянородный дал подробнейшие описания «Пачинакии», как византийцы именовали печенежскую степь:

«Да будет известно, что пачинакиты сначала имели место сво

его обитания на реке Атил, а также на реке Геих, будучи соседями и хазар, и так называемых узов. Однако пятьдесят лет назад упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы. Пачинакиты же, обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего населения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне, обнаружив на ней турок, победив их в войне и вытеснив, они изгнали их, поселились здесь и владеют этой страной, как сказано, вплоть до сего дня уже в течение пятидесяти пяти лет.

Да будет ведомо, что вся Пачинакия делится на восемь фем, имея столько же великих архонтов. А фемы таковы: название первой фемы Иртим, второй – Цур, третьей – Гила, четвертой – Кулпен, пятой Харавой, шестой – Талмой, седьмой – Хопон, восьмой – Цопон...

...Должно знать, что четыре рода пачинакитов, а именно: фема Куарцицур, фема Сирукалпен, фема Вороталмой и фема Вулацопон расположены по ту сторону реки Днепра по направлению к краям более восточным и северным, напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и прочих климатов. Остальные же четыре рода располагаются по сию сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям, а именно: фема Гиазихопон соседит с Булгарией, фема Нижней Гилы соседит с Туркией, фема Харавой соседит с Росией, а фема Иавдиертим соседит с подплатежными России местностями, с ультинами, дэрвленинами, лэнзанинами и прочими славянами. Пачинакия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании – на шесть дней, от Мордии – на десять дней, от Росии – на один день, от Турции – на четыре дня, от Булгарии на полдня, и Херсону она очень близка, а к Босфору еще ближе».³

Император-историк сообщает ценнейшие исторические сведения о месте обитания печенегов в канун их разгрома узми (гузами) степи по Волге и Уралу (Яику), захват печенегами кочевий венгров, именуемых Константином Багрянородным турками. В середине X в. печенеги делятся на 8 племен (фем), четыре из коих обитают к востоку от Днепра, соседствуя с обитателями Поволжья – хазарами и узми, северокавказскими аланами и византийскими владениями в Крыму (Херсон). Остальные же являются соседями Болгарии на Нижнем Дунае, Венгрии и, главное, Руси. Кочевья печенегов отстоят от русских земель на один день пути. Они примыкают

непос

родственно к землям полян (Росии), а также уличей (ультинов), древлян (дрвленин) и волян (лензанин).

Появление печенегов в степях Северного Причерноморья стало весьма важным фактором в политике государств Восточной Европы. Все страшилось грозных набегов печенежских, от коих скоро стали страдать и Венгрия, и Болгария, и Русь, и Византия. Все же эти страны старались использовать печенегов в качестве союзников против соседних стран. Известно, как Византия удачно использовала печенегов против болгар и венгров. Менее обращалось внимания, что и Русь на этом же поприще добилась немалых успехов и в первые десятилетия русско-печенежского соседства союзниками русские и печенеги бывали много чаще, нежели противниками.

Впервые у рубежей Руси печенеги появились в 915 г.: «Приидота Печенежи первое на Русскую землю и сотворивши мир с Игорем идоша к Дунаю».⁵

Таким образом, князю Игорю и его боярам, можно уверенно предположить, что без богатого откупа здесь не обошлось, удалось уберечь русские земли от разорения. Русь заключила с печенегами мирный договор, и грозные номады направили свой набег на Нижний Дунай, где были владения Болгарского царства.

В 920 г. история эта в точности повторилась. Вновь печенеги у русских рубежей, новые переговоры (новый «откуп»?), и вновь печенеги удаляются в Подунавье.

В 943 г. печенеги являются союзниками князя Игоря в его сухопутном походе на Византию, когда соединенная русско-печенежская рать достигла низовий Дуная. Войны удалось избежать, поскольку русские и греки предпочли кончить дело миром, но печенегов Игорь ублажил за их союзничество предоставлением возможности совершить грабительский поход на болгарские земли.

В то же время мирные, даже союзнические отношения правителей Руси и печенежских ханов отнюдь не исключали русско-печенежских столкновений. По свидетельству того же Константина Багрянородного, печенеги совершали постоянные нападения на русских во время переправ через днепровские пороги, подстерегали они русские суда и у устья Дуная:

«Пока они не минуют реку Селину (рукав Дуная), рядом с ними следуют пачинакиты. И если море, как это часто бывает, выбросит монокил (однодревок) на сушу, то все прочие причаливают, чтобы

вместе противостоять пачинакитам. От Селины же они не боятся никого, но, вступив в землю Булгарии, входят в устье Дуная».

Резко изменились русско-печенежские отношения только в конце 60-х гг. X в. В 969 г., воспользовавшись отсутствием в Киеве князя Святослава, находившегося со своим войском в походе на Дунайскую Болгарию, печенеги совершили первый большой поход на Русь и осадили ее столицу. Киев удалось отстоять, но именно тогда киевляне отправили своему князю послание, наполненное справедливыми укорами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги – и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчизны, старой матери, детей своих?»

Святослав отогнал печенегов в степь и восстановил мир и союзнические отношения с ними. В новый поход на Византию в 970 г. печенеги пошли вместе с русскими, но на сей раз этот союз имел для русского князя-воителя роковые последствия. Война с Византией была Святославом проиграна, союзники русских – печенеги – в битве с ромеями под Аркадиополем понесли наибольшие потери, и всякие надежды на богатую добычу рухнули. На Дунае в 971 г. Святославу удалось заключить с Иоанном Цимисхием, императором Византии, достаточно почетный мир, добытый поразившей византийцев доблестью русских воинов под стенами Доростола. Печенегам, однако, мир этот ничего не сулил. Потери они понесли большие, богатств особых не захватили, договор же Святослава и Иоанна Цимисхия лишал кочевников всяких надежд на прибыльные набеги в Подунавье, где победоносная армия Византии теперь надежно прикрывала северные рубежи империи.

Печенеги легко умели превращаться из союзников в беспощадных врагов. Это уже не раз испытывали и болгары, и византийцы. Теперь у них действительно были основания для недовольства последствиями союза с русским князем, и было естественно ожидать, что они могут напасть на русское войско, когда оно будет возвращаться в Киев через степь. Понимая это, Святослав попросил Цимисхия отправить посольство к печенегам и уговорить их беспрепятственно пропустить русских воинов через свои степи домой. Император направил к печенегам посольство во главе с архиереем Феофилом. После ромеев достигли соглашения с печенегами о дружбе и союзе, печенеги обязались не переходить через Дунай и

не опустошать Болгарию. Единственное условие, отвергнутое печенегами, – согласие мирно пропустить через свою землю русское войско. Об этом-то Иоанн Цимисхий коварно Святослава не уведомил.

Не ведая об отказе печенегов мирно пропустить русские дружины, Святослав осенью 971 г. с малой частью войска двинулся на Русь водным путем: из Дуная в Черное море и оттуда вверх по Днепру к родному Киеву. Большая часть дружины за Святославом не пошла, а под началом многоопытного Свенельда предпочла безопасный путь посуху через русское Приднестровье и далее к Киевской земле. Свенельд уговаривал Святослава также идти посуху, так как знал, что на Днепровских порогах русских могут поджидать печенежские засады: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят на порогах печенеги». Святослав пренебрег мудрым советом старого воеводы, возможно, будучи раздосадованным нежеланием большинства своих воинов следовать за князем. Стоило ему это головы.

Окончательно судьбу Святослава предопределило вмешательство болгар, не простивших ему ни захвата страны и ее разграбления, ни коварной расправы над знаменитейшими болгарскими боярами. По злой иронии мстителями выступили переяславцы, чей город Святослав особенно любил и мечтал сделать своей столицей вместо нелюбимого им Киева. Святослав с малой дружиной на ладьях двинулся на родную землю. «А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа, – и лгали переяславцы, – ни того, ни другого у Святослава не было, но печенеги, увы, поверили. «Услышав об этом, печенеги заступили пороги» – предупреждал о том Свенельд! – «И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и тут перезимовал Святослав.

В год 6480 (972), когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку».

Старый воевода, служивший еще отцу Святослава, сумел привести большую часть русского войска в Киев, сам же князь нашел свой печальный конец на Днепровских порогах. Вот и участь того, кому

было сказано: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул».

В недолгое правление сына Святослава Ярополка (972-980 гг.) русско-печенежских столкновений не было, на период же княжения Владимира Святого (980-1015 гг.) приходится апогей русско-печенежской вражды. Причины этого можно видеть во многом в том, что теперь печенегам было много сложнее совершать набеги на Нижнее Подунавье, где усилиями Иоанна Цимисхия, а затем Василия II Болгаробойцы границы империи были надежно защищены, за Карпатами в Среднем Подунавье окончательно сложилось могущественное Венгерское королевство, и, таким образом, дальнейшие набеги на Балканы и в Венгрию стали для печенегов весьма затруднительны. Русь же, хотя и переживавшая в эту эпоху расцвет своего военного могущества, была непосредственным соседом печенежских кочевий и, пожалуй, это главное, не имела естественных защитных рубежей от печенежских набегов. Венгров и византийцев ведь помимо дальних расстояний защищали и Карпаты, и Дунай. Именно битвы с печенегами сделали русскую историю времен Владимира Святого «богатырским периодом» ее, по выражению Сергея Михайловича Соловьева. Князь Владимир водил свои рати на отражение печенежских нашествий и в 993, и в 995, и в 997 гг. Попытался Владимир и восполнить отсутствие естественных преград на южных рубежах Руси. Как писал Николай Михайлович Карамзин: «Желая удобнее образовать народ и защитить южную Россию от грабительства печенегов, Великий Князь основал новые города по рекам Десне, Остеру, Трубежу, Суле, Стерне и населил их Новгородскими Славянами, Кривичами, Чудью, Вятичами».⁹ При Владимире, должно быть, были сооружены защитные валы на степной границе Руси, крепости, где несли пограничную службу дружинные отряды. Отсюда и былины русские о «богатырских заставах» против «поганых» в чистом поле, где и отражали вражеские набеги те, кого народ воспел в своих сказаниях, кто и были исторические прототипы Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Никиты Кожемяки...

В междоусобной брани, начавшейся на Руси по смерти Владимира Святого, печенеги приняли участие, сражаясь на стороне Святополка Окаянного. При Ярославе Мудром они в 1036 г. в последний раз подступили к Киеву, но потерпели решительнейшее

поражение. Год спустя на месте этой великой победы по повелению Ярослава был заложен храм Святой Софии.

Печенежские набеги наносили немалый урон южным землям Руси, но они никогда не грозили ей потерей национальной независимости или наложением какой-либо формы даннической зависимости. В 1048 г. основная масса печенегов, к тому времени уже не 8, а 13 племен, была вынуждена под давлением торков, как на Руси называли узов, переместиться за Дунай – в пределы Византийской Империи.

Теперь обратимся к социальной структуре печенежского общества.

Каков же был общественный строй печенегов в X – первой половине XI в.?

Прежде всего важно отметить, что печенеги в эту эпоху находились на так называемой «таборной» стадии кочевания, которая в обществе кочевников соответствует стадии военной демократии. В этот период кочевники кочуют большими группами – отдельными родами, возглавляемыми родоплеменной знатью.

При «таборном» кочевании отсутствуют у кочевников постоянные становища. Именно это обстоятельство сказывается на том, что археологически кочевники эпохи «таборной» стадии «трудноуловимы». От этого времени, в основном, сохраняются лишь отдельные впускные курганные погребения.

В период таборного способа кочевания печенеги, особенности их общественного строя и были описаны Константином Багрянородным. По свидетельству императора-историка, «Да будет ведомо, что вся Пачинакия делится на восемь фем, имея столько же великих архонтов»¹² Далее Константин приводит сведения о самих «архонтах» печенегов и, что наиболее интересно, о порядке наследования власти в печенежских «фермах»: «Они (печенеги) имели архонтами в феме Иртим Ваицу, в Цуре – Куела, в Гиле – Куркутэ, в Кулпен – Ипаоса, в Хоровое – Кандума, в Хопоне – Гиаци, а в феме Цопон – Батан. После смерти этих власть унаследовали их двоюродные братья, ибо у них утвердился закон и древний обычай, согласно которым они не имели передавать достоинство детям или своим братьям; довольно было для владеющих им и того, что они правили в течение жизни. После же их смерти должно было избирать их двоюродного брата, или сыновей двоюродных братьев, что

достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии. Из постороннего же рода никто не вторгается и становится архонтом. Восемь фем разделяются на сорок частей, и они имеют архонтов более низкого разряда».

Из приведенного отрывка трактата Константина Багрянородного можно сделать следующие выводы:

- организация печенежского общества носила патриархально-родовой характер. Их объединения представляли собой старинные рода, поскольку они не могли возглавляться представителями иных родов;

- структура печенежского общества была следующей: низшей формой организации были отдельные рода, числом около сорока, возглавляемые «архонтами низкого разряда» – родовыми старейшинами; группы их составляли большие рода – «фемы», племена, возглавляемые родоплеменными «архонтами» – вождями, ханами.

Особого внимания заслуживают подробные описания системы наследования у печенегов родовой власти, при которой воспреемниками правителя являлись не прямые потомки или ближайшие родственники, а представители боковых ветвей рода. Подобный принцип наследования власти был широко распространен в кочевнических обществах как античной, так и раннесредневековой эпохи.

В Парфянском царстве, созданном бывшими кочевниками-парфянами, отсутствовал фиксированный порядок наследования власти. Престол мог переходить не только к братьям умершего царя, но и к другим родственникам. В этом прямо сказалась традиция тех времен, когда парфянское общество было кочевым.¹⁴

У древних гуннов – хунну, по китайским источникам – сюнну, во время их проживания в Центральной Азии принцип наследования «от брата к брату» возобладал над принципом «от отца к сыну». У древних тюрков в период Тюркского каганата (VI-VII вв.) также отсутствовало прямое наследие власти по нисходящей линии.¹⁵ Аналогичная традиция господствовала и у чжурчженей, бывших первоначально кочевым народом, а впоследствии основавших в Северном Китае империю Цинь.¹⁶ Борьба двух принципов наследования власти – по прямой линии или же по боковой – на протяжении долгих десятилетий шла в XI в. в государстве Сельджукидов, основа которого была создана кочевыми турками – сельджуками. Даже

в Монгольской империи и ее крупнейших улусах, таких, как Золотая Орда, прямое наследование от отца к сыну никогда не могло сколь-нибудь прочно утвердиться. Отсюда представляется справедливым вывод, что истоки данной системы наследования уходят к древнимномадам.

Основной причиной этого явления следует полагать силу родоплеменной структуры кочевого общества, прочность родовой идеологии. В результате большесемейнородовой принцип был определенно сложнее индивидуально-семейного. Отсюда и сама традиция родового наследования верховной власти у кочевников связывалась с представлениями о принадлежности власти всему правящему роду, а не только одной из его ветвей. Эта традиция кочевого общества, сформировавшаяся в период господства в нем патриархально-родовых отношений оказалась исключительно устойчивой и, как мы видим, сохранялась долгое время даже в классовых обществах – рабовладельческой Парфии, в феодальной Сельджукидской державе, в Золотой Орде.

Следовательно, у печенегов была типичная для кочевнических обществ древности и раннего средневековья система наследования родо-племенной власти. Вкупе с наличием у печенегов в X – первой половине XI в. традиции «таборного» кочевания она свидетельствует о патриархально-родовой структуре печенежского общества в эту эпоху. Вернемся к событиям, происходившим в южнорусских степях после перемещения туда кочевых орд узваторков.

Итак, в середине XI в. господство в южнорусских степях на некоторое время переходит от печенегов к торкам, которые в 1048 г. вынуждают значительную часть печенегов, покинув степи Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья, уйти за Дунай в пределы Византийской империи. Господство торков, однако, оказалось непродолжительным. В 1054 г. торки терпят первое серьезное поражение от русских. Его им наносит переяславский князь Всеволод Ярославич: «В то же лето (6563-1054 г.) иде Всеволод на Торкы зиме войною и победы торки». Через несколько лет объединенные силы трех князей Ярославичей – киевского князя Изяслава, черниговского Святослава, переяславского Всеволода и полоцкого князя Всеслава Брючиславича – решительно отбрасывают торков от русских рубежей. Торки перестают являть собой ка

кую-либо военную угрозу Руси: «Того же лета (6568-1060 г.) Изяслав и Святослав и Всеволод и Всеслав, совокупившие воия бещислены и поидоша на коных и в лодях бещисленное множество на торки и ее слышавше Торцы убоявшем пробегоша и до сего дни и помроша бегающе, Божиим гневом гонимы. Овии от зимы, друзии же гладом, инии же мором, судом Божим и так Бог избавил крестьяны от поганных».

В 1055 и в 1061 гг. в южнорусских степях двумя волнами появляются половцы. Их появление, несомненно, еще более осложнило положение торков в северном Причерноморье. В это время для отношений между половцами, с одной стороны, печенегами и торками, с другой, характерным было состояние, как это неоднократно отмечали исследователи, «непримиримой вражды».

Результатом неудач торков в войне с Русью и появления в южнорусских степях половцев явился уход больших масс торков за Дунай, в пределы Византии в 1064 г. Торки, заставившие печенегов в 1048 г., переселиться во владения ромеев, теперь сами были вынуждены последовать их примеру. Число торков, переправившихся в 1064 г., на южный берег Дуная на земли византийской провинции Паристрион, было велико: византийский историк XI в. Михаил Атталиат писал о них как о целом племени в 600 тысяч человек. По образному выражению В. Г. Васильевского, «Дунайская равнина была во власти страшной орды».²⁷

Едва ли в действительности торки, бежавшие от преследования русских войск Изяслава, Святослава, Всеволода и Всеслава, теснимые половцами, представляли собой большую угрозу существованию Византии. Ромеи довольно быстро, применяя то военную силу, то испытанное средство византийской дипломатии – подкуп, ликвидировали неожиданно возникшую опасность на дунайской границе империи. Значительная часть пленных торков поступила на службу к императору и была расселена в Македонии по примеру расселенных в 1048 г. в Болгарии близ Средца (Софии) печенегов. Множество жизней в войске торков унесла эпидемия. Остатки орды были вынуждены вернуться на северный берег Дуная.²⁸ Торки, оставшиеся в южнорусских степях, а также их сородичи, вернувшиеся из бесславного похода на Византию 1064 г., постепенно наладили иные, в основном мирные, отношения с Русью. В этом проявились

определенные закономерности во взаимоотношениях кочевников и оседлости.

Можно выделить следующие основные этапы взаимоотношений кочевников и оседлых жителей в истории Юго-Восточной и Восточной Европы:

- первоначальные отношения между земледельцами и кочевниками носили резко враждебный характер. Это период кочевнических нашествий, основной целью которых были захват земель, годных для пастбищ;²

- в дальнейшем, когда положение в степях стабилизируется, образуются постоянные места кочевий кочевников, отношения несколько изменяются. Кочевники предпочитают получить от земледельцев богатые откупы, ограничиваясь небольшими набегами на пограничные территории;

- кочевники не проявляют стремления к мирным отношениям с земледельцами, пока они сильнее в военном отношении. Переход к союзническим отношениям между кочевым и оседлым мирами происходит либо при военном превосходстве земледельческих народов, либо в случае паритета военных сил между сторонами;

_ установлению мирных взаимоотношений способствовали экономические факторы. Военные набеги за добычей постепенно сменялись мирным торговым общением, ибо и земледельцы нуждались в продуктах кочевого скотоводства, и кочевники испытывали потребность в продуктах земледельческого хозяйства. Военные набеги становились менее выгодными, нежели мирная торговля.

Мирные формы взаимосвязей обуславливались соотношением сил земледельцев и кочевников. В случае военного превосходства земледельцев кочевники становились вассалами государства земледельческого народа и получали от него землю под пастбища при условии несения военной, чаще всего пограничной службы. При военном превосходстве кочевников, в период образования кочевнических военно-политических объединений, устанавливались даннические взаимоотношения: кочевники не захватывали территорий земледельцев, но облагали оседлых жителей фиксированной данью.

Во взаимоотношениях Руси с оставшимися близ ее рубежей торками, печенегами, а также, очевидно, одновременно с торками пришедшим еще одним тюркским народом – берендеями, отношения постепенно из враждебных стали перерастать в мирные. В 1121 г.

Владимир Мономах в последний раз отогнал от рубежей Руси берендеев, печенегов и торков, в сороковые же годы XII в. в Поросье у южных границ Киевской земли складывается союз берендеев, торков и печенегов, получивший название Черные Клобуки и перешедший на службу русским князьям. Черные Клобуки стали пограничной стражей степного русского порубежья, они достаточно верно служили киевским князьям, за что удостоились от русских наименования «свои поганые». В середине XIII в. монголы, установившие свое господство и в южнорусских степях, и на Руси, переселили Черных Клобуков в Приаралье. Нынешние каракалпаки в низовьях Амударьи – прямые потомки Черных Клобуков.

Теперь обратимся к истории народа, бывшего ведущей силой в южнорусских степях с середины XI в. и до монгольского нашествия. Здесь основное внимание будет уделено происхождению половцев, их пути в южнорусские степи, поскольку даже выход книги, специально половцам посвященной, отнюдь эти спорные вопросы до конца не прояснил.³⁴

Глава V. Половцы

Первая половина XI в. была для народов евразийских степей временем больших перемен, вызванных миграцией тюркских кочевых народов. Их движение из глубин Центральной Азии в Восточную Европу до некоторой степени напоминало эпоху Великого переселения народов. В этот период в степях Евразии стали возникать новые народы, образовывались новые державы. Эти события были зафиксированы историками соседних с кочевым миром евразийских степей государств.

Одним из звеньев великого движения тюркских народов, простиравшегося от Китая до Руси, было появление в южнорусских степях половцев. Результатом прихода половцев в степи Северного Причерноморья явилось образование там Половецкой земли. Половцы были ведущей силой в южнорусских степях в течение почти двух столетий, вплоть до монгольского нашествия, сыграв немаловажную роль в истории народов юго-востока Европы. С ними связаны многие важнейшие события русской истории, истории Венгерского королевства, истории Византии, Второго Болгарского царства, Латинской империи крестоносцев, Грузии. Половцы сыграли большую роль в истории мамелюкского Египта.

Каково же было происхождение половцев, их путь в степи Северного Причерноморья, что представляла собою Половецкая земля южнорусских степей?

Половецкий народ был западной ветвью кипчаков, с середины XI в. занявших огромные пространства евразийских степей. С этого времени степное пространство от Нижнего Дуная до Иртыша носит название Дешт-и-Кипчак – Кипчакская степь.

Вопрос происхождения половцев является одной из сложнейших проблем истории тюркских кочевых народов. Как справедливо отмечал в свое время известный русский ученый, специалист по истории тюркских народов Д.А.Расовский, «для того, чтобы правильно понять прошлое половцев, недостаточно начинать следить за ними со времени появления их в поле зрения европейских оседлых государств, как это обычно делалось, а необходимо постараться просле

дять их судьбы еще в Азии, начиная с прародины всего тюркского народа».¹

Попытки проследить историю половцев (кипчаков) с древнейших времен уже неоднократно предпринимались исследователями. Если обобщить имеющиеся мнения о ранней истории кипчаков, то получается следующая картина: кипчаки являются западной ветвью динлинов, проживавшей в бассейне Иртыша, и впервые упомянуты в числе племен, покоренных хуннами, в 205-203 гг. до н.э. Западные динлины-кипчаки – потомки носителей андроновской культуры (2000-1200 гг. до н.э.).³ Древние кипчаки упоминаются в 110-й книге «Исторических записок» Сыма Цяня (145-87 гг. до н.э.) под именем цюйше (кюеше), которое реконструируется как «кипчак». Следующее упоминание о кипчаках имеется в Селенгинской надписи, составленной уйгурским ханом в 759 г. н.э., в сочетании «тюрки-кипчаки властвовали над нами».⁵ По мнению Л.Н.Гумилева, очевидно, что кипчаки были в числе народов, подвластных тюркютам. Кипчаки занимали пространство степи между течением Сыр-Дарьи и Черным Иртышом. Там они смешались с кочевым тюркским народом канглы (кангарами), в результате чего и образовался народ, известный на востоке под названием «кипчаки», в Европе – «команы», а в России – «половцы». Народ канглы (кангары) – это печенеги, само название которых было «кангар».⁶

Некоторые из приведенных сведений, к сожалению, трудно признать достоверными. Гипотеза о том, что древние кипчаки упомянуты в китайских источниках под именем цюйше (кюеше), основана лишь на частичном сходстве реконструируемой формы с этнонимом и малоубедительна хронологически. Чем объяснить тысячелетнее молчание об этом народе? Важно и то, что китайцы впоследствии никогда не называли кипчаков подобным именем.⁷

Слова «тюрки-кипчаки» на Селенгинском камне являются конъектурой Г.И.Рамстеда, которую безоговорочно принять нельзя.⁸ Что же касается близкого родства между кипчаками и кангарами (канглы), то оно, по мнению В.В.Бартольда, не подлежит сомнению. Мусульманские писатели XII и начала XIII вв. употребляли слова «канглы» и «кипчак» почти как синонимы.⁹

Исторически достоверные сведения о кипчаках относятся лишь к периоду начала их миграции на запад в XI в., когда распалось государство кимаков, существовавшее в IX-XI вв. в Прииртышье и в

северо-восточном Семиречье. Кипчаки входили в состав населения государства кимаков. «Историческое значение кимаков состоит в том, что из их среды вышел многочисленный народ, который первоначально был лишь одним из племен кимаков (кипчаки, называемые в Западной Европе команами, а у русских – половцами)».¹⁰

Несомненна также историческая связь половцев-кипчаков с древними тюрками. В пользу этого говорит наличие у половцев обычая устанавливать на курганах каменные изваяния. Половецкие каменные изваяния существенно отличались от ранних тюркских статуй более тщательной отделкой и детальной трактовкой лица и одежды. Поскольку культовое назначение тюркских и половецких статуй было одинаковым (изображение умерших представителей рода), то справедливо заключение, что половцы успешно развивали культурное наследие Тюркского каганата. Оно прослеживается и в «волчьих обычаях» половцев. Для древних тюрков, как известно, название «волк» имело огромное значение. В двух легендах о происхождении тюрков первое место принадлежит прародительнице-волчице. Китайские авторы считали понятия «тюркский хан» и «волк» синонимами, опираясь, скорее всего, на воззрения самих тюрков. Имя первого вождя древних тюрков – Ашина – переводится как «благородный волк». Золотая волчья голова красовалась на тюркских знаменах. «Волчьи обычаи» половцев упоминаются и в «Слове о полку Игореве», о них говорили и византийские писатели. В древнерусской былине «Тугарин в Киеве» Тугарина, скачущего к Киеву, сопровождают два серых волка. Известно, что прототипом Тугарина был половецкий хан Тугоркан. Половецкий хан Боняк перед битвой с венграми в 1097 г. «обращается к волкам»: «и яко быс полуночци и встав Боняк отъеха от рати и поча выти волчьски и отвыся ему волк и начаша мнози волци выти».

Итак, народ половцев-кипчаков начал складываться со времен Тюркского каганата, хранителем и продолжателем многих культурных традиций которого он явился. Занимая часть степного пространства между Сыр-Дарьей и Черным Иртышом, предки кипчаков смешались с кангарами (канглы). Результатом этого смешения и явилось образование народа кипчаков. В IX в. кипчаки вошли в состав государства кимаков, с распадом и гибелью которого и связан их самостоятельный выход на историческую арену.

Миграция тюркских кочевых народов, приведшая половцев в

степи Северного Причерноморья, началась в 30-е гг. XI в. Ее непосредственное начало связано с гибелью государства кимаков. Падение державы кимаков было вызвано удельно-племенными раздорами и социальными противоречиями. Начало миграции положили племена каи, вышедшие из подчинения хакану кимаков и начавшие движение в западном направлении из степей Прииртышья. Название народа каи обозначает «змеи», если к нему подойти с позиции монгольского языка.¹⁴ Каи первоначально обитали в Центральной Азии, по соседству с державой киданей и были известны под китайским названием «хи». В среднекитайском диалекте оно произносилось как «хай» или «кай». На рубеже VIII-IX вв. каи частью переселились на запад, где заняли долину Иртыша и прилегающие к нему степные территории. С этих пор каи известны под именем кимаков и входили в состав государства кимаков вплоть до 30-х гг. XI в. Поскольку кипчаки также вышли из государства кимаков, то возможна родственная связь между каи и кипчаками-половцами. Народ каи упоминает ал-Бируни: «Шестой климат начинается с обиталища восточных тюрок: каи, кунов, кыргызов, кимаков, токуз-гузов, страны туркмен, Фараба, страны хазар». Следовательно, народы каи и кун были соседями на своей прародине. Сирийская карта 1150 г. также упоминает народы каи и кун как соседей. Именно столкновение этих соседствовавших народов и послужило толчком новой великой миграции тюркских народов из Центральной Азии в Восточную Европу.

В сочинениях сельджукского придворного врача Марвази (около 1120 г.) четко описано движение тюркских народов, закончившееся в Причерноморье. Марвази сообщает о народе кун, покинувшем свои исконные кочевья из-за «тесноты пастбищ», но главная причина движения кунов на запад была внешняя: «Их преследовал народ, который называется каи. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех новых пастбищ. Тогда куны переселились на земли сары, а сары ушли в земли Туркмен. Туркмены переселились на восточные земли гузов, а гузы ушли в страну печенегов поблизости от берегов Армянского моря».¹⁶ (Армянским морем на Востоке тогда часто называли Черное море).

С сообщением Марвази согласуются известия еще одного источника – хроники Матвея Эдесского: «В 1050 г. (499 г. армянской эры) какой-то «народ змей» разбил «светловолосых», а те разбили узов

и печенегов, после чего все вместе выступили против страны ромеев».¹⁷

«Народ- змей» – это кай, «светловолосяе» же, очевидно, сары. Слово «сары» переводится с тюркского как «желтый», «светлый». В древнетюркском языке сходное значение имело и слово «кун». Возможно, поэтому в рассказе Матвея Эдесского сары и куны слились в один «светловолосяй» народ.

Обратимся теперь к известным историческим событиям на востоке Европы в середине XI в., кои могли явиться результатом движения тюрков на запад, описанного Марвази, завершившегося нападением, согласно Матвеем Эдесскому, кочевников на владения Византии.

В 1048 г. печенеги, теснимые торками, переходят Дунай, вторгаясь в пределы Византийской империи. На короткое время господство в южнорусских степях переходит к торкам (гузам у Марвази). В 1055 и 1061 гг. русская летопись отмечает приход к рубежам Руси половцев. Под давлением половцев торки также переходят Дунай в 1064 г. С этого времени и вплоть до монгольского нашествия господствующей силой в степях Северного Причерноморья становятся половцы. В 1078 г. они по примеру печенегов, торков также совершают нападение на владения Византии к югу от Дуная.

Следовательно, поскольку за печенегами и гузами (торками) шел народ сары, то именно сары и были половцами-кипчаками. Этот факт в настоящее время не вызывает сомнений у историков. Относительно же того, кем были куны, единого мнения у исследователей нет. И. Маркварт высказал предположение, что куны – это половцы, которые под этим именем и стали известны в Европе. Венгерские источники часто называют половцев кунами. Половцами считает кунов русский ученый И.Г. Добродомов,²⁰ Б.Е. Кумеков и С.М. Ахинжанов не склонны считать кунов отдельным народом и полагают, что кипчаками был только народ сары.»²¹

На наш взгляд, есть достаточно оснований полагать, что куны – никто иные как восточная ветвь половцев, западной же ветвью были половцы-сары.

В пользу этого мнения говорят следующие факты: то, что половцы получили в Западной Европе известность под именем кунов, едва ли может быть случайным совпадением; в древнетюркском языке слово «кун» имеет такое же значение, как и «сары» – светлый,

желтый.²² Следовательно, это могли быть названия двух ветвей одного народа; в «Слове о полку Игореве» половцы фигурируют и под именем «хинов». Лингвистический анализ, проведенный И.Г. Добродомовым, показал тождественность наименований кун-хынхин;²³ в русских летописях половцы порой именуется «саракине», «сорочины». Эти названия могли произойти от слияния слов «сары» и «кун», поскольку русские рассматривали половцев как один народ; в пользу того, что половцы пришли в степи Северного Причерноморья двумя волнами, говорит и факт деления Половецкой земли на две части: Белую Куманию к западу от Днепра и Черную Куманию – к востоку. Исходя из этого, представляется обоснованным мнение, что половцы пришли в южнорусские степи двумя волнами: первая волна – половцы-сары, вторая – половцы-куны.

Многие историки (Д.А. Расовский, М.И. Артамонов, Л.Н. Гумилев и др.), исходя из того, что самоназвание половцев означало «светлые», «желтые», предполагали, что половцы-кипчаки были светловолосым народом. Мнение это, однако, данными письменных источников не подтверждается. Ни русские, ни венгерские, ни византийские источники ничего не говорят о подобных внешних особенностях половцев. Также и путешественники Петахья, Плано Карпини, детально описавшие быт половцев, ничем не выделяют их среди прочих тюркских народов, которым «белокурость» вовсе не была свойственна. Скорее это самоназвание может быть связано с тюркскими географическими представлениями, согласно которым термин «желтый» мог означать «центральный», «срединный». Действительно, на своей прародине половцы проживали в самом центре кочевого мира Евразии. К западу от них кочевали карлуки, торки, печенеги, к востоку – киргизы, монгольские племена.

Приход в южнорусские степи двух волн половцев отмечен в русских летописях. Первое появление половцев датируется 1055 годом. «То же лета приходи Блуш с Половци и сотвори Всеволод мир с ними и возвратишася восвоеси».²⁴ По другим сведениям, «возвратишася Половци вспять откуда же пришли».²⁵ Уход половцев вспять скорее всего следует понимать как отход от рубежей Руси в степи. Едва ли это мог быть уход кочевников в земли, откуда они пришли в Северное Причерноморье. Через несколько лет (в 1061 г.) последовал второй приход половцев на Русь: «В лето 6568 придоша Половци первое на Руськую землю воевать. Всеволод же изыиде

противу им... и бившимся им. Победиша Всеволода и воеваша отидоша. Се быс первое зло на Руськую землю от поганых безбожных враг. Быс же князь их Сокал»²⁶. Возможно, что не столь многочисленные половцы-сары, появившись у рубежей Руси, не рискнули вступать в конфликт с русскими и предпочли отойти в степь. Когда же через несколько лет в южнорусских степях появилось более сильное объединение половцев-кунов, то их предводитель Сокал (по другим данным – Искал) и совершил первый успешный поход половцев на Русскую землю.

Поскольку народ сары шел впереди кунов, то скорее всего именно он образовал западную ветвь половецкого народа, кочевавшую в степях Белой Кумании. Этим можно объяснить ее название. Название Белая Кумания относится к землям западных половцев. Цветообозначения «белый» (ак, сары) в тюркских языках использовались для обозначения запада, западной стороны света. Оправданным поэтому будет предположение, что именно западная часть половецкого поля и получила название Белой Кумании. Возможно, однако, и другое предположение. Прилагательное «белая» может быть калькой с прилагательного «сары» – бледный, светлый. Следовательно, не исключено, что название Белая Кумания связано с появлением в степях между Днестром и Днестром народа сары, чье имя и могло дать название этой части Половецкой земли.

Тот факт, что первой волной половцев в южнорусских степях были половцы-сары, возможно, отразился в библейской версии происхождения половцев в русской летописи. О происхождении сарацин (половцев) летописец сообщает: «а Срацини от Измаила и творяться Сарины и прозваша имя себе Саракине, рекше Сарины есмы».²⁸ Название появившегося в 1055 году у рубежей Руси народа сары и могло вызвать у русского летописца, стремившегося найти библейское обоснование происхождения половцев, ассоциацию с «Саринскими детьми». Как потомки Измаила, половцы еще дважды фигурируют в летописи. В первом случае – как «безбожнии сынове Измаилевы, лущении на казнь християном».²⁹ Во втором случае воздается хвала победителю половцев великому князю киевскому Владимиру Мономаху, «погубившему поганья Измальтяни, рекомья Половци».

Населенная потомками кунов восточная часть Половецкой земли получила название Черная Кумания. В этом названии могла

отразиться калька соответствующего тюркского термина «кара» (черный). Этот термин в тюркских языках может употребляться в значении «чистый, несмешанный, единственный». В пользу этого предположения говорит факт наличия у восточных половцев обычая, который выделял их, по сравнению с западными соплеменниками и другими тюркскими народами южнорусских степей. Речь идет о половецких каменных изваяниях. С.А. Плетнева, посвятившая этим изваяниям специальное исследование, сумела определить их ареал, соответствующий в основном и ареалу расселения народа, в обычае которого было ставить на курганах подобные статуи. Ареал распространения половецких каменных статуй и, соответственно, ареал расселения половцев, которым они принадлежали, совпадают с границами Черной Кумании. Согласно исследованиям С.А.Плетневой, к западу от Днепровской Луки половецкие каменные изваяния распространены не были, ареал распространения половецких «каменных баб» простирался до Волги. Кипчаки заволжских и зауральских степей оставили иной тип каменных изваяний.³²

Половцы же Белой Кумании, кочевавшие с середины XI в. в степях между Днепром и Днестром, а во второй половине XII в. занявшие и степи Нижнедунайской низменности, каменных статуй в этих местах не оставили. Следовательно, половцам, потомкам народа сары, обычай ставить на курганах каменные изваяния не был свойствен. Это может говорить о том, что половцы-куны, оставившие на курганах в степях восточной части Половецкой земли каменные изваяния, были особой, «чистой», «единственной» ветвью кипчаков, что, вероятно, и объясняет происхождение названия Черная Кумания.

Иногда термин «кара» в тюркских языках мог означать «великий». Именно это его значение и дало имя династии среднеазиатских правителей XI в. илек-ханов Караханидов. Собственно, это означало «великие ханы». Кубанские степи, населенные «черными болгарями», носили название «Великая Болгария», земли «черных татар» назывались «Великой Монголией». Большая часть Половецкой земли лежала в пределах Черной Кумании, где проживало основное ядро половецкого населения. Возможно, поэтому восточная Кумания противопоставлялась западной как «великая».

Противопоставление Черной Кумании Белой как «чистой», «несмешанной» могло вызываться и этнической пестротой западной

части Половецкой земли. Помимо пришедших в степи между Днестром и Днепром во второй половине XI в. половцев-сары там, в Поросье, проживали печенеги, торки и берендеи, составившие с середины 40-х годов XII в. у рубежей Киевской Руси Черноклобуцкий Союз.³⁴ В Северо-Западном Причерноморье по соседству с половцами проживали также в небольшом количестве ираноязычные племена алан. Венгерские документы сообщают о сопредельной Венгрии и Кумании стране бродников. Для кочевников, составивших в степях Поднестровья и Побужья объединение так называемых «диких половцев», было свойственно такое же смешение обычаев и обрядов, как и для Черных Клобуков. Это дает возможность предполагать этническую неоднородность кочевого объединения «диких половцев».

Этническую неоднородность населения Белой Кумани подтверждают и данные археологических исследований. Изучение курганных памятников в степях Северного Причерноморья позволило выявить особенности половецкого погребального обряда. Он отличается следующими особенностями:

- 1) курганные насыпи сооружены с применением камня;
- 2) погребения человека совершались в неглубокой яме. Головой тело покойного было ориентировано на восток;
- 3) рядом с человеком погребался полный остов коня, ориентированный головой на восток, режее на запад.

Что же касается погребений кочевников печенежско-торческого периода, то для них характерна ориентировка тела покойного головой на запад, отсутствие захоронений цельных остовов коней, наличие лишь отдельных конских костей. Торческие погребения отличаются от печенежских наличием перекрытий из деревянных плах над могилами и усложненными формами самой могильной ямы – наличие приступок, «плечиков», присыпок.

Раскопки Каменского половецкого могильника в Поднестровье показали, что около трети погребений в нем относится к смешанному типу.³⁷ Помимо половецких, в этих погребениях прослеживаются печенежские и торческие черты. Археологические исследования кочевнических памятников XI-XIII вв. в Северо-Западном Причерноморье также свидетельствуют в пользу мнения о смешанном характере тюркоязычного населения этих территорий в интересующий нас период. «Хронологические и этнические определения находят

ся в противоречии друг с другом»: печенежские и торческие погребальные обычаи сохраняются и в период господства половцев. Характерно изменение печенежского обряда половецким влиянием.

Возможно, что передовая волна половцев (половцы-сары) первоначально потеснила на запад печенегов, торков и берендеев, а затем смешалась с ними, результатом чего явилось образование в степях между Днестром и Днестром конгломерата тюркоязычных народов, возглавляемого половцами. Такой конгломерат, судя по всему, являло и объединение «диких половцев», кочевавших в междуречье Днестра и Южного Буга, а также объединение подунайских половцев, образовавшееся в степях Нижнего Подунавья и частью в Северо-Западном Причерноморье во второй половине XII в. Следует отметить, что образование подобных конгломератов было характерно для тюркоязычных народов южнорусских степей. Торки (гузы), пришедшие в Северное Причерноморье незадолго до половцев, «представляли собой конгломерат племен различного происхождения».³⁹

Д.А.Расовский отмечал, что часто название кочевого народа зависит от того, какая из групп данного народа является в нем господствующей. Половцы были ведущей силой в степях Белой Кумании, куда были оттеснены покоренные ими печенеги, торки и берендеи. В таких случаях закономерным представляется явление, когда кочевая орда, покорившая иные кочевые народы, «быстро растворяется среди покоренного ею племени, не внося в его основную массу серьезных этнических и языковых изменений, но зато давая свое имя покоренному народу. Классическим примером подобного рода может служить история половцев».⁴⁰ Образование в степях Белой Кумании конгломерата кочевых народов во главе с половцами облегчалось и их этнической и языковой близостью к печенегам, торкам и берендеям. Византийская писательница Анна Комнина отмечала, что половцы и печенеги говорили на одном языке.⁴¹

Указанные особенности истории тюркских народов и создаваемых ими объединений, а также данные археологические исследований делают обоснованным предположение, что основу населения Белой Кумании составлял конгломерат тюркоязычных народов во главе с западной ветвью половцев. В донецких же степях, бывших центром Черной Кумании, кочевало, в основном, однородное половецкое население. Торки и печенеги, обитавшие там до появления

половцев, в начале XII в. были вынуждены откочевать к рубежам Руси. Как свидетельствует летопись, «в се же лето (1116г.) бишася Половци и с Торкы и с Печенегы оу Дона и секошася два дни и две ноци и придоша в Русь к Володимиру Торци и Печенези».⁴² Вскоре, в 1117г., переселились на Русь и жители Белой Вежи, «В се же лето придоша Беловежьци на Русь».⁴³ Основу населения Белой Вежи в то время составляли русские, смешанные с остатками прежнего населения Саркела, состоявшего из двух этнических групп торческопеченежской и салтовской.⁴⁴ Единственными «инородцами» в донецких степях близ городов Сугрова, Шарукани, Балина оставались аланы (ясы), возглавляемые своими «яськими князьями». В летописи говорится: «в се же лето (1116г.) посла Володимир сына своего Ярополка, а Давид сына своего Всеволода на Дон и взяша три грады Сугров, Шарукань, Балин. Тогда же Ярополк приведе себе жену красну велми, яського князя дщерь полонив».⁴⁶

Результатом присутствия алан в донецких степях явилось наличие там особого погребального обряда в домонгольский период, в котором соединены черты салтовского и кочевнического (половецкого) обрядов.⁴⁷

Таким образом, проведенный анализ особенностей сложения Белой и Черной Куманий позволяет высказать предположение, что название западной части Половецкой земли Белая Кумания происходит от кальки с названия сары или же от тюркского географического обозначения «сары» (западный). Название Черная Кумания объясняется противопоставлением более многочисленных восточных половцев, потомков народа кун, населявших пределы «Великой Куманий» и оставивших на курганах в южнорусских степях половецкие каменные изваяния, половцам Белой Кумании, смешавшимся с другими тюркскими народами (печенегами, торками и берендеями), как «чистых, несмешанных, единственных».

Общая картина миграции тюркоязычных кочевников в XII в., приведшая половцев в степи Северного Причерноморья, представляется теперь следующим образом: к 30-м годам XI в., разбита изнутри удельно-племенными раздорами и социальными противоречиями, ослабляется держава кимаков, в результате чего племена каи выходят из подчинения хакану кимаков и начинают движение в западном направлении. Каи теснят кипчакское племя кунов, которые незадолго до этого из-за тесноты пастбищ обосновались на

новых свободных землях, где в результате начавшегося в XI в. процесса увлажнения степей образовались обширные свободные пастбищные угодья. Поскольку за век до этого кочевое население территории современного Казахстана из-за миграции печенегов, торков и карлуков, вызванной происшедшим в то время частичным усыханием степей, значительно сократилось, то появление новых богатых пастбищ на малозаселенных землях, несомненно, стимулировало передвижение кочевников на эти территории в первой половине XI в.

Куны, двигаясь под давлением кай на юг и юго-запад от Прииртышья в северо-восточное Семиречье, вынуждают покинуть свои кочевья обитавших там кипчаков-сары. Кипчаки-сары под давлением кунов теснят в присырдарьинских степях карлуков (туркмен по Марвази), которые, заняв восточные земли гузов (торков русских летописей), заставляют их двигаться в западном направлении. В 1030 г. персидский историк Байхаки отмечает кипчаков как соседей Хорезма. С этого времени «степь гузов», как она именовалась в мусульманских источниках, начинает превращаться в Дешт-и-Кипчак - Кипчакскую степь.

С этим движением гузов и кипчаков связано окончательное падение Хазарского каганата, так как 1030 годом датируется последнее упоминание в письменных источниках о хазарах (Ибн ал-Асир).⁵⁰ В XII в. на месте бывшей хазарской столицы Итиля был город Саксин, населенный гузами, смешанными с остатками хазар.⁵¹ К XIII в. в Нижнем Поволжье образуется локальный вариант половецкой культуры, лежащей на границе двух групп кипчакского населения: половцев южнорусских степей и кипчаков заволжских и зауральских степей.⁵²

Продолжая движение на запад, кипчаки сары и куны теснят торков, которые, в свою очередь, вытесняют из южнорусских степей основную массу печенегов. Поэтому в 1048 г. печенеги, теснимые торками, переходят Дунай, вторгаясь в пределы Византии. Вслед за торками в Северное Причерноморье двумя волнами приходят кипчаки. В 1055 году сары, одним из предводителей которых был хан Блуш, в 1061 г. куны, совершившие первое успешное нападение на Русь под предводительством хана Сокала (Искала). Потерпев ряд поражений от русских и половцев, торки, вслед за печенегами, переходят Дунай, в результате чего в 1064 г. в византийских пределах

появляется торческая орда. Через некоторое время, в 1078 г., вторжение во владения ромеев осуществляют половцы, обосновавшиеся в южнорусских степях.

Результатом прибытия двух ветвей половцев, сары и кунов, в Северное Причерноморье явилось образование там двух Куманий: Белой западной и Черной «Великой», которые и составили в южнорусских степях собственно Половецкую землю. В XII в. в Половецкой земле сформировались основные союзы половцев: Приднепровский, Донской, Лукоморский, Северокавказский. В степном пространстве между Бугом и Днестром кочевали так называемые «дикие половцы», в степях Нижнего Подунавья сложилось объединение подунайских половцев. Эти союзы, однако, не носили формы государственных образований. Своей государственности половцам создать не удалось.

Помимо Черной и Белой Куманий, у ал-Идриси упомянута Внешняя Кумания. Б.А. Рыбаков и С.А. Плетнева отождествляют Внешнюю Куманию с одной из орд «диких половцев», которые кочевали близ Рязанской земли к северу от Половецкой земли. Орда эта, однако, едва ли была столь многочисленна и занимала столь обширную территорию, чтобы ее можно было рассматривать наравне с Черной и Белой Куманиями, в состав которых входило по несколько половецких объединений. Скорее, под Внешней Куманией можно понимать кипчаков заволжских и зауральских степей.

Подведем итоги развития Половецкого общества в степях Северного Причерноморья в середине XI в. и до нашествия монголов.

Половецкие союзы в южнорусских степях с середины XI в. и до монгольского нашествия прошли значительную эволюцию от племенных объединений, затем временных военнополитических союзов во главе с тем или иным ханом, до сравнительно устойчивых территориальных объединений, носящих предгосударственный характер.

Историю Половецких союзов необходимо проследить со времени миграции половцев из Центральной Азии в южнорусские степи, поскольку движение половцев двумя волнами (первая племенной союз половцев сары, вторая – половцы-куны) определило и особенности исторической географии, сложившейся в Северном Причерноморье Половецкой земли. Первоначально Половецкая земля подразделялась на два больших племенных союза: Белая (Западная) Кумания и Черная (Великая) Кумания.

Для половцев в конце XI – первой половине XII вв. характерно образование временных военно-политических союзов во главе с тем или иным ханом. В этот период половецкое общество находится в стадии военной демократии. Половецкие кочевки носят «таборный», «куренной» характер.

В середине XII в. половцы переходят от куренного (таборного) способа кочевания к аильному (наличию постоянных веж). Это означает, что в половецком обществе происходит переход от родоплеменных отношений к раннефеодальным. В это время при переходе от куренного способа кочевания к аильному и образуется «степная аристократия» и зарождается своеобразная кочевническая «земельная собственность», выражающаяся в появлении определенных рубежей кочевий и в регулировании кочевок вновь образующейся «степной аристократией».

С зарождением и развитием в половецком обществе определенных отношений и связан процесс образования относительно устойчивых территориальных половецких союзов. Ко времени монгольского нашествия в южнорусских степях существуют следующие половецкие союзы: в Приднепровье и на правобережье Днестра объединение половцев во главе с ханом Котяном; на левобережье Днестра, в донецких и донских степях крупнейший половецкий союз во главе с ханом Юрием Кончаковичем; в степях Нижнего Подунавья союз «подунайских половцев»; союз половцев в степях Северного Кавказа; в низовьях Волги союз так называемых «половцев-саксинов». Процесс перерастания половецких союзов в раннегосударственные образования был прерван монгольским нашествием.

Каким же образом на протяжении почти двух столетий складывались русско-половецкие отношения?

Взаимоотношения половцев с Русью взаимообуславливались процессами, протекавшими внутри половецкого общества. В истории русско-половецких отношений можно выделить четыре периода, исходя из периодизации внутренней истории половцев после захвата ими восточноевропейской степи. Такая периодизация проведена советским археологом С.А. Плетневой. Первый период – середина XI – начало XII вв.; второй период – 20е -60е гг. XII в.; третий – вторая половина XII в.; четвертый – конец XII – первые десятилетия XIII вв. (до монгольского нашествия).⁵³

Первый период характеризовался активной наступательной политикой половцев. В это время половцы совершали многочисленные грабительские походы на русские земли, как правило, удачные. Победоносные походы Владимира Мономаха против половцев знаменовали собой конец этого периода, Русь не только успешно отражает половецкие набеги, но и сама переходит в наступление. Победы Владимира Мономаха вызвали приток половецкого населения на Северный Кавказ и даже в Закавказье. Около 40 тысяч северокавказских половцев во главе с ханом Отроком были союзниками грузинского царя Давида. Из пяти тысяч половцев была сформирована личная гвардия царя.

Второй период ознаменовался окончанием процесса освоения половцами южнорусских степей. Если в первый период половцам была присуща таборная система кочевания, характерная отсутствием у кочевников постоянных вежей, то в первой половине XII в. половцы уже занимают определенные территории, на которых находятся их постоянные вежи.

В этот период половцы принимают активное участие в междоусобных войнах русских князей.

Третий период русско-половецких отношений характерен быстро растущим сближением русских и половцев. Половцы играют постоянную активную роль в политике русских княжеств, русские и половцы предпринимают совместные грабительские набеги, союзнические походы. Устанавливаются родственные связи между русскими князьями и вождями половцев, путем заключения многочисленных браков. Враждебные столкновения, подобные походу Игоря Святославовича в 1185 г., носят эпизодический характер.

С конца XII в. начинается последний, четвертый период русскополовецких взаимоотношений. Его отличительной особенностью является почти полное отсутствие военных действий между русскими и половцами. В этот период половцы продолжают участвовать в княжеских междоусобицах на Руси, принимая сторону того или иного князя. Еще более частыми становятся брачные союзы между русскими и половецкими знатными родами. Последнее заметное столкновение – разгром половцев в Нижнем Подунавье Романом Галицким в 1202 г. по просьбе Византии.

Во время первого похода монголов в Восточную Европу полов

цы и русские как союзники сражались в битве при Калке» закончившейся разгромом русско-половецкого войска монголами.

Нашествие монголов на Восточную Европу положило конец господству половцев в южнорусских степях. Тогда же и прекратились русско-половецкие связи.

Такова внешняя канва русско-половецких отношений. Влияла ли их динамика на восприятие русскими половцев? Менялся ли их облик в историческом сознании русского народа?

Изначально русские воспринимали половцев чрезвычайно враждебно, что напрямую связано с жестокими русско-половецкими схватками. Не случайно половец Тугоркан в русском фольклоре превратился в Змея Тугарина. Менялось ли отношение к половцам по мере установления мирного образа жизни между русскими и кумаками, их частого союзничества, прямого родства? На первый взгляд может показаться, что отсутствие в начале XII в. военных столкновений, родственные браки между представителями русской и половецкой знати означали и перемену в восприятии русскими людьми своих степных соседей. Князь Даниил Галицкий называет половецкого хана Котяна «отче». Правда, Котян тесть Даниила, а тестя по русскому обычаю и надлежит «читать в отца место».

Частые браки между русскими князьями и половецкими красавицами, дочерьми знатнейших ханов вовсе не означали наступления некоей семейной идиллии между русскими и половцами. Изначально целью таких браков была попытка, породнившись с тем или иным могущественным половецким ханом, избежать набегов на русские земли со стороны его воинства. Так, князь Святополк Изяславич взял в жены дочь знаменитого Тугоркана, но земли свои, как вскоре выяснилось, от нападений тестевых подданных не избавил. В конце концов зять был вынужден, не думая ни о каком сыновнем почитании тестя, разгромить его рати на реке Трубеж, где Тугоркан и сложил, наконец, свою буйную голову.

Если мы хотим узнать, как действительно воспринимали русские половцев после почти двухвекового знакомства в самый канун монгольского нашествия, то надо обратиться к русским летописям, описавшим и приход монголов, и союз русских с половцами против них: «Начали приходить слухи, что эти безбожные татары пленили многие страны: Ясов, Обезов, Касогов, избили множество безбожных половцев и пришли в половецкую землю. Половцы же, не в си

лах сопротивляться, бежали, и татары многих избили, а других преследовали вдоль Дона до залива, и там они убиты были гневом Божиим и его пречистой матери. Ведь эти окаянные половцы сотворили много зла Русской земле. Поэтому всемилостивый Бог хотел погубить безбожных сынов Измаила, куманов, чтобы отомстить за кровь христианскую; что и случилось с ними. Ведь эти таурмены прошли всю землю Куманскую и преследовали половцев до реки Днепра около Руси».

Даже в канун грозного нашествия татарского, грозного для русских никак не менее, чем для половцев, летописец не может удержаться от злорадства по поводу разгрома половецких кочевий монголами. Пусть уже нет былой вражды, но ни одна прежняя обида не забыта, половцы в глазах русских по-прежнему «безбожные», они ведь оставались язычниками – все те же «окаянные».

Следовательно, мир миром, но восприятие русскими половцев к лучшему не менялось, да и не могло измениться: ведь половцы оставались все теми же погаными безбожниками, и пролитая их предками русская кровь все требовала в глазах потомков отмщения. Что до брачных союзов, то половчанки, выходя замуж за русских, всегда принимали христианство и погаными быть переставали.

Так что, сколь ни менялись внешние обстоятельства, отношение к половцам, обитателям степи, оставалось прежним.

А как складывались взаимоотношения половцев с иными народами и странами?

С учета незаурядной роли половцев в истории ряда стран ЮгоВосточной Европы, необходимо коснуться истории пребывания половцев на Балканах и в Венгрии.

Первое появление половцев на Балканском полуострове в пределах Византийской империи относится к 1078 г. Половцы сумели проникнуть вглубь владений ромеев и достигли Адрианополя. Следующее появление половцев к югу от Дуная связано с событиями византийско-печенежской войны 1088-1091 гг. Половцы были приглашены печенегами в качестве союзников, однако невыполнение печенегами принятых союзнических обязательств по разделу добычи привело к тому, что половцы перешли на сторону византийцев и оказали им большую поддержку в разгроме печенегов. В 1094-1095 гг. половцы оказали военную помощь претенденту на византийский престол Псевдо-Диогену.

В первой половине XII в., в связи со стабилизацией положения в южнорусских степях, активность половцев к югу от Дуная резко сокращается. Наступление Руси на половцев при Владимире Мономахе значительно ослабило их силы и лишило половцев возможности совершать большие походы на земли Византии. В период между 1115 и 1148 гг. не зафиксировано ни одного достоверного свидетельства о походах на Балканах. С середины века ситуация меняется. В 1048 г. происходит большая византийско-половецкая война, в ходе которой ромеи, преследуя половцев, переправляются на левый берег Дуная и достигают предгорий Карпат. Крупное вторжение половцев на земли империи происходит в 1159 г. Во второй половине XII в. половцы занимают степи Нижнедунайской низменности, где складывается объединение подунайских половцев. С этого времени половцы – постоянные соседи балканских государств и принимают активное участие в политических событиях региона. Значительное количество половцев в это время переселяется на земли Византийской империи и поступает на службу к императорам. В византийской армии появляются отряды куман (половцев). Византийские акты второй половины XII в. сохранили сведения о поселениях половцев на территории империи.

Период наиболее активного участия половцев в политической жизни Балкан начинается с борьбы болгар и владов за освобождение от византийского гнета после 1185 г. Вожди восставших болгар и владов Петр и Асень, переправившись за Дунай, обратились за помощью к половцам, кочевавшим в степях Нижнего Подунавья. Половцы заключили специальное соглашение с руководителями восстания, после чего крупные половецкие силы принимали участие практически во всех военных действиях болгаро-византийской войны, приведшей к образованию Второго Болгарского царства. Следующий этап в истории половецких войн на Балканах связан с падением Константинополя в 1204 г. и образованием на развалинах Византии Латинской империи. Половцы на стороне болгар принимали участие в битве при Адрианополе в 1205 г., когда царю Калояну с их помощью удалось разгромить армию крестоносцев во главе с императором Латинской империи Балдуином. Участие половцев в войнах на Балканском полуострове продолжалось и при болгарском царе Иване Асене II. Набеги союзных Болгарии половцев охватывали Фракию, Македонию и Иллирию. Половецкие от

ряды были и на службе у крестоносцев, у правителей Латинской империи.

Завершение активного участия половцев в политических и военных событиях на Балканах связано с разгромом половцев во время монгольского нашествия на Восточную и Центральную Европу.

Первое столкновение половцев с венграми относится к 1070 г., когда половцы через узкий проход в Карпатах Мезеш, ведущий из Трансильвании в Венгрию, ворвались в провинцию Нир и разорили ее до города Бигера. В 1091 г. произошло новое вторжение половцев в Венгрию во главе с ханом Копульхом. На реке Темеш в Банате король Ласло I разгромил половцев, часть их захватил в плен, обратил насильственно в христианство и поселил на равнинных землях королевства.

Незадолго до этого претендент на венгерский престол Соломон бежал в степи к половцам, призвал на помощь хана Кутеска, обещая ему уступить во владение Трансильванию и жениться на его дочери. Соломон, однако, потерпел поражение и остался в половецких степях.

В XII в. венгерские короли начинают использовать половецкие отряды в качестве наемников, расселяя половцев в пограничных районах государства. В середине XII в. король Геза II посылал своих эмиссаров в южнорусские степи для вербовки половцев на военную службу в Венгрии. В постоянных военных столкновениях с русскими князьями Галицко-Волынской Руси венгры часто использовали на своей стороне половцев. Русские князья, однако, также пользовались услугами половцев в борьбе с венграми. В 1097 г. союзник русских хан Боняк нанес венграм сокрушительное поражение в битве близ Перемышля.

Особенно тесными половецко-венгерские связи становятся в XIII в. В 20-е гг. XIII в. венгерская корона начинает наступление на Придунайскую Куманию и в 1227 г. провозглашает свой сюзеренитет над Куманией. Наступлением венгров на подунайских половцев воспользовалась римская курия. В 1228 г. была образована Половецкая епископия для обращения половцев в христианство, которая просуществовала вплоть до монгольского нашествия на Венгрию.

Монгольская угроза явилась причиной массового переселения половцев в Венгрию. Еще в 1228 г. в Венгрию переселился хан Бортц

с двумя тысячами половцев. В качестве предварительного условия переселения он дал обещание принять христианство. В 1240 г. произошло массовое переселение половцев в Венгрию во главе с ханом Котьяном. Котьян отправил послов к королю Беле IV. Он просил соизволения переселиться в пределы Венгрии со всем своим народом, имуществом и стадами, обещая принять христианство. Король Бела собрал сейм сановников государства и предложил ему вопрос о половцах. Бароны решили его в утвердительном смысле. Половцы перешли в Венгрию в количестве около 40 тысяч человек.

Здесь следует отметить, что половцы в Венгрии постоянно пользовались поддержкой королей, что объясняется их стремлением, с одной стороны, благодаря половцам укрепить границы королевства, с другой – опереться на них в борьбе со знатью, чему знать усиленно стремилась противодействовать.⁵⁵

Получив возможность поселиться в Венгрии, половцы заняли часть земель Среднедунайской низменности, где с этого времени образовались Большая и Малая Кумании.

Покровительство Беле IV хану Котьяну и половцам вызвало недовольство и даже мятеж венгерской знати. В результате хан Котьян и ряд его приближенных были убиты. Возмущенные половцы восстали, разбили высланные против них войска, и значительная часть их ушла в Болгарию, где они поступили на службу к царю Коломану. Тем не менее, большое количество половцев осталось в Венгрии. Половцы как прекрасная военная сила участвовали в войнах, которые вели венгерские короли. В 1259 г. они подвергли страшному опустошению Австрию. Половецкая знать продолжала пользоваться расположением королей. Король Ласло IV за свое покровительство половцам получил прозвище «Куман». В 1279 г. им был издан «Акт о половцах», в котором были определены феодальные права половецкой знати. Акт вызвал очередной протест венгерской знати, что вновь привело к восстанию половцев, которое было подавлено военной силой в 1282 г. После этих событий половцы перестают играть какую-либо заметную роль в истории Венгрии. В дальнейшем половецкое население было ассимилировано венграми.

В 1223 г. половцы впервые столкнулись с монголами на Северном Кавказе и в союзе с аланами выступили против них. Монголы, однако, сумели расколоть половецко-аланский союз и нанесли по

ражение сначала аланам, а затем и половцам. Когда монголы вторглись в Северное Причерноморье, половцы обратились за помощью к русским князьям. Совместное выступление русских и половцев против монголов было неудачным и закончилось их поражением в битве на реке Калке. Во время нашествия Батые на Восточную Европу половцы подверглись сокрушительному разгрому. Значительная часть их была истреблена, многие ушли в пределы Венгрии и Болгарии. Много половцев оказалось в числе мамлюков в Египте. Мамлюкская знать в значительной степени состояла из половцев. Некоторые султаны Египта эпохи правления мамлюков были половецкого происхождения. Основная же масса половцев вошла в состав населения Золотой Орды.

Бродники

Картина этнического состояния южнорусских степей в эпоху господства там половцев была бы не полной без очерка еще об одной группе степного населения, чье происхождение не лишено загадочности.

Письменные источники второй половины XII – первой половины XIII в. русские, византийские, венгерские, документы римской курии сообщают ряд сведений о бродниках, группе населения южнорусских степей в предмонгольский период. Известия о бродниках в русской летописи восходят к середине XII в. Так, во время войны черниговского князя Святослава Ольговича в союзе с ростово-суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким против киевского князя Изяслава Мстиславича в 1147 г. бродники упоминаются в качестве союзников Святослава. В последней четверти XII в., в 1190 г., бродники упоминаются византийскими историками в Нижнем Подунавье как союзники болгар. По свидетельству византийского историка Никиты Хониата, бывшего современником описываемых событий, в болгаро-византийской войне на Балканах на стороне болгар сражались половцы и уроженцы местности, именуемой Бордона, которых Хониат относил к «ветви тавроскифов» (русских). Бордона – это страна бродников, следовательно, «те...из Бордоны» - бродники.

В первой половине XIII в. бродники и «земля бродников» нео

днократно упоминаются в письменных источниках. Ряд письменных свидетельств позволяет историкам говорить о постоянном пребывании бродников в этот период в западной части Северного Причерноморья на землях Днестровско-Карпатского региона. Впервые бродники на этих территориях упоминаются в 1222 г. В этом году венгерский король Андрей II расширил свой домен на востоке и юго-востоке Трансильвании за счет прилегающих к земле Бырса незаселенных земель.³ Эти земли Андрей II предоставил во владение рыцарям-тевтонам. Тогда-то бродники и были упомянуты как восточные соседи тевтонов.

Поскольку земли бродников располагались к востоку от земли Бырса, являвшейся юго-восточной окраиной Трансильвании, поскольку, следовательно, эти земли находились на территории Днестровско-Карпатских земель. Южными соседями бродников здесь были половцы, кочевавшие в степях Нижнедунайской низменности. Бродники, так же как и половцы, оказались в сфере внимания римской курии, настойчиво стремившейся распространить католицизм в Восточной Европе. Организованная по инициативе папы Григория IX в конце 20-х гг. XIII в. так называемая Половецкая епископия должна была стать центром распространения католицизма не только среди половцев, но и среди их соседей – бродников. Об этом недвусмысленно говорят документы римской курии. В письме папы Григория IX от августа 1227 г. дается предписание епископу Эстергома обращать в католическую веру население земель Кумании и соседней с ней земли бродников: *In Cumania et Bordinia terra illis vicina, de cuius gentis conuersione sperabatur, legationis officium tibi committere dignaremur, per quod habeas potestatem eisdem terris vice nostra praedicandi, baptizandi, aedificandi Ecclesias, ordinandi clericos...etc* (Мы удостоиваем дать тебе наше полномочие в землях Кумании и Бродинии, соседней с ней, на обращение которых есть надежда, по которому ты имеешь власть от нашего имени проповедовать, возводить церкви, крестить, назначать священников...)⁵

В документе римской курии, датированном мартом 1231 г., вновь говорится о Кумании и Земле Бродников как о соседних провинциях: *Cumanorum et Brodnicorum provinciis sibi vicinis*⁶.

О географическом положении Земли Бродников сообщает письмо венгерского короля Белы IV римскому папе Иннокентию IV от 11 ноября 1250 г. В письме говорится, что татары заставили пла

тить себе дань страны, «*que ex parte Orientis cum regno nostro conterminantur, sicut Ruscia, Cumania, Brodnici, Bulgaria*» (которые с востока граничат с нашим королевством, именно Русь, Куманию, Бродников и Болгарию).

Приведенные свидетельства письменных источников убедительно показывают, что бродники проживали на территории Днестровско-Карпатских земель по соседству с половцами, Придунайской Куманией, близ восточных рубежей Венгерского королевства.

Что представляла собой Земля Бродников в Днестровско-Карпатском регионе? На этот вопрос письменные источники определенного ответа не дают. Была ли это просто территория на стыке русских поселений и половецких кочевий, или же она представляла собой некое подобие политического объединения? Последнее мнение получило распространение в историографии, хотя сколь-либо удовлетворительных известий об этом вся совокупность письменных источников не дает. Днестровско-Карпатские земли не были единственным регионом обитания бродников. Бродники проживали по соседству с половцами на всем пространстве южнорусских степей вплоть до Приазовья. Факт перехода части бродников во главе с их воеводой Плоскыней на сторону монголов в битве при Калке в 1223 г. говорит о неоднозначности взаимоотношений бродников с русскими княжествами и половцами. Союзнические отношения порой сменялись враждебными. Русская летопись так описывает переход бродников во главе с Плоскыней на сторону монголов: «Ту же и бродницы быша старые, и воевода их Плоскыня, и той окаянный целовав крест ко князю Мстиславу и обема князема, яко их не избити и пустити их искуре, и солгав окаянный предасть их связав татарам».⁹ (О Калкской битве и участии в ней бродников более подробно будет сказано в следующей главе).

Летописные сообщения свидетельствуют о многочисленности бродников, о наличии у них своих воевод. Тот факт, что бродники занимали достаточно обширную территорию, подтверждает и венгерский документ 1250 г., где Земля Бродников упоминается в одном ряду с Русью, Куманией и Болгарией.

По вопросу о происхождении и этнической принадлежности бродников в историографии существует ряд различных мнений.

Л.Н. Гумилев полагает, что бродники были народом русско-хазарского происхождения, наследниками древних хазар. Мнение это,

однако, носит гипотетический характер и не подкрепляется какими-либо конкретными данными тех или иных источников.

В.Т. Пашуто, исходя из их названия «брод», «бродить», полагал, что бродники были кочевым народом, связанным с половцами и обитавшим в Половецкой степи. Оговаривая неясность их происхождения, В.Т. Пашуто, тем не менее, не подвергал сомнению славянскую принадлежность бродников и распространение среди них христианства.

Мнение о бродниках, как о кочевом народе, не поддержал М.Ф. Котляр. Согласно его представлениям, бродники были предшественниками казачества в южнорусских степях и являлись не кочевым народом, а обитателями поселений у «бродов», речных переправ. Основной областью их расселения, согласно М.Ф. Котляру, было Подунавье.

Мысль о бродниках как о кочевом народе вызвала серьезные возражения у В.В.Мавродина, Р.М. Мавродиной, И.Я. Фроянова. По их мнению, славянское происхождение бродников вряд ли делает возможным определение бродников как особого кочевого народа.

В румынской историографии утвердилось мнение о бродниках как о населении с «румынской этнической принадлежностью». По справедливому утверждению В.П. Шушарина, это мнение является бездоказательным, и в настоящее время не имеется никаких новых данных, которые позволяли бы предполагать румынскую этническую принадлежность бродников. Все свидетельства о бродниках не дают никаких оснований для отождествления их с восточным романцами.¹⁶

В.П. Шушарин присоединился к мнению о славянской этнической принадлежности бродников.¹⁷

Наиболее четкий ответ об этническом происхождении бродников дает анализ сообщения о них Никиты Хониата. Никита Хониат совершенно определенно пишет о бродниках как о ветви «тавроскифов» русских. Шесть раз упоминая тавроскифов, Хониат имеет в виду только русских.¹⁸

В «Истории» Никиты Хониата бродники как ветвь тавроскифоврусских совершенно четко отличаются от тюрок-половцев и восточных романцев-влахов.

На сегодняшний день наиболее основательным остается мнение о бродниках как по преимуществу русских, высказанное еще в

прошлом веке выдающимся русским историком Ф.И.Успенским.¹⁹

Итак, бродники, проживавшие на территории южнорусских степей по соседству с половцами в конце XII – первой половине XIII вв., скорее всего были частью древнерусского населения Северного Причерноморья.

Относительно социального происхождения бродников в историографии существует мнение, что их основу составляли беглые холопы и крестьяне из соседних со степями и отдаленных областей Руси.²⁰ После монгольского нашествия известия о бродниках исчезают.

Глава VI. Нашествие монголов. Русь и Орда

Весной 1206 г. вдали от Руси в неведомой европейцам Монголии произошло событие, ставшее отправной точкой величайших потрясений, какие когда-либо переживали народы Евразии, которые самым решительным образом изменили исторические судьбы Русской земли. Пока еще мало кому известный за пределами монгольских степей пятидесятилетний Темучин, сумевший впервые объединить всех монголов, был провозглашен их «великим каганом» - верховным правителем. Теперь он получил имя Чингиз-хан. Оно вскоре стало известно обитателям большей части тогдашнего цивилизованного мира и навеки осталось одним из самых знаменитых, но и самых страшных имен в истории человечества. Начатые им завоевательные войны, продолженные его потомками, длились непрерывно около 80 лет и охватили необъятные пространства от Японии на востоке до берегов Адриатики на западе, от лесов Новгородской земли на севере до Индийского океана на юге; от берегов Амура до долины Нила, от Чехии и Польши до Бирмы и Вьетнама. Это была, пожалуй, самая грандиозная по размаху в истории человечества попытка завоевания мирового господства. Сопратники Чингиз-хана открыто говорили: «А ведь у нас всюду враг – от заката солнца до восхода его!» Обращаясь к непокорным, монголы от имени своего великого кагана заявляли: «Да ведают эмиры, вельможи и подданные, что всю поверхность земли от места выхода солнца до места захода солнца господь всемогущий отдал нам. Каждый, кто подчинится нам, пощадит себя, своих жен, детей и близких, а каждый, кто не подчинится и выступит с противодействием и сопротивлением, погибнет с женами, детьми, родичами и близкими ему!»² Как пишет один из биографов Чингиз-хана Евгений Кычанов: «Так мыслил сам Чингиз, так мыслили приближенные его, стремившиеся к сокрушению этого «врага», ограблению и подчинению всего доступного им мира, «от заката солнца и до восхода его».³ Несомненно, простая и ясная, страшная своей общедоступностью мысль о дарованном свыше монголам праве господствовать над народами всего мира оказалась чрезвычайно привлекательной для огромных орд

кочевников – самих монголов и сплоченной ими кочевой Азии.

Монгольские завоевания начались с вторжения войск Чингизхана в Китай в 1211 г., в 1219 г. монголы обрушились на крупнейшее мусульманское государство Хорезм, владыки которого хорезм-шахи повелевали землями от Аральского моря до Персидского залива, от Закавказья до Индии. Всего лишь за три года держава хорезм-шахов была обращена монгольскими завоевателями в прах. Но Чингиз-хану этого было мало, он думал о дальнейших завоеваниях, и, дабы подготовить большой поход на запад, отборное тридцатитысячное войско во главе с талантливыми, испытанными полководцами Субудаем и Джебэ двинулось из Ирана сначала в Закавказье, а оттуда прорвалось сначала в северокавказские, затем и в южнорусские степи. Это была глубокая стратегическая разведка перед грядущим намеченным завоеванием монголами «вечерних стран» – так они называли страны Европы, включая и Русь.

На Руси о монголах впервые узнали весной 1223 г., когда войска Субудая и Джебэ, преследуя разбитых половцев, приблизились к Приднепровью. Новых степных воителей русская летопись назвала татарами: «В год 6732 (1223). Из-за грехов наших пришли народы неизвестные, безбожные моавитяне, о которых никто точно не знает, кто они и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татарами,.. Один Бог знает, кто они и откуда пришли, о них хорошо известно премудрым людям, которые разбираются в книгах».

Нашествие монголов на Руси и во многих других странах было воспринято как «Божья кара», наказание народам за их прегрешения, за грехи их правителей. Татары здесь оказывались лишь орудием Божьим, посланным людям в наказание: «...все это случилось не из-за татар, а из-за гордости и высокомерия русских князей допустил Бог такое. Ведь много было князей храбрых и надменных, и похваляющихся своей храбростью. И была у них многочисленная и храбрая дружина, а они хвалились ею».

Ко времени проявления в степях Причерноморья монгольской конницы на Русь уже дошли слухи о жестоком разгроме, учиненном монголами многим народам. Скоро новые завоеватели приблизились к Русской земле. Идя за половцами, монголы «прошли всю землю Куманскую и преследовали половцев до реки Днепра около Руси. И

прибежали окаянные половцы к месту, которое называется Половецкий вал, остаток их: Котян, князь половецкий, с другими князьями; ...Этот Котян был тесть князя Мстислава Мстиславича Галицкого, и пришел он с князьями половецкими в Галич с поклоном. И принес он многие дары коней, и верблюдов, и буйволов, и невольниц и, кланяясь, одарил всех русских князей, говоря: «Сегодня нашу землю татары отняли, а вашу завтра придут и возьмут, и поэтому помогите нам». Умолял Котян зятя своего Мстислава; а князь Мстислав послал к своим братьям, князьям русским, за помощью, говоря так: «Поможем половцам; если мы им не поможем, то они перейдут на сторону татар, и у тех будет больше силы, и нам хуже будет от них». Долго они советовались и, уступив просьбам и мольбам половецких князей, решили пойти на помощь Котяну.⁶ И начали князья собирать воинов каждый в своей области: великий князь Мстислав Романович Киевский, внук Ростислава, и Мстислав Святославич Козельский, внук Всеволода Черниговского, и Мстислав Мстиславич Галицкий (Мстислав Удатный) эти старшие князья в Русской земле; а с ними и младшие князья: Даниил Романович, внук Мстислава, и князь Михаил Всеволодович Черниговский, и князь Всеволод Мстиславич, сын киевского князя, и многие другие князья. Когда все князья собрались на совет в Киеве, они послали во Владимир к великому князю Юрию Всеволодовичу за помощью; а он отправил к ним Василька Ростовского. Посоветовавшись, князья решили встретить врага на чужой земле... и, собрав всех русских воинов, выступили в поход против татар».

Монголы, узнав о походе русской рати, немедленно направили в стан русских князей послов, заявивших следующее: «Слышали мы, что идете вы против нас, послушавшись половцев. А мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел ваших, и пришли не на вас. Но пришли мы, посланные Богом, на конюхов и холопов своих, на поганых половцев, а вы заключите с нами мир. И если прибегут половцы к вам, вы не принимайте их и прогоняйте от себя, а добро их берите себе. Ведь мы слышали, что и вам они много зла приносят, поэтому мы их также бьем».

Хитроумнейшие речи монголов не провели русских князей. От половецких ханов они уже знали, что подобные слова монголы уже говорили, обращаясь к половцам и натравливая их на алан. Тогда эта хитрость монголам удалась, и они, разгромив алан, обрушились

затем и на половцев. Отвергнув льстивые слова татар, русские князья жестоко обошлись с их послами, велев их перебить. Поход продолжался. Когда русские войска приблизились в городу Олешье, находившемся в низовьях Днепра, близ Черного моря, вновь явились монгольские послы, на сей раз с иными словами: «Если вы послушались половцев, послов наших перебили и идете против нас, то идите. А мы вас не трогали, и пусть рассудит нас Бог».

Этих послов, великодушно выслушав, отпустили восвояси.

У Олешья собрались все союзные русские и половецкие рати. В первом столкновении на восточном берегу Днепра князь Мстислав Удатный с тысячью отважных дружинников разгромил монгольский сторожевой отряд. Известие о первой удаче вдохновило князей: «Услышав это, князья русские стали переправляться через Днепр на множестве ладей: великий князь Мстислав Романович с киевлянами, Владимир Рюрикович со смолянами, черниговские князья, галичане, и волынцы, и куряне, и трубчане, и путивличи, все земли русские, все князья и множество воинов».

И русские, и половцы были уверены в успехе предстоящей битвы, неразумно приняв отступление монголов, бывшее лишь искуснейшим маневром для заманивания врага в засаду, за действительную слабость пришлого воинства. По словам мусульманского историка монгольских завоеваний Ибн ал-Асира (1160/1234 гг.): «... И возгорелось в урусах и кипчаках желание разбить татар: они думали, что те отступили, из страха и по слабости не желая сражаться с ними, и потому стремительно преследовали татар. Татары все отступали, а те гнались по следам 12 дней».

Русско-половецкая рать настигла монголов 28 мая 1223 г. близ верховий реки Калки. Первая стычка русских и монгольских всадников закончилась отходом монголов за Калку. Русские дружины и половецкая орда, преждевременно предвкушая победу, переправились через Калку и сразу же неожиданно для себя столкнулись с главными силами врага, готовившимися к решающей битве. К своему несчастью, преследуя 12 дней отступающих монголов, русские и половцы крайне неудачно растянули свои силы и тем самым предоставили Субудая и Джебэ возможность громить союзное воинство по частям. Многоопытные полководцы Чингиз-хана, прошедшие с боями всю необъятную Азию, перехитрили русских князей и половецких ханов.

Пишет Ибн ал-Асир: «Не успели урусы собраться для битвы, как татары напали на них в большом числе, и сражались обе стороны с неслыханным мужеством».

Свой первый удар монголы хитроумно направили против половецкой орды, справедливо считая ее слабейшей частью союзного войска. Не выдержав яростной атаки монгольской конницы, половцы обратились в бегство и смяли только строившиеся для сражения полки галицко-волинских князей во главе с Мстиславом Мстиславичем Удатным, «...и пришли в смятение русские полки, и было сражение гибельным, грехов наших ради. И были побеждены русские князья, и не бывало такого от начала Русской земли», – горестно повествует русская летопись.

Уже после основного сражения монголы окружили войско киевского князя Мстислава Романовича. Русское войско, укрепившись на каменистом месте и устроив там частокол, трое суток отражало натиск монголов. Те же, убедившись, что силой взять укрепленный стан русских воинов не удастся, прибегли к испытанному приему – коварству.

«Были вместе с татарами и бродники, а воеводой у них Плоския. Этот окаянный воевода целовал крест великому князю Мстиславу и двум другим князьям, и всем, кто был с ними, что татары не убьют их, а возьмут с них выкуп, но солгал окаянный: передал их, связав, татарам. Татары взяли укрепление и людей перебили, все полегли они здесь костью. А князей придавили, положив их под доски, а татары наверху сели обедать; так задохнулись князья и окончили свою жизнь».

Всего на Калке пало 9 русских князей... Летопись повествует и о гибели Александра Поповича с семьюдесятью богатырями. Потери русской рати были страшными: «Только десятая часть войска вернулась домой, а у некоторых половцы отняли коня, а у других одежду (достойные союзники!). Так за грехи наши Бог отнял у нас разум, и погибло бесчисленное множество людей, татары же гнались за русскими до Новгорода – Святополча. Христиане, не зная коварства татар, выходили им навстречу с крестами, и все были избиты. Говорили, что одних киевлян погибло тогда тридцать тысяч.

И был плач и вопль во всех городах и селах. Татары же повернули назад от реки Днепра, и мы не знаем, откуда они пришли и куда исчезли. Один только Бог знает, откуда он привел их за наши гре

хи, и за похвальбу, и высокомерие великого князя Мстислава Романовича». Так подвела итоги первой битвы с монголами русская летопись.

От берегов Днепра монгольское войско двинулось на северо-восток и достигло пределов Волжской Болгарии. Болгары, зная, очевидно, о приближении неприятеля, сумели подготовить Субудая и Джебэ достойную встречу. Монгольские военачальники, мастера искусного заманивания противника в засаду, здесь сами угодили в таковую. У рубежей Болгарского ханства тумыни Чингиз-хана потерпели поражение, после чего повернули коней на юго-восток и через Уральские степи и Приаралье вернулись в Среднюю Азию к ставке великого кагана, бывшей в то время в Бухаре. Успешное в целом завершение разведывательного похода на Запад стало важнейшим этапом в подготовке нашествия монголов на «вечерние страны». Спустя немного лет, в 1229 г., Субудай во главе тридцатитысячного войска вновь вторгся в Восточную Европу. На сей раз его войска разорили прикаспийские степи, разгромив там половецкие кочевья и уничтожив болгарские сторожевые форпосты по реке Яик.

Смерть Чингиз-хана в 1227 г. не только не приостановила хода монгольских завоеваний, но, пожалуй, после нее они стали еще более широкомасштабными, поражая воображение современников, в ужасе ощутивших действительную близость свершения монголами своих зловещих планов – покорения мира.

В 1229 же году в столице Монгольской империи Каракоруме новый великий каган Угодей созвал курултай, где было решено послать в помощь Субудая войска всего «улуса Джучи».

Улус Джучи – наследное владение старшего сына Чингиз-хана. Каган, дабы стимулировать дальнейшие завоевательные походы монголов на Запад, выделил Джучи лишь незначительные владения в низовьях Аму-Дарьи – коренные земли Хорезма, наиболее беспощадно разоренные во время завоевания державы хорезм-шаха, но это ни в коем случае не означало какой-либо обиды или пренебрежения к старшему сыну. Джучи было сказано, что западные пределы его улуса находятся столь далеко, куда только сумеет ступить копыто монгольского коня. Так что на деле удел Джучи мог стать самым обширным, ибо западным естественным пределом его монго

лы стали полагать берега «Последнего моря» – крайнего рубежа обитаемой вселенной.

Самому Джучи не было суждено повести свои тумены на Запад он трагически погиб во время степной охоты, смерть его так и осталась загадочной, породив множество легенд, ни одну из которых нельзя считать достоверной. Возглавил великий поход на «вечерние страны» его сын – Бату.

Бату-хан (в русскую историю он вошел под именем Батя) родился в 1207 г. Военное дело он изучал под руководством многоопытного Субудая. В первой половине 30-х гг. Бату воевал в Китае, постигая там искусство полководца. В 1235 г. очередной курултай поставил его во главе великого похода на Запад. Персидский историк Джувейни (1226-1263) в своем сочинении «Тарых-и джехангума» (История мирозавоевателя) сообщает, что там «состоялось решение завладеть странами Булгар, Асов и Руси, которые находились по соседству становищ Бату, не были еще покорены и гордились своей многочисленностью».

Над Русской землей нависла самая страшная опасность за все время ее существования, но Русь к отражению ее готова не была. Более того, как бы сама природа не давала Руси окрепнуть, ибо бедствие следовало за бедствием. Сказано в летописи: «Не отмыли мы еще кровь после битвы на Калке, и снова народились люди после великого моря по всей земле, кроме Киева. А киевляне полегли костями на Калке с великим князем Мстиславом Романовичем, и с другими десятью князьями, и с семьюдесятью двумя богатырями; новгородцы же частью умерли голодной смертью, а живые разошлись по чужим землям; так же и Смоленск, и все другие города постигла такая же смерть, и вскоре опустели они. От битвы на Калке до землетрясения прошло немного времени – восемь лет, и тогда случился голод, а от землетрясения до нашествия Батя прошло восемь лет. Поэтому не разбогатела наша земля, но, напротив, еще более обезлюдела».

Нашествие монголов, невиданное по своим масштабам, чудовищное по последствиям, было однозначно воспринято на Руси как проявление Божьего гнева на Русскую землю: «Стало известно в восточных странах среди потомков Измаила, сына Агары, рабыни Авраама, что бог смирил Русскую землю нашествием безбожных иноплеменников, таурмен. Распространились слухи о поражении

русских князей на Калке, и стало известно о гибели семидесяти двух богатырей, и о междоусобных войнах в Русской земле, и о голоде, и о великом море, и об оскудении русских войск, и о ссорах между братьями – о всех этих бедах Русской земли. Особенно же обнаружилась греховная злоба, и дошел вопль греховный до ушей Господа Саваода. Поэтому он напустил на нашу землю такое пагубное наказание».

Так виделись русским людям середины рокового XIII столетия причины монгольского нашествия и установления ордынского ига на Руси. Тщета самого доблестного, самого мужественного, самого стойкого сопротивления захватчикам привела летописца к горестному, безысходному выводу: «Но гневу Божьему уже невозможно было противиться, как в древности сказано было Господом Иисусу Навину, когда Господь вел иудеев в землю обетованную, тогда он сказал: «Я пошлю сначала на них недомыслие, и грозу, и страх, и трепет». Так и у нас Господь отнял сначала силы, а за наши грехи послал на нас грозу, и страх, и трепет, и недомыслие».

Великий монгольский поход на Запад начался в 1236 г. Численность войска завоевателей по подсчетам историка В.В.Каргалова, представляющимися наиболее убедительными, составляла 120-140 тысяч человек. Вадим Каргалов в своей книге «Монголо-татарское нашествие на Русь» пишет: «Эта цифра подтверждается следующими соображениями. Обычно в походах ханы – потомки Чингиза – командовали «туменом», то есть отрядом в 10 тыс. всадников. В походе Батя на Русь, по свидетельствам восточных историков, принимали участие 12-14 ханов – «чингизидов», которые могли вести за собой 12-14 туменов (то есть 120 – 140 тыс. человек).

Такая численность монголо-татарской армии вполне достаточна для объяснения военных успехов завоевателей. В условиях XIII столетия, когда войско в несколько тысяч человек представляло уже значительную силу, более чем сотысячная армия монгольских ханов обеспечивала завоевателям подавляющее превосходство над противником. Вспомним, кстати, что войска рыцарей-крестоносцев, объединявшие, по существу говоря, значительную часть военных сил всех феодальных государств Европы, никогда не превышали 100 тыс. человек.

Какие силы могли противопоставить феодальные княжества Северо-Восточной Руси полчищам Батя?

Летописцы не называют общую численность войска русских феодальных княжеств накануне нашествия Батгя, однако примерно определить, сколько воинов могла выставить Русь в период опасности, все-таки можно. По сообщениям летописцев, князь Андрей Боголюбский собирал с Северной Руси (области: Новгородская, Ростовская с Белоозером, Муромская и Рязанская) до 50 тыс. воинов. Примерно столько же могла выставить и Южная Русь. Таким образом, даже объединенные силы Руси не достигали численности монголо-татарского войска.

Надлежит помнить и следующее. Опыта создания единой общерусской рати под единым же предводительством на Руси не было со времен Владимира Мономаха и Мстислава Великого. Битва на Калке наглядно показала, насколько сей опыт был утрачен. Не приходилось досель русским ратям сражаться со столь могущественным противником, прямо покушавшимся на свободу и независимость всей Русской земли. В последние десятилетия перед нашествием Батгя дружины русские чаще бились между собою, нежели с неприятелем. Да и неприятеля очень уж грозного у Руси не было. Половцы грозой Южной Руси уже не были (если, конечно, какой-либо князь не привлекал их на свою сторону в междоусобице), столкновения суздальцев с волжскими болгарами, галичан с венграми, новгородцев с немецкими рыцарями были скорее пограничными войнами, общерусского значения не имевшими, откуда и весьма ограниченное значение их опыта для иных русских земель. Не было на Руси и необходимости в создании подлинно могучих крепостей – твердынь – неприятель никогда не вторгался в глубь русских земель. Были, конечно, каменные детинцы в крупнейших городах – Владимире, Киеве, Новгороде, но в целом города были укреплены слабо. Окружали их земляные валы, на коих высились деревянные частоколы. Знаменитые Золотые ворота Киева и Владимира были скорее декоративными, хотя и внушительными, нежели фортификационными сооружениями...

А у монголов-то были и единое командование, и великолепная организация огромного войска. Китайский летописец XIII в., очевидец нашествия на свою страну орд Чингиза, записал: «Сила и дисциплина были настолько необыкновенны в явившемся в нашу страну татарском войске, что казалось, оно могло покорить весь мир». Как не прислушаться и к мнению о монгольском войске тако

го великого знатока военного дела и военной истории, как император Наполеон I. Ему принадлежат следующие слова: «Напрасно думать, что монгольское нашествие было бессмысленным вторжением беспорядочной азиатской орды. Это было глубоко продуманное наступление армии, в которой военная организация была значительно выше, чем в войсках ее противников». Не забудем, что монголы вели непрерывные войны уже около трех десятилетий и накопили воистину колоссальный боевой опыт в Китае, Средней Азии, Иране, Закавказье, да и в Восточной Европе – походы Субудая. За счет военной организации и дисциплины воины Чингиза побеждали во много раз по численности превосходящие их армии китайцев, у китайцев же они заимствовали самую передовую для тогдашнего мира инженерную технику для осады и штурмов городов. В Китае, Тангутском царстве, Хорезме монголы брали штурмом каменные города, где проживали десятки, а где и сотни тысяч людей. Теперь это испытанное воинство приближалось к деревянным русским городам, из которых лишь единицы имели каменные цитадели – детинцы, лишь Киев, Владимир, Новгород, Чернигов, Полоцк, Смоленск, Галич имели численность населения в 20-30 тысяч человек. Важно то, что ни один из русских городов до сих пор не был осажден сколь-либо грозным неприятелем, да еще и располагающим осадной техникой. Осады и приступы городов времен княжеских междоусобиц не могли, разумеется, идти ни в какое сравнение с предстоящей грозой.

В полевых сражениях Русь могла противопоставить завоевателям прекрасно вооруженные (тяжелый доспех русского дружинника не уступал снаряжению западноевропейского рыцаря), испытанные в боях княжеские дружины, ведомые опытными и доблестными воеводами и князьями, но численность их была невелика. Средняя княжеская дружина едва ли превышала тысячу человек «бронных воинов». Простое объединение дружин отнюдь не делало их единым войском, что, увы, ясно показала битва на Калке. За годы же, прошедшие от Калки до нашествия Батя, Русь более готовой к отражению вторжения завоевателей не стала...

Осенью 1236 г. монголы обрушились на Волжскую Болгарию и подвергли ее сокрушительному разгрому. Были разрушены города, разорены селения, множество жителей погибли, множество было уведено в плен. Болгарское ханство на Волге и Каме навсегда пре

кратило свое существование. Летом 1237 г. монголы завершили в Поволжье, Поденье и в степях Северного Кавказа разгром половцев и алан. На исходе осени 1237 г. орды Батые приблизились к рубежам Руси.

Первой жертвой монголов стало Рязанское княжество. Рязанцы мужественно защищали свой стольный град, и лишь на шестой день осады огромное монгольское войско смогло овладеть этим сравнительно небольшим городом. В самом начале 1238 г. монголы, продвигаясь вперед вверх по течению Оки – замерзшие реки зимой служили захватчикам как дороги – достигли города Коломны, находившегося на пограничье Рязанской и Владимирской земель. Здесь произошло крупнейшее полевое сражение русских дружин с завоевателями. Навстречу войску Батые вышли и вся дружина великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича во главе сего старшим сыном Всеволодом Юрьевичем и остатки рязанских дружин во главе с братом погибшего рязанского князя Юрия Ингваровича Романом Ингваровичем, и коломенское ополчение, возглавленное воеводой Еремеем Глебовичем. Битва под Коломной носила исключительно ожесточенный характер, и захватчикам был нанесен немалый урон. В бою погиб даже знатнейший участник завоевательного похода-младший сын Чингиз-хана Кюлькан. Но неравенство сил не могло не сказаться...

После коломенской битвы монголы двинулись вверх по Москвереке и после пятидневной осады взяли небольшой городок Москву. Поразительно мужество защитников Москвы! Пять дней многоопытное, огромное по численности монгольское войско штурмовало маленький деревянный город...

В начале февраля 1238г. монголы подошли к Владимиру. Великий князь Юрий Всеволодович, послав всю дружину со старшим сыном к Коломне, сам выехал из стольного града на север, дабы там в Верхнем Заволжье собрать новое войско. Великий князь надеялся, что татар удастся задержать, пока он сумеет подготовить свежую рать, но, увы, враг оказался много сильнее и стремительнее, нежели можно было предполагать. Восемь дней продержался стольный град Владимир, после же его падения судьба великого княжества была решена.

Князь Юрий Всеволодович, поставивший свой стан на реке Сити (приток реки Мологи, впадающей в Волгу), так и не успел

собрать достаточно боеспособную рать. Величайшим потрясением для великого князя стали вести из Владимира:

«На исходе февраля месяца пришла весть к великому князю Юрию, находящемуся на реке Сити: «Владимир взят, и все, что там было, захвачено, перебиты все люди, и епископ, и княгиня твоя, и сноха, а Батый идет к тебе». И был князь Юрий в великом горе, думая не о себе, но о разорении церкви и гибели христиан. И послал он на разведку Дорожа с тремя тысячами воинов узнать о татарах. Он же вскоре прибежал назад и сказал: «Господин, князь, обошли нас татары». Тогда князь Юрий с братом Святославом и со своими племянниками Васильком и Всеволодом, и Владимиром, исполнив полки, пошли навстречу татарам, и каждый расставил полки, но ничего не смогли сделать. Татары пришли к ним на Сить, и была жестокая битва, и победили русских князей. Здесь был убит великий князь Юрий Всеволодович, внук Юрия Долгорукого, сына Владимира Мономаха, и убиты были многие воины его».

Гибель великого князя, его войска подвела черту под монгольским завоеванием Северо-Восточной Руси. После Сити монголы двинулись на Новгород «и не дошли до Новгорода всего сто верст, Новгород же сохранил Бог, и святая и великая соборная и апостольская церковь Софии, и святой преподобный Кирилл, и молитвы святых правоверных архиепископов и благоверных князей, и преподобных монахов иерейского собора».

Батый, очевидно, был достойным учеником мудрого, многоопытного Субудая. При завоевании Рязанского и Владимирского княжеств монголы понесли немалые потери. «Русские везде защищались героически: не сдался ни один город, ни один князь», – писал Николай Иванович Костомаров. В таких условиях поход на сильно укрепленный и многолюдный Новгород мог оказаться и авантюрой. Первый же город Новгородской земли – Торжок – сопротивлялся Батыевой рати две недели. Покорение Новгородской земли, если бы оно и удалось, могло затянуться до поздней весны, а тогда вследствие весенней распутицы монгольское войско оказалось бы на Руси как бы в ловушке. Осторожный Батый не стал рисковать.

Мог опасаться Батый и ударов русских отрядов по его войску с тыла, наверняка, памятно ему были подвиги рязанского вельможи Евпатия Коловрата, с небольшой дружиной в тысячу семьсот чел

век нанесшего монголам немалый урон. Воины Евпатия, когда монголы, покончив с Рязанью, углубились в Суздальскую землю, напали «внезапно на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил среди полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устрашился». Лишь огромным напряжением сил за счет большого численного превосходства монголы уничтожили отряд Евпатия Коловрата.

Последним аккордом героического сопротивления русских людей завоевателям стала оборона городка Козельска, на который монголы наткнулись, возвращаясь из Русской земли в степи. Центр малого удела Черниговской земли дал завоевателям отпор более сильный, нежели любой стольный град: «Жители Козельска, посоветовавшись между собой, решили сами не сдаваться поганым, но сложить головы свои за христианскую веру. Татары же пришли и осадили Козельск, как и другие города, и начали бить из пороков и, выбив стену, взошли на вал. И произошло здесь жестокое сражение, так что горожане резались с татарами на ножах; а другие вышли из ворот и напали на татарские полки, так что перебили четыре тысячи татар. Когда Батый взял город, он убил всех, даже детей. А что случилось с князем их Василием (малолетний удельный князь Козельска), неизвестно: некоторые говорили, что в крови утонул. И повелел Батый с тех пор называть город не Козельском, но злым городом; ведь здесь погибло три сына темников, и не нашли их среди множества мертвых.

Оттуда пошел Батый в Поле, в Половецкую землю». Чудовищно кровав был путь монголов по Русской земле. Вот действия завоевателей в Рязани: ... «людей умертвили – одних огнем, а других мечом, мужчин и женщин, и детей, и монахов, и монахинь, и священников; и было бесчестие монахиням и попадьям, и добрым женам, и девицам перед матерями и сестрами... И, перебив людей, а иных забрав в жены, татары зажгли город». А вот летописная картина захвата монголами и Торжка: «И так поганые взяли город, убив всех – и мужчин и женщин, всех священников и монахов. Все разграблено и поругано...»

Подобную «память» оставило Батыево воинство во всех русских городах и селениях.

В 1239 г. монголы двинулись на Южную Русь. Один из их отрядов взял город Переяславль, «а других татар Батый послал к Чернигову. Мстислав Глебович, внук Святослава Ольговича, услышав об этом, пришел на татар с большим войском к Чернигову, и произошла жестокая битва. Из города на татар метали пороками камни на полтора выстрела, а камни могли поднять только два человека. Но татары все же победили Мстислава, и многих воинов избили, а город взяли и огнем запалили.» В тот же год «...другие татары Батыя пленили Мордовскую землю, и Муром, и городец Радилон на Волге, и город святой Богородицы Владимирской. И было большое смятение по всей земле, и сами люди не знали, кто куда бежит».

В 1240 г. Батый начал свой второй великий поход, целью которого было не только завоевание Южной Руси, но и всей Европы. На сей раз монголы твердо полагали, что остановят своих коней лишь на берегу «Последнего моря», где и завершат покорение мира. (В Азии в те же годы монголы продолжали завоевание Южного Китая и готовились к походу против Багдадского халифата, заканчивая покорение Ирана и Закавказья). «Мать городов русских» – Киев в эту тяжелую годину остался без твердой княжеской руки. Князь Михаил Всеволодович Черниговский, воссевший было на киевский престол, узнав о движении монголов к древнему стольному граду Руси, покинул Киев и бежал в Венгрию. В Киеве князем стал Ростислав Мстиславич, внук Давида Смоленского, но и он продержался недолго. Князь Галича и Волыни Даниил Романович занял Киев, взял в плен Ростислава, но и сам не решился остаться там в преддверии нашествия Батыя. Он вернулся в Карпатскую Русь, откуда затем также перебрался во владения короля Венгрии. Оборону Киева Даниил Галицкий поручил своему посаднику, опытному воеводе Дмитрию. А «в это время пришел к Киеву сам безбожный Батый со всей своей силой... ..И начал Батый ставить пороки, и били они в стену безостановочно, днем и ночью, и пробили стену у Лядских ворот. В проломе горожане ожесточенно сражались, но были побеждены, а Дмитрий был ранен. И вошли татары на стену, и от большой тяжести стены упали, горожане в ту же ночь построили другие стены вокруг церкви святой Богородицы. Утром татары пошли на приступ, и была сеча кровопролитной; народ спасался на

церковных сводах со своим добром, и от тяжести стены обрушились. Взяли татары город шестого декабря, на память отца нашего святого Николы, в год 6749 (1240). А Дмитрия, который был тяжело ранен, не убили из-за его мужества».

После взятия Киева Батый пошел походом на Галицко-Волынскую Русь, откуда затем монголы вторглись в Польшу и Венгрию. Орды Батыя жестоко опустошили земли стран Центральной Европы, нанеся ряд жестоких поражений венграм, полякам, немцам, чехам. Здесь, однако, они и начали терпеть первые поражения – в битве при городе Оломоуце в Моравии чешский полководец Ярослав из Штернберга разгромил большой монгольский отряд. Передовые отряды монголов дошли до Адриатического моря, Батый стоял уже на земле Италии близ города Триеста, когда внезапно для всей Европы он повелел своему воинству повернуть коней на восток. Чем было вызвано такое решение Батыя? Думается, наиболее точно главную причину назвал А.С.Пушкин: «России определено было великое предназначение: ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной Россией». Нельзя не сказать, что благодарности от стран Запада Русь за это не дождалась. Не случайно Пушкин, говоря об отношении Запада к России, сделал невеселый вывод: «Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, сколь и неблагодарна».

В 1243 г. Батый окончательно обосновался на Нижней Волге, где основал город Сарай – столицу созданной им новой монгольской державы, вошедшей в историю под именем Золотой Орды. Батыев улус (сами монголы сохранили за ним название «Улус Джучи», как он был завещан Чингиз-ханом старшему сыну) простирался от Нижнего Дуная и Прикарпатья на западе до Иртыша и Алтая на востоке, от Урала на севере до Кавказа, порой и до Закавказья на юге; в состав Золотой Орды вошли и бывшая Волжская Болгария на Волге и Каме, и коренные земли Хорезма по Аму-Дарье. В полном подчинении у Золотой Орды оказалась Русь.

После Батыева нашествия русские княжества утратили свою государственную самостоятельность. Отныне над всеми князьями стоял золотоордынский хан, ставший для Русской земли царем. Так

его теперь и именовали русские люди, так его называли в летописях. Хан исключительно по своей воле назначал из числа князей "великого князя Владимирского», который считался главным князем в Русской земле. Главным лишь благодаря ханскому ярлыку... хан был волен когда угодно этот ярлык отобрать и ввергнуть прежнего его обладателя в полное ничтожество, а то и казнить по своей прихоти. Не раз такие случаи и бывали, ведь хан был безусловным владыкой жизни и смерти всех своих подданных, и татар, и покоренных народов – болгар, половцев, мордвы, алан, русских. Он в равной степени мог обречь на смерть на Руси и последнего смерда, и первого князя... Ордынское иго стало величайшим унижением, величайшей бедой Руси. Русская земля была обложена данью, для правильного сбора которой все население ее было переписано монгольскими счетчиками, а во всех городах расположились ордынские баскаки (давитель по-тюркски) с татарскими отрядами. И если бы все ограничивалось только данью... Ордынцы ввели в покоренных странах, как они сами издевательски называли, «кровопускания», дабы не дать поработенным народам оправиться от разорения. Время от времени, используя малейший повод – тот или иной протест покоренных, мятеж, когда и просто местную междоусобицу, – монголы повторяли нашествие на страну, возвращая ее в прежнее разоренное состояние. Масштабы этих «кровопусканий» сопоставимы лишь с кровопролитиями XX века. В XIV в. в Китае монголы вырезали около 30 млн. человек, во второй половине XIII в. население Ирана с 40 млн. сократилось до 4 млн. Верьте после этого иным историкам XX века, уверяющих доверчивых читателей, что монгольское иго для покоренных народов было не столь уж и тяжелым, а у Руси вообще с Золотой Ордой был «симбиоз»!

Ордынские «кровопускания» происходили на Руси с печальным постоянством. Историк В.В. Каргалов составил их перечень.

В 1252 г. царевич Неврюй разорил Владимирские земли подобно Батыю.

В 1273 г. ордынцы дважды нападали на Новгородские земли, опустошению подверглась Вологда. На сей раз разорились земли, от Батыева нашествия уцелевшие.

В 1275 г. татары добрались до Литвы и беспощаднейшим образом разгромили Южную Русь.

В 1278 г. татары опустошили Рязанское княжество.

В 1281 г., используя как повод междоусобицу русских князей, татары разоряют всю Северо-Восточную Русь, разрушив Муром, Переяславль, опустошив окрестности Владимира, Суздаля, Ростова, Юрьева, Твери, Торжка, даже Новгорода.

В 1282 г. вновь опустошены владимирские и переяславские земли.

В 1283 г. вновь разгромлены южные рубежи Руси.

В 1284 г. ордынцы пожгли новгородские волости.

В 1285 г. Городецкий князь Андрей привел татар на Русь.

В 1286 г. ордынцы, который уже раз, разгромили рязанские земли, муромские и мордву.

В 1293г. состоялась так называемая «Дюденева рать» (по имени татарского царевича). Ордынцы сожгли 14 русских городов, среди них Муром, Владимир, Суздаль, Юрьев, Переяславль, Коломна, Москва, Углич...

В 1297 г. татарскую рать на Русь привел царевич Олекси Неврюй.¹³

К этому перечню необходимо добавить и беспощаднейшее разорение ордынцами Южной Руси на рубеже XIII-XIV вв., следствием чего явилось переселение почти всего тамошнего населения на север – в Верхневолжье, частью в Галицко-Волынскую Русь. Тогда же покидает вконец опустошенный Киев митрополит всея Руси Максим и перебирается во Владимир на Клязьме, возможно, тогда же и оказались вывезенными в верхневолжские города величайшие памятники русской мысли времен Киевской Руси – «Слово о полку Игореве», южнорусская летопись...

С особым «тщанием» ордынцы громили древние стольные грады Руси. Киев превратился в поселок из 200 домов, окруженный лишь плохоньким тыном, разве что от степных волков защитить способным, совершенно обезлюдел Чернигов, Рязань пришлось отстраивать на новом месте.

«Множество мертвых лежали, и град разорен, земля пуста, церкви пожжены» – вот обычное летописное свидетельство о последствиях татарских «ратей». А вот что говорит летопись о положении русских князей, недавно еще гордых и независимых до Батыева нашествия, описывая пребывание в Орде Даниила Галицкого: «О, злее зла честь татарская! Даниил Романович, великий князь, владел вместе со своим братом всю Русскою землей: Киевом, Владимиром и

Галичем и другими областями, а ныне стоит на коленях и называет себя холопом! Татары хотят дани, а он на жизнь не надеется. Надвигаются грозы. О, злая честь татарская! Его отец был царь в Русской земле, он покорил Половецкую землю и повоёвал иные области. Сын его не удостоился чести. Кто же может принять ее? Их злобе и коварству нет конца. Ярослава, великого князя Суздальского, уморили отравой. Михаил Черниговский и его боярин Федор, не поклонившиеся кусту, были зарезаны ножом (речь идет о гибели в ставке Батые черниговского князя и его боярина, отказавшихся унижить свое достоинство христиан участием в языческом обряде)... И иные многие князья и бояре были убиты».

Если все это, согласно утверждению историка Л.Н. Гумилева, свидетельство «симбиоза» Руси и Орды, то «симбиоз» сей напоминает «симбиоз» палача и жертвы, но никак не близких по положению сторон.

Ордынские ханы с особым тщанием относились к выдаче ярлыка на великое княжение Владимирское. Князья, чье поведение выглядело недостаточно покорным, могли быть отравлены подобно Ярославу Всеволодовичу, который был великим князем по первому ханскому ярлыку с 1243 по 1246 гг.; если их подозревали в заговоре против Орды, как князя Андрея Ярославича (был великим князем ДЮ 1252 г.), то на их земли направлялась очередная ордынская «рать» для «кровопускания» населению крамольного княжества – «Неврюева рать» на Владимирщину.

Князья русские оказались в тяжелейшем положении. Недавно независимые правители своих княжеств, ныне они были «под рукой» иноземного царя, бывшего не просто владыкой Русской земли, но и хозяином жизни каждого русского человека, не исключая князей. Были князья, мужественно пытавшиеся бросить вызов Золотой Орде. В 1252 г. сложился первый противоордынский союз, во главе которого стояли князья Даниил Галицкий и Андрей Ярославич Владимирский. Они рассчитывали и на поддержку соседей Руш-Литвы, где правил хитроумнейший князь Милозовг, Польши и Венгрии, также пострадавших от нашествия монголов. Но реального вызова Орде бросить не удалось. «Неврюева рать» прошла по Владимирщине, князь Даниил сумел, правда, в Прикарпатье разбить сильный монгольский отряд темника Курвисы, но под угрозой вторжения в Галицко-Волынские земли большой ордынской рати был

вынужден смириться и, скрепя сердце, признал себя подданным Батые. Приходилось искать иные пути защиты русских земель от постоянных вторжений ордынцев.

Князь Александр Ярославич, ставший великим князем Владимирским по ханскому ярлыку в 1252 г., был к этому времени на Руси известнейшим человеком. В тягчайшие годы «погибели Земли Русской» он сумел поддержать славу русского оружия, защитить рубежи Руси от захватчиков.

Когда северо-западные соседи Руси, бесчестно пользуясь тяжелейшим положением русских земель во время нашествия Батые, попытались посягнуть на рубежи владений Новгорода Великого, полки во главе с молодым князем Александром сумели разгромить и шведов на Неве, за что князь и получил прозвание «Невский», и немецких рыцарей на льду Чудского озера.

Доблесть русских воинов, ведомых князем Александром Невским, остановила крестоносную агрессию на Русь.

В отношении Золотой Орды Александр Невский, став по ханскому ярлыку великим князем Владимирским – старшим среди русских князей, подвластных татарам, вел продуманную, осторожную политику, тщательно избегая каких-либо обострений, могущих дать ордынцам лишний повод к очередному разорению русских земель. В 1257 г. он жестоко расправился с вольнолюбивыми новгородцами, не желавши ми проводить по ордынской указке перепись населения для уплаты дани. Ведь непокорство Новгорода ханской воле грозило обернуться для Руси новым нашествием. Трижды Александр Ярославич, смиряя гордыню, ездил в столицу Золотой Орды Сарай с богатыми дарами, дабы, высказывая свою покорность, убедить грозного «царя» в смирении самой Русской земли и, следовательно, в отсутствии необходимости новых «ратей», подобных Неврюевой. Тяжелейшее положение сложилось в 1261 г., когда доведенные до отчаяния притеснениями ханских баксаков жители Ростова, Суздаля, Владимира, Ярославля восстали и перебили стоявшие там татарские отряды. Александр в четвертый раз отправился в Орду, дабы предотвратить кажущееся неизбежным «кровопускание». Князь добился ханского помилования мятежным городам, но это стало его последним успехом. Возвращаясь из Орды на Русь, князь Александр Ярославич, получивший от народа прозвание Невский, тяжело заболел и скончался. Случилось это в 1263 г. Позже

русская православная церковь причислила Александра Невского к лику святых.

После смерти Александра ярлыки на великое княжение Владимирское доставались его братьям. С 1263 по 1272 г. ярлыком владел Ярослав Ярославич, с 1272 по 1276 гг. – Василий Ярославич. После 1276 г. по 1294 г. великим князем Владимирским считался Дмитрий Александрович Переяславский, а с 1294 г. по 1304 г. – Андрей Александрович Городецкий. Братья не ладили между собой, часто отправляли жалобы в Орду друг на друга, что имело порой трагические последствия. Страшная «Дюденева рать» 1293 г., по размерам превзошедшая Батыеву, имела поводом как раз свару недостойных сыновей Александра Невского – Дмитрия и Андрея. Сумевший завоевать большее расположение Орды Андрей Александрович (цена этого расположения – очередные «кровопускания» Руси и увеличение дани) на десятилетие закрепил за собой ханский ярлык на великое княжение. По смерти его в 1304 г. великим князем Владимирским по воле хана стал племянник Александра Невского тверской князь Михаил Ярославич. «Великий стол» достался князю Михаилу далеко не просто. Ему пришлось выдержать нелегкую борьбу с московским князем Юрием Даниловичем, также искавшим в Орде великого княжения. Это была первая попытка московского князя достичь первенствующего положения среди русских князей.

Может возникнуть естественный вопрос: почему великокняжеский престол стяжают князья не старых известных княжений русских, а правители мелких уделов, до нашествия Батыева мало кому ведомых, а то и просто не существовавших? Кто такие в прежней, независимой Руси князья городецкие, тверские, московские? Не было таких и в помине...

Едва ли рост значения этих уделов, князья коих добывают себе великокняжеские ярлыки, был случайным. Ордынские ханы, дабы удерживать Русь в повиновении, с особым старанием терзали древние княжеские города Руси. Не случайно обезлюдили Киев, Чернигов, была перенесена на другое место Рязань, часто разорялся Владимир. Этим ордынцы старались убить в поработанном народе его историческую память, память о временах могучей, независимой Руси, пусть и утратившей единство, но сохранившей величие и славу былой эпохи. Ордынцам было важно разорвать связь времен для русского народа, заставить его забыть свое прошлое. Для этого

принижалось и значение самого великого княжения. «Великий князь», бывший до получения ханского ярлыка владельцем мелкого удела – городецкого ли, тверского ли, московского, – не мог почитаться русскими людьми за «князя всея Руси» и, соответственно, не мог возглавить общерусскую борьбу против Орды. Сами частые княжеские свары искусно поддерживались и направлялись ордынцами. При отборе кандидатов на «великокняжеский престол» ханы исходили как из личной преданности и покорности того или иного князя, так и из его способностей обеспечить поступление предельно высокой дани. В 1304г. Михаил Ярославич мог обеспечить Орде большую дань, нежели Юрий Данилович, и потому хан предпочел Тверь Москве. Вдохновленный этим Михаил в следующем 1305 г. совершил поход на Москву, но города самого взять не сумел и, разорив окрестности, заключил с Юрием мир. Как справедливо заметил Н.И. Костомаров, «взаимная злоба от этого не улеглась». В 1308 г. тверичи вновь напали на Москву и вновь не сумели ее взять.

Михаил Ярославич Тверской был великим князем 14 лет (1304-1318 гг.). Он был вполне послушен Орде, своевременно обеспечивал поступление дани, неоднократно старался смирить гордый Новгород Великий, более других русских земель тяготившийся ордынским игом. В 1312 г. Тверь, захватив пограничные новгородские волости Торжок и Бежецк, не пропускала в Новгород хлебные обозы, чем вызвала голод в Новгородской земле, в 1315 г. Михаил Тверской ходил на Новгород по воле хана во главе тверской и татарской рати. Но все эти «заслуги» не помогли ему в борьбе с московским князем, сумевшим снискать большее расположение нового ордынского хана Узбека, взошедшего на престол в 1313г.

Юрий Данилович Московский был вторым в истории князем нового московского удела. Первым московским князем был младший сын Александра Невского Даниил, княживший в городке на Москве-реке с 1276 г. по 1303 г. Вновь образовавшийся княжеский удел охватывал в те годы небольшое пространство по среднему течению Москвы-реки. Даниил Александрович оказался рачительным хозяином молодого княжества, сумев за 27 лет правления заметно его укрепить. Он участвовал в княжеских междоусобицах с неизменной выгодой для Москвы и сумел немало расширить ее владения. В 1300 г. Даниил нанес поражение рязанскому князю Константину, следствием чего стало присоединение к Московскому

княжеству низовий Москвы-реки с важной крепостью Коломной и земель по Оке от Коломны до Серпухова, что едва ли не вдвое расширяло владения Даниила. В 1302 г. бездетный племянник Даниила князь Переяславля Залесского Иван Дмитриевич, завещал свой удел Даниилу Александровичу, который немедленно «примыслил» себе Переяславское княжество, включавшее в себя богатые земли вокруг Плещеева озера. Тогда же, как предполагал М.Н.Тихомиров, к Москве был присоединен и город Дмитров. По оценке В.В. Каргалова, «Примыслы» Даниила Александровича не только увеличили территорию Московского княжества по меньшей мере втрое, но и раздвинули ее до естественных границ: на юге до реки Оки. на западе – до лесных массивов на водоразделе Волги и Днепра».¹⁵

Имя Даниила навеки осталось и на карте Москвы. Именно ему предание приписывает основание Свято-Данилова монастыря. Перед смертью Даниил принял схиму. Он был очень почитаем своими потомками как родоначальник московской ветви дома Рюриковичей, коей было суждено величайшее дело – возрождение государства Российского. Князь Даниил был канонизирован Русской православной церковью. Сын и преемник его Юрий Данилович решительно продолжил деяния отца по укреплению княжества и расширению его пределов. Сразу после смерти отца он пленил Можайского князя Святослава и присоединил его владения к Москве. Теперь все течение Москвы-реки от истоков до устья было в руках московского князя. В 1306 г. Юрий попытался даже захватить Рязань, но Орда пресекла его чрезмерные притязания – не позволять никому излишне усилиться было сутью ханской политики на Руси – вручив ярлык на Рязанское княжение молодому тамошнему князю Ярославу.

Юрий Данилович довольствовался тем, что закрепил за Москвой Коломну. Жертвой Юрия стал прежний рязанский князь Константин, еще в 1301 г. плененный Даниилом и содержавшийся в Москве. Свою попытку овладеть Рязанским княжеством Юрий начал с удушения злосчастного Константина.

В 1315 г. Юрий Данилович был вызван в орду в связи с жалобой на него Михаила Ярославича, но сумел оправдаться и, более того, прожив в Орде два года (в Москве его замещал брат Афанасий), расположил совершенно к себе хана и даже женился на ханской сестре Кончаке, принявшей христианство и ставшей московской княгиней

ней Агафьей. Хан Узбек милостиво позволил своему новоявленному родственнику затеять очередную войну Москвы с Тверью и даже великодушно предоставил Юрию татарский отряд. Помощь эта, однако, не пошла московскому князю впрок. В конце декабря 1317г. Михаил наголову разгромил Юрия с его московско-татарской ратью и захватил в плен жену его, сестру Узбека и татарского военачальника Кавгадыя. Юрий бежал, но не назад, а вперед – в Новгород, где Михаил Тверской явно не пользовался любовью. К несчастью Михаила, жена Юрия и сестра «царя» умерла в плену, что дало повод обвинению князя Твери в ее отравлении. Кавгадый, освобожденный из плена, соединился с Юрием, и ими при поддержке всех князей Ростово-Суздальской земли была составлена жалоба хану на злоупотребления Михаила. В успехе «жалобы» ввиду явного расположения Узбека к Юрию и понятного негодования его в связи со смертью сестры в тверском плену не приходилось сомневаться. Не сомневался в трагическом исходе ханского суда, куда он вскоре был вызван и сам Михаил. Выезжая в Орду, он спастись не пытался, поясняя близким: «Если я уклонюсь, вотчина моя будет положена и множество христиан перебито. И после того придется мне умереть, так уж лучше положить свою душу за многия души!» Так Михаил Тверской, отправляясь в Орду на неминуемую расправу, старался спасти свою землю от татарского нашествия.

Суд был скорый и неправый. Русские князья (братья!) в угоду татарам свидетельствовали о том, что Михаил, собирая дань с их городов, утаивал ее от хана. Ордынские судьи обвинили Михаила в неуплате хану дани, в битве с ханским послом (Кавдыгаем) и в умерщвлении московской княгини (ханской сестры). Великий князь был быстро осужден, но хан не спешил с ним расправиться, хотя и подверг величайшим унижениям – первому из русских князей надели деревянную колодку на шею как последнему из невольников. Юрию Московскому и этого было мало. Он настоял на умерщвлении Михаила. Мертвое нагое тело великого князя было брошено на поругание, что возмутило даже выдавших виды отнюдь не добросердечных ордынцев. Кавдыгай возмущенно сказал Юрию: «Ведь он тебе старейшим братом был, словно отец, для чего же тело его лежит брошенное и голое!» Юрий не оставил издевательств над мертвым Михаилом. Когда тело убитого повезли на Русь, бояре московские

не позволяли ставить гроб в церквях, но ставили в хлеву. Так Юрий добыл Москве впервые великое княжение. Достойная цена...

Сын и преемник Михаила на тверском княжении Дмитрий в 1321 г. был вынужден выплатить Юрию Даниловичу две тысячи гривен серебра и обязался не искать великого княжения. Но здесь вновь вмешался хан. Обязав Дмитрия не искать великого княжения, Юрий явно превысил свои права. Кому быть на Руси первым из князей, решает только владыка Орды. В 1322 г. Юрий перестает быть великим князем и оставляет Москву, перебираясь в Новгород. «Великий стол» вернулся в Тверь к князю Дмитрию Михайловичу, получившему гордое прозвание «Грозные очи».

В Новгороде Юрий Данилович, надо признать, оставил по себе добрую память. Он успешно отражал набеги на новгородские земли литовцев, защитил интересы Новгорода в Устюге, основал крепость Орешек, ставшую твердыней новгородцев на Неве, заключил почетный для Новгорода мир со Швецией. Многого успел он за три лишь года своего княжения новгородского, но не зря сказал ветхозаветный пророк Иеремия: «Поднявший меч от меча погибнет...» В 1325 г. Юрий, подобно Михаилу, вызван в Орду и уже Дмитрий Тверской обвиняет его в том, что он, уйдя на княжение в Новгород, присвоил себе дань, собранную с тверской земли и предназначенную хану.

Дмитрий Грозные Очи не мог простить Юрию Даниловичу предательской и изуверской расправы над своим отцом и, столкнувшись с ним в ханской ставке лицом к лицу, не стал ждать «царского» приговора, возможно, предрешенного, как было и с Михаилом, но сам свершил правосудие, зарубив Юрия. Едва ли Узбек скорбел особо о Юрии, коего он сам вызвал в Орду скорее всего на расправу – обвинение в утайке от хана дани могло иметь только одно последствие – смерть, но Дмитрий Михайлович посмел присвоить себе право карать преступного князя.

После десятидневных раздумий Узбек распорядился казнить Дмитрия Михайловича, но великокняжеский престол остался за Тверью. Дмитрия Грозные Очи (1322-1326 гг.) сменил его брат Александр Михайлович, бывший великим князем лишь два года – 1326-1328 гг.

Сохранив за Тверью «великий стол», хан Узбек решил все же за самоуправство Дмитрия Михайловича наказать Тверскую землю. Туда с большим отрядом прибыл ханский баскак Чолхан. Его «пре

бывание» в Твери русский народ увековечил в «Повести о Шевкале» (так на Руси прозвали Чолхана):

«Беззаконный же Шевкал, разоритель христианства, пошел на Русь со многими татарами и пришел в Тверь, и выгнал великого князя с его двора, а сам поселился на великокняжеском дворе, исполненный гордости и ярости. И сотворил великое гонение на христиан – насилие, грабеж, избиение и поругание. Люди же городские, постоянно оскорбляемые нехристиами, много раз жаловались великому князю, прося оборонить их. Он же, видя озлобление своих людей и не имея возможности их оборонить, велел им терпеть. Но тверичи не терпели, а ждали удобного времени.

И случилось так, что 15 августа, ранним утром, когда собирается торг, некий диакон тверянин – прозвище ему Дудко – повел кобылицу, молодую и очень тучную напоить водой в Волге. Татары же, увидев ее, отняли. Диакон же очень огорчился и стал вопить: «Люди тверские, не выдавайте!»

И началась между ними драка. Татары же, надеясь на свою власть, пустили в ход мечи, и тотчас сбежались люди, и началось возмущение. И ударили во все колокола, стали вечем, и восстал город, и сразу же собрался весь народ. И возник мятеж, и кликнули тверичи и стали избивать татар, где кого поймают, пока не убили самого Шевкала. Убивали же всех подряд, не оставили и вестника, кроме пастухов, пасших на поле стада коней. Те взяли лучших жеребцов и быстро бежали в Москву, а оттуда в Орду и там возвестили о кончине Шевкала...»

Убит же был Шевкал в 6835 (1327) году. И, услышав об этом, беззаконный царь зимой послал рать на Русскую землю – пять темников, а воевода у них Федорчук, и убили они множество людей, а иных взяли в плен; а Тверь и все тверские города предали огню. Великий же князь Александр, чтобы не терпеть безбожных преследований, оставив великокняжеский престол и все свои наследственные владения, ушел во Псков с княгиней и детьми своими и остался в Псков».¹⁶

Не одна татарская рать из пяти туменов (50 тыс. воинов) во главе с полководцем, названным русскими «Федорчуком», разорила мятежную Тверь. Бок о бок с ордынцами шли московские воины со своим князем Иваном Даниловичем. Участие в расправе над мятежной Тверью подарило Ивану великокняжеский престол. Он сумел

его отстоять и тогда, когда Александр Михайлович десять лет спустя, в 1337 г., вернулся и покаянно явился к хану. Узбек склонен был великодушно простить князя Александра, но Иван Данилович с сыном его Симеоном лживо донесли хану, что тверской князь замыслил недоброе дело против Орды в союзе с Литвой. Насколько хан поверил доносу – сказать трудно, но и князь Александр Михайлович, и сын его Федор были в Орде по доносу Ивана Даниловича и Симеона Ивановича казнены. «Великий стол» остался за Москвой.

Глава VII. Русь и Орда. Исход спора

Новый поворот в русско-ордынских отношениях, в конечном счете определивший и исход противостояния Руси и Орды, Руси и Великой Степи, совершился в княжение нового великого князя Владимирского, старшего из русских князей, подданных Золотой Орды, Ивана Даниловича Московского, получившего в народе прозвание Калиты.

Двенадцать лет княжения Ивана Калиты (1128-1340 г.) – время для Русской земли, воистину, более, чем знаменательное. Все историки России сходятся на том, что именно деятельность Калиты предопределила грядущую историческую роль Москвы как собирательницы земли Русской, объединившей силы народные на борьбу за свержение ненавистного ордынского ига. Иван Данилович, вольно или невольно, но действительно предтеча Дмитрия Донского и Ивана III. В то же время крайне разноречивы оценки самой личности Калиты, основных побудительных причин его деятельности. Думается, говоря об историческом значении княжения Ивана Даниловича Московского по прозванию Калита, мы сталкиваемся с одним из любопытнейших парадоксов человеческой истории, характерным для всех времен и народов.

Истории ведомы многие примеры того, как незаурядные по талантам правители, фанатики общественного блага, мечта осчастливить свои народы, порой и все человечество, своей государственной деятельностью приводили ведомые ими народы к национальным катастрофам, лишняя раз подтверждая мрачную истину, что добрыми намерениями вымощена дорога в ад. К несчастью, таковые правители прокладывают путь в преисподнюю не только себе, но и целым нациям.

Бывает и обратное. Иной правитель, озабоченный лишь текущими делами, чуждый великих помыслов, тем не менее, к изумлению потомков, закладывает основы грядущего величия нации.

Иван Данилович, похоже, относится ко второй категории. Из его времени не могли просматриваться ни Куликово поле, ни грядущая единая Россия во главе с Москвой, но никто не сделал столько для этого, сколько князь, прозванный Калитой.

Ивану Калите можно и должно предъявить немало обвинений нравственного порядка, и более чем обоснованных: участие в разгроме татарами Тверской земли, подлейший и губительный донос на князя Александра хану Узбеку, униженное служение Орде... Едва ли состоятельны неуклюжие оправдания сих деяний, измышленные историками последующих времен: Иван-де творил это зло, скрепя сердце, поступаясь малым (!) во имя великой цели, кою всегда держал в голове (грядущее освобождение и объединение); участвуя в походе на Тверь он якобы стремился уменьшить трагические последствия татарского разорения Тверской земли (участие московской рати в татарском походе могло сулить тверичам только еще большие беды); погубив, пусть и подло, тверских князей в Орде, Иван Калита, дескать, избавился от недальновидных соперников, ведших к конфронтации с Ордой, и получил возможность продолжать дальновидную политику «собирая русских земель». В действительности князь Александр лишь вынужденно стал участником восстания доведенных до отчаяния тверичей и ни о какой грядущей вражде с Ордой и не помышлял, как не мог и Калита помышлять о будущей единой и независимой России.

Но главное не это. Калита нравственно вполне соответствовал своему времени. Не он первый вместе с татарами жег русские земли. Не говоря уж об Андрее Городецком, вызвавшем страшную «Дюденеву рать», не Михаил ли Тверской, отец Александра, шел с татарами на Новгород Великий? Нравственное состояние Руси времен Ордынского ига с беспощадной обнаженностью показал в своей известнейшей сатире Алексей Константинович Толстой:

«Что день, то брат на брата

В орду несет извет;

Земля, кажись, богата -

Порядка ж вовсе нет.»

Не только москвичи, но и суздальцы идут с татарами душиТЬ Тверь, а что же соседи тверичей ярославцы, костромичи, а и новгородцы? Никто не пособил восставшей Твери, но желающих погубить ее оказалось достаточно. Вспомним, что Михаила Тверского в Орде умертвил русский палач по имени Романец...

Здесь надо помнить и следующее: ордынское иго воспринималось на Руси как Божья кара, сам хан как законный царь и до поры до времени восстания доведенных до отчаяния жителей тех или иных

городов, областей не могли встретить поддержки в прочих русских землях. Тверичи могли назвать Узбека «беззаконным царем», но для остальных-то он оставался законным и помощь ему за грех могла и не считаться...

Оценивая двенадцатилетнее правление Ивана Калиты, надо видеть самое главное: великокняжеский престол оказался в твердых руках. Не случайно Иван Данилович впервые с домонгольских времен восстановил титул «великий князь всея Руси». Пусть опираясь на хана (а как можно было иначе?), но он стал действительно первым среди русских князей, и с волей его все должны были считаться. Москва всерьез начинает восприниматься современниками как новый главный город Русской земли (далеко не всеми, правда, с радостью).

В.О. Ключевский так оценил значение утверждения Москвы в качестве местопребывания великокняжеского стола: «Приобретение великокняжеского стола московским князем сопровождалось важными последствиями для Руси. Московский удельный владлец, став великим князем, первый начал выводить русское население из того уныния, в какое повергли его внешние несчастья. Образцовый устроитель своего удела, московский князь, став великим, дал почувствовать выгоды своей политики и другим частям северо-восточной Руси. Этим он подготовил себе популярность, то есть почву для дальнейших успехов. Летописец с ударением отмечает, что с тех пор, как московский князь получил от хана великокняжеское достоинство, северная Русь начала отдыхать от постоянных погромов, какие она терпела. Рассказывая о возвращении Калиты от хана с пожалованием в 1328 г., летописец прибавляет: «бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на сероклет и престаша Татарове воевати землю Русскую». Это, очевидно, заметка наблюдателя, жившего во второй половине XIV в. Оглянувшись назад за 40 лет, этот наблюдатель отметил, как почувствовалось в эти десятилетия господство Москвы в северной России: время с 1328 по 1369 г., когда впервые напал на северо-восточную Русь Ольгерд литовский, считалось порою отдыха для населения этой Руси, которое за то благодарило Москву».

Традиционна увязка мирного сорокалетия (1328-1369 гг.) с деятельностью Ивана Калиты и его сыновей. Не умаляя их заслуг во взаимоотношениях с Ордой, что способствовало отсутствию та

тарских набегов на Русь (суть заслуг, впрочем, прежде всего в безусловном подчинении, покорности ханам и своевременной уплате столь большой дани, что смысл в походах на русские земли был для татар в основном утрачен), следует учесть и следующие обстоятельства.

Тверское восстание 1327 г. было событием далеко не ординарным. Впервые с 1252 г. восстало на Орду великое княжение, был уничтожен большой татарский отряд во главе со знатым военачальником Чолханом. Тверь понесла жестокое наказание за свое непокорство, но в Орде не могли не оценить последствий гибели Чолхана. Система баскачества, что явно показали события 1327 г., себя изживала. Сохранение ее могло повлечь за собой повторение восстаний, и здесь после поражения и гибели Чолхана у Орды не было полной уверенности, что в дальнейшем подобного оборота событий удастся избежать. Потому главным последствием восстания в Твери стали отмена ханом Узбеком баскачества на Руси и прекращение постоянных ордынских наездов. Погибшие в жестоких боях с ордынцами тверичи кровью своей добыли для Руси «тишину великую», но слава избавителя Руси от баскаков досталась тому, кто помогал татарам громить мятежную Тверь, Нельзя сказать, что это было совсем уж вопиюще несправедливо. Безусловно, хитроумная политика Ивана Калиты, позволявшая хану Орды ощущать себя полным хозяином Русской земли, получая дань без всяких хлопот с ордынской стороны, не могла не убедить его в правильности отказа от размещения в русских городах баскаков с их отрядами. Здесь со стороны хана мог быть и куда более тонкий расчет: пусть русские люди, выплачивая Орде тяжкую дань, негодуют не на произвол собственно ханских сборщиков-баскаков, но на самого великого князя, который с таким усердием эту дань из своего народа для хана выжимает.

Тем не менее благодатные последствия такого поворота в русско-ордынских отношениях очевидны. Как здесь не согласиться с Г.П. Федотовым, писавшим: «Обязанная своим возвышением прежде всего татарофильской и предательской политике своих первых князей, Москва благодаря ей обеспечивает мир и безопасность своей территории, привлекает этим рабочее население и переманивает к себе митрополитов».

При сыновьях Ивана Калиты Симеоне Гордом и Иване Красном (1340- 1353; 1353- 1359 гг.) русско-ордынские отношения сохраня

ют прежний характер. В силу этих обстоятельств значение Москвы как главного города Русской земли все более и более утверждается. В то же время с конца 50-х гг. XIV в. в глазах русских людей начинает сильно колебаться престиж Золотой Орды, что было обусловлено прежде всего событиями, в самой Орде происходящими.

С 1357 г. после смерти хана Джанибека, правившего 15 лет, в Золотой Орде начались непрерывные дворцовые перевороты, междоусобицы, вызванные как династической неустойчивостью – число «потомков Чингиза», мечтавших о ханской власти было слишком велико – так и сложностью поддержания единства в разноплеменной державе, простиравшейся от Карпат до Алтая, от Урала до Кавказа, от Прикамья до Хорезма. За последующие 15 лет (1357-1372 гг.) в Орде сменилось 15 ханов! Самые удачливые правили по два года (Бердибек - 1357-1359; Тулунбек – 1370-1372 гг.), большинство же не пробыло на заветном троне и года. Не раз русское посольство, въезжавшее в Орду для вручения даров одному хану, по прибытии в ханскую ставку вынуждено было чествовать совсем другого царя. Внук Ивана Калиты, юный князь Дмитрий Иванович, во время обретения в 1363 г. своего великого княжения, непосредственно столкнулся с изумившей русских людей «ханской чехардой». Хан Кидыр, пожаловавший великокняжеский ярлык Дмитрию, был вскоре убит собственным сыном, продержавшимся на престоле...4 дня. Затем в Орде появилось сразу несколько ханов, и московскому князю пришлось ждать немало времени, пока, наконец, не появился относительно постоянный хан, имевший реальную власть для подтверждения законности уже выданного Дмитрию Ивановичу ярлыка на великое княжение.

Все это не могло не поколебать в русских людях "почтения" к Золотой Орде и ее слишком уж часто меняющимся властителям. Следствием этого явились неудачи Михаила Александровича Тверского в его попытках обрести великокняжеский престол с помощью ханских ярлыков. В 1371 г. Михаил явился на Русь в сопровождении ханского посла и с ханским ярлыком, но не был допущен во Владимир его жителями, признававшими великим князем только Дмитрия Ивановича. Сам Дмитрий объявил ханскому послу, что не признает Михаила великим князем. Но к самому послу московский князь проявил исключительное уважение, выразив таковое богатыми дарами, совершенно купившими ему полное расположение

царского посланца. Посол Сары-ходжа, восхищенный щедростью Дмитрия Ивановича, охотно забыл, зачем он вообще-то прибыл на Русь, и, вернувшись в ханскую ставку, ходатайствовал перед правителем Орды темником Мамаем (хан целиком был послушен воле Мамаю) за подтверждение прав московского князя на великое княжение. Ходатайство Сары-ходжи было подкреплено обильнейшими дарами от Москвы самому Мамаю. Правитель Орды столь расположился к Дмитрию Ивановичу, что даже снизил дань с Русской земли сравнительно с временами ханов Узбека и Джанибека, тверскому же князю от Мамаю было передано, чтобы он более помощи себе в Орде не искал. Михаил, однако, не прекратил борьбы за «великий стол», а четыре года спустя сумел себе вновь выхлопотать очередной ярлык. Дабы ярлык этот обратился в действительную власть, Михаил нуждался в прямой поддержке Орды, каковой Мамай ему все же не оказал... Напрасны оказались и надежды тверского князя на Литву. Дмитрий же получил поддержку большинства русских земель. В помощь Москве выступили суздальцы, нижегородцы, ростовцы, ярославцы, смоляне, новгородцы. Московский князь, таким образом, выступал ныне от лица почти всей Руси. Если дед Дмитрия превзошел отца Михаила в «татарофильстве», то теперь князь – московский и тверской – поменялись ролями. Михаил Александрович изыскивает «великий стол» с помощью татар и готов навести их на Русь, а Дмитрий Иванович – избавитель от ордынских набегов и защитник русских рубежей от литовцев, наведенных на Русь тверичами. В глазах русских людей Михаил был татарским слугой и потому остался одинок в своем противостоянии с Дмитрием.

Тверь потерпела полное поражение, и Михаил был вынужден окончательно смириться перед Москвой. Но это не означало, что для Москвы наступают спокойные годы. Ольгерд, запоздало вступившийся за Михаила, опустошил Смоленскую землю, особенно же вознегодовал Мамай. Если в 1371 г. Дмитрий отнял у Михаила ярлык умелым угождением ордынцам, то в 1375 г. он бросил Орде открытый вызов, поставив ни во что ханский ярлык и подняв на верного Мамаю тверского князя почти всю русскую землю. Впервые с 1252 г., со времени князя Андрея Ярославича, великий князь Руси выступил против Орды. Мамай не мог не понять, что стоит за своеволием Дмитрия Ивановича. Русь явно поднималась на татар. Правитель Орды решил прибегнуть к испытанному в прошлом сред

ству усмирения непокорных воинским походом ордынцев на русские княжества. В 1377 г. царевич Арапша (Араб-шах) разорил нижегородские и суздальские земли, разгромив соединенную суздальскую и московскую рать на реке Пьяне. В следующем году мурза Бегич вел татарское войско уже на Москву. Дмитрий, однако, не стал дожидаться ордынцев, а сам выступил им навстречу и в пределах Рязанского княжества на берегах реки Вожи нанес сокрушительное поражение ордынской рати. Это была первая большая победа русских над ордынцами в полевом сражении! Наступал поворот в русско-ордынских отношениях. Русь при Дмитрие Ивановиче – это далеко не Русь при Иване Калите. Десятилетия мирной в основном жизни помогли народу изжить страх перед ордынцами; в те же годы началось нравственное возрождение Руси. Во главе его стал человек, имя которого навеки запечатлено в Русской истории как символ духовного возрождения русского народа. Это преподобный Сергей Радонежский, основатель Троицко-Сергиевской лавры. Если митрополит Алексей – «русский Ришелье» – «шел боевым политическим путем, был преемственно главным советником трех великих князей московских, руководил их боярской думой, ездил в орду ублажать ханов, отмаливая их от злых замыслов против Руси, воинствовал с недругами Москвы всеми средствами своего сана, карал церковным отлучением русских князей, непослушных московскому государю, поддерживая его первенство, как единственного средоточия всей разбитой Русской земли», то преподобный Сергей посвятил свою жизнь «нравственному воспитанию народа», коему, «чтобы сбросить варварское иго, построить прочное независимое государство... должно было встать в уровень столь высоких задач, приподнять и укрепить свои нравственные силы, приниженные вековым порабощением и унынием» – так писал Василий Осипович Ключевский в своем очерке «Значение преподобного Сергия для русского народа и государства».⁴

Обитель, основанная преподобным Сергием, ее дружное братство оказывали глубокое назидательное впечатление на мирян». Да, сказано у Ключевского: «Таких людей была капля в море православного русского населения. Но ведь и в тесто немного нужно вещества, вызывающего в нем живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически. На это указал сам Христос, сказав: «Царство Божие подобно закваске». Украдкой за

падая в массы, это влияние вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека XIV в. От вековых бедствий этот человек так оскудел нравственно, что не мог не замечать в своей жизни недостатка этих первых основ христианского общежития, но еще не настолько очерствел от этой скудости, чтобы не чувствовать потребности в них.

Пробуждение этой потребности и было началом нравственного, а потом и политического возрождения русского народа. Пятьдесят лет делал свое тихое дело преподобный Сергей в Радонежской пустыне; целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение и ободрение и, воротясь в свой круг, по каплям делились им с другими». Именно эти «капли нравственного влияния» и подготовили то великое событие, которое «состояло в том, что народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями».⁵

Полтора века почти видели русские люди в ордынском иге кару Божию за грехи отцов своих и собственные, а в хане потому законного «царя» земли Русской, благодаря же нравственному подвигу преподобного Сергия Радонежского, благословившего Русь в лице великого князя на битву с Ордой, в Орде увидели теперь чужеземного врага, сильного, опасного, но лишь врага, война с которым дело святое и богоугодное.

Значение битвы на Воже было понято обеими сторонами. По повелению Дмитрия Ивановича в великокняжеском городе Коломне в память о победе над Ордой был заложен Успенский собор, ибо само вожское сражение произошло в православный праздник Успенья пресвятой Богородицы. Потому торжество московского князя над Бегичем было воспринято русскими людьми как покровительство Богородицы Русской земле. Все способствовало решительному перелому в народном сознании...

Мамай, потрясенный разгромом ордынского войска и гибелью одного из лучших военачальников, не решился немедленно мстить Москве и отважился лишь на очередное разорение Рязанской земли,

наказуя заодно и ее князя Олега за сочувствие Дмитрию – битва на Воже произошла на Рязанщине, и Олег, похоже, известил Дмитрия о подходе татарской рати. После набега Мамай рязанский князь вынужден был стать, правда, скорее на словах, союзником Орды. Мамай осознавал, что после случившегося разгрома Бегича вернуть Русь в прежнее состояние может только нашествие, подобное Батыеву, и незамедлительно начал таковое готовить.

Поход Золотая Орда готовила со всем тщанием. Силы Мамаю были, безусловно, ослаблены междоусобными войнами, в результате которых ранее единое ордынское государство расколосось на два: Белую (западную) Орду во главе с Мамаем и Синюю (восточную), где ханом был провозглашен Тохтамыш; рубежом между ордами была Волга.⁶ Это обстоятельство заставило Мамаю искать внешних союзников. В первую очередь он обратился к Литве, где после Ольгерда правил новый князь Ягайло, и сумел склонить его к союзу. Литовский князь мог рассчитывать в случае успеха на расширение своих владений к востоку. Обязался помочь Орде и Литве рязанский князь Олег. Вошли в союз с Мамаем генуэзские колонии в Крыму. Все военные силы, какие только можно было собрать на всем пространстве от Волги до Днепра, от Прикамья до Кавказа и Крыма, были под рукой Мамаю. Руси правитель Орды грозился повторить «Батыеву рать», но до Бату-хана Мамаю, похоже, было далековато, и главное, – Русь была иной.

Против Мамаю вышло не войско князя московского Дмитрия Ивановича, но Русская земля во главе с великим князем всея Руси. На бой с ордынцами двинулись рати земель Московской, Владимирской, Ростовской, Муромской, Суздальской, Нижегородской, Белозерской, пришли и псковичи, и новгородцы. Хотя великий князь Литвы Ягайло был союзником Мамаю, но не зря 9/10 подданных литовского князя были русские. Два брата Ягайло – князь Полоцкий Андрей Ольгердович и князь Брянский Дмитрий Ольгердович со своими войсками пришли в Москву на помощь Дмитрию Ивановичу, на помощь Русской земле. Князь Дмитрий Ольгердович, отправляясь в поход, сказал своему брату: «Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю за Русскую, и за веру христианскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича!»⁷

Русская рать готовилась к великой битве не просто с ордынским нашествием, но к решительной схватке с вековым врагом, к отмще

нию за все беды, причиненные Руси со времен Калки. Вспомнили, наконец, на Руси о былом единстве, о едином корне. «И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович: «Братья и князья русские, гнездо мы великого князя Владимира Киевского!»⁸ – повествует «Задонщина», восславившая подвиг русских воинов в битве с Мамаевой ордой.

В канун похода Дмитрий обратился за благословением к преподобному Сергию Радонежскому. Сергей дал благословение и предрек русскому воинству победу, что немало воодушевило ратников. Сбор всех войск был назначен в Коломне. 20 августа на Девичьем поле близ Коломны, на берегу Оки, Дмитрий Иванович провел смотр войска, после чего начался поход. Когда русское воинство было уже в пути, Дмитрия настиг гонец с грамотой от Сергия Радонежского. В ней были слова благословения: «Иди, господин, иди вперед, Бог и святая Троица поможет тебе!»

Перед Дмитрием стояла нелегкая задача с самого начала похода: надо было ни в коем случае не допустить соединения вражеских ратей, ибо стало известно в Москве, что Ягайло выступил навстречу Мамаю, не исключалось и выступление в помощь ордынцам Олега Рязанского. Решено было великим князем идти на юг в степь прямо навстречу орде Мамаю. 6 сентября русское войско достигло Дона, 8 сентября переправилось через него и подошло к месту впадения в Дон реки Непрядвы. Это и было Куликово поле, где суждено было решаться судьбе России.

Думается, нет необходимости приводить подробности хрестоматийно известного всем хода самой битвы. Важнее обратиться к тому, как ее победоносный итог был осмыслен русскими людьми конца XIV в. И здесь наилучшим источником является повесть, написанная Софонием Рязанцем, «Задонщина», как никакое другое произведение, передавшая настроения людей Руси в канун битвы и после ее завершения.

Широко известны многочисленные реминисценции «Слова о полку Игореве» в «Задонщине» и смысл их, очевидно, не только в поэтической привлекательности. В зачине «Задонщины» поминается не только Калкская битва – первое сражение с ордынцами, но и битва на Каяле, где русские сражались с половцами. Да и сами ордынцы отождествляются с «хинами», как в «Слове» именовались половцы.¹⁰ То есть противостояние Киевской Руси и половцев,

Москвы, возглавляемой ею на Куликовом поле Русской земли и ордынцев рассматриваются как единое явление. Неважно, кто идет из степей – печенеги ли, половцы ли, татары ли – Русь и Степь всегда противостоят друг другу. И потому победа на Куликовом поле – это не просто торжество над Мамаем, это даже не только возмездие ордынцам за прежние обиды со времен рокового сражения на Калке, это месть и половцам за Каялу (неважно, что половцы сами стали жертвами ордынцев), по сути своей – это торжество Руси над Степью, торжество «рода Афетова», над родом «сына Ноева Сима, от которого пошли ханове – поганые татары, басурманы»¹¹.

Присутствовала при этой победе и знаменательная символика. В канун битвы поздней ночью великий князь и воевода Дмитрий Боброк, прозванный Волинцем, выехали в поле и остановились между русскими и ордынскими войсками. Сначала они прислушались к татарскому стану, откуда доносились шумные крики, а в степи выли волки. «Что ты слышал, князь?» – спросил воевода. «Великую грозу и страх я слышал», – ответил Дмитрий Иванович. «Так обернемся теперь к русскому стану», – сказал Боброк. В русском войске было тихо, только светилось, сливаясь с отсветом зари, пламя множества костров.

В шатре Мамая победителям досталась удивительная добыча: золотая, изукрашенная драгоценными камнями чаша с русской надписью, гласившей, что принадлежала она князю Мстиславу Киевскому...тому князю Мстиславу, павшему в битве на реке Калке. Чаша эта, должно быть, в числе прочей добычи попала сначала в руки Субудая. Тот преподнес ее Чингизхану, решившему одарить ею Джучи, старшего сына, коему предстояло завоевать «вечерние страны». После смерти Джучи перешла она Батью и с того времени передавалась в Золотой Орде от хана к хану, пока не вернулась к русскому князю-победителю Орды. Куликово поле стало отмщением и за Калку!

Печальной оказалась участь самого Мамая. Бежав с поля боя, он попытался вскоре вновь собрать войско, но у берегов Азовского моря был разбит ханом Тохтамышем, захватившим владения Мамая. Не нашел поверженных властитель убежища и в Крыму в генуэзской крепости Кафе. Сокровища Мамая явились для итальянцев великим соблазном, и они убили его. По преданию, Мамай был погребен под Кафой (современная Феодосия) в кургане, с тех пор и

известном под названием «Мамаева кургана». Позже появились легенды о захоронении Мамаю вместе с его сокровищами, молва стала увязывать имя ордынского правителя со многими курганами в южнорусских степях от Крыма до Волги. «Мамаевым» был назван один из больших курганов близ возникшего в конце XIV века на Волге русского города Царицына. В XX столетии во время Второй Мировой, (Великой Отечественной) войны он стал центральным местом решающего ее сражения – Сталинградской битвы.

Победа на Куликовом поле, гибель Мамаю означали великую перемену в судьбах Руси. Произошел величайший перелом в сознании народном. Победа русской рати была воспринята как великая победа христианства над «погаными». Не случайно в «Задонщине» говорится о славе русской, пошедшей после битвы на Дону и Непрядве в главные светочи христианской веры Рим и Константинополь (Царьград). Важнейшим было ее значение для Русской земли. Если некогда «у Батю царя было четыреста тысяч латников, и полонил он всю Русскую землю от востока до запада. Наказал тогда Бог Русскую землю за ее согрешения,» то после Куликовской битвы «как милый младенец у матери своей земля Русская: его мать ласкает, а за баловство розгой сечет, а за добрые дела хвалит. Так и Господь Бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве».¹³

Отныне над сознанием народа не довлела горестная мысль, что ордынское иго наведено на Русскую землю за грехи ее и избытия ему потому и нет. Вожа, Куликово поле – и обе победы одержаны в праздники великие Успенья и Рождества пресвятой Богородицы – убедили русских людей, что Бог помиловал Русь и даровал ей потому торжество над угнетателями. Состоялось духовное возрождение Руси вслед за великой битвой, открылась новая страница русской истории. Василий Осипович Ключевский говорил «На Куликовом поле родилась Россия». Нельзя сказать лучше о значении, о смысле происшедшего в излучине Дона и Непрядвы 8 сентября 1380 года.

Конечно, полное освобождение от ордынского ига пришло лишь через 100 лет, полное объединение государства свершилось даже позднее, но именно победа на Куликовом исторически предрешила и первое, и второе.

Великая победа далась русскому народу величайшей ценой. На

поле боя осталась большая часть русских воинов, вышедших на битву. Восстановить такие потери в ближайшие годы было просто невозможно, и потому, когда два года спустя хан Золотой Орды Тохтамыш подошел к Москве, Дмитрий Иванович вынужден был, оставив столицу, отправиться на Верхнюю Волгу для сбора новой рати. Великий князь полагался на мощь укреплений каменного московского Кремля, но ордынцы сумели овладеть Москвой хитростью. Видя, что приступом татарам города не взять, хитроумный Тохтамыш уговорил москвичей открыть ему ворота, обещая горожанам полную неприкосновенность и жизни, и имущества, прося взамен лишь «царских» почестей и, разумеется, достойных даров. Хан уверял, что он воюет не с москвичами, но лишь с самим Дмитрием Ивановичем, отказавшимся платить хану законную дань, Сыновья нижегородско-суздальского князя, бывшие при Тохтамыше, уверяли московских бояр и литовского князя Остея, оставленного Дмитрием главным московским воеводою, что татары свое слово сдержат, ибо в Нижнем Новгороде после выражения его жителями покорности Тохтамышу они никого действительно не тронули. Князь Остей, человек был молодой и неискушенный, но где была мудрость опытных московских бояр? Или все лучшие пали на Куликовом поле?

Москва открыла ворота Тохтамышу. О том, что было далее, приведем слова повести «О приходе Тохтамыша – царя и о пленении им, и о взятии Москвы»:

«И отворили ворота городские, и вышли со своим князем (Остеем) и с дарами многими к царю также и архимандриты, игумены и попы с крестами, и за ними бояре и лучшие мужи, а потом народ и черные люди.

И тотчас начали татары сечь их всех подряд. Первым из них был убит князь Остей перед городом, а потом начали сечь попов и игуменов, хотя и были они в ризах и с крестами, и черных людей. И можно было тут видеть святые иконы, поверженные и на земле лежащие, и кресты святые валялись поруганные, ногами попираемые, обобранные и ободранные. Потом татары, продолжая сечь людей, вступили в город, а иные по лестницам взобрались на стены, и никто не сопротивлялся им на заборах, ибо не было защитников на стенах, и не было ни избавляющих, ни спасающих. И была внутри города сеча великая и вне его также...

Лишились всего и князь, и воевода, и все войско их истребили, и оружия у них не осталось!..

Татары же христиан, выволакивая из церквей, грабя и раздевая донага, убивали, а церкви соборные грабили, алтарные святые места топтали...

Книги же, в бесчисленном множестве снесенные со всего города и из сел и в соборных церквях до самых стропил наложенные, отправленные сюда сохранения ради, – те все до единой погубили. Что же говорить о казне великого князя, то многосокровенное сокровище в момент исчезло, и тщательно сохранявшееся богатство и богатотворное имение быстро расхищено было».¹⁴

Тохтамыш овладел Москвой 26 августа 1382 г. Теперь он надеялся вернуть Русь в прежнее состояние, но оказалось, что это не столь просто. Татарские отряды, направленные ханом для опустошения русских земель как в былые времена «кровопусканий», не везде достигли успеха. Герой Куликовской битвы князь Владимир Андреевич Серпуховской напомнил ордынцам, что уже не те времена:

«Князь же Владимир Андреевич стоял с полками близ Волока (Волоколамска), собрав силы около себя. И некие из татар, не ведая о нем и не зная, наехали на него. Он же, помыслив о Боге, укрепился и напал на них, и так Божьей милостью одних убил, а иных живыми схватил, а иные побежали, и прибежали к царю (Тохтамышу), и поведали ему о случившемся. Он же того испугался и после этого начал понемногу отходить от города».

Отход Тохтамыша от Москвы был далеко не безобидным для русских земель:

«И когда шел он от Москвы, то подступил с ратью к Коломне, и татары приступом взяли город Коломну и отошли. Царь же переправился через реку Оку и захватил землю Рязанскую, и огнем пожег, и людей посек, а иные разбежались, и бесчисленное множество повел в Орду полона».¹⁶

Нашествие Тохтамыша во многом напоминало по своим разорительным последствиям ордынские походы на Русь времен Батые или Узбека, но не повторяло их. Хан не решился задержаться в Русской земле и отступил, узнав о первой неудаче. Он даже не пытался устранить мятежного великого князя, но лишь добивался от него возобновления уплаты дани и признания себя «царем». Да и не доверься словам Тохтамыша молодой князь Остей и бояре москов

ские, кто знает, взяли бы татары Москву силой? Первые три дня осады особых надежд им на успех приступа не давали...

И все же последствия татарского похода 1382 г. оказались для Руси весьма печальными. Жестоко были разорены земли московские и рязанские, великий князь Дмитрий Иванович принужден был признать вновь над Русью власть хана Золотой Орды и возобновить выплату дани. Почему два года спустя после столь блистательной победы на Куликовом поле Москва не смогла противостоять Орде? Здесь, думается, две причины: во-первых, русское войско понесло невосполнимые потери на берегах Дона и Непрядвы, во-вторых, если Мамай располагал силами только Белой (западной) Орды, чьи владения простирались между Днестром и Волгой, то у Тохтамыша помимо остатков побитого воинства Мамай были еще немалые силы Синей (восточной) Орды, чьи просторы охватывали земли от Волги до Иртыша!

Поход Тохтамыша, сколько бед не принес он Руси, не мог поколебать главного итога Куликовской битвы: уверенности русских людей во временности ордынского ига, в неизбежности его падения. Свидетельством этого является завещание Дмитрия Донского своему сыну, будущему великому князю Василию Дмитриевичу. Впервые Дмитрий сам завещал великое княжение сыну, предвещая таким образом ханскую волю. Тем самым он показывал Тохтамышу, что Москва, пусть и подданная Орды, но великое княжение на Руси рассматривает как свою неотъемлемую собственность, на кою и хан не должен покушаться. Более того, в самом завещании к сыну были обращены слова, прямо подчеркивавшие временность ордынской власти над Русью и скорую возможность ее полного падения: «А если Бог Орду переменит, то дани ей не давать».¹⁷

Уже шесть лет спустя на Москве решили, что желанная перемена произошла.

В 1395 г. в битве на реке Тереке войска Золотой Орды во главе с ханом Тохтамышем потерпели сокрушительное поражение от войск самаркандского эмира Тимура. Такого разгрома Орда за всю свою полуторавековую историю не знала. Впервые была повержена вся военная мощь державы, созданной некогда Батыем.

XIV столетие вообще оказалось роковым для монгольских государств, преемников империи Чингиз-хана. В середине 30-х гг. рухнуло господство монголов в Иране и в Ираке – держава Хулагидов,

в 1368 г. грандиозное восстание в Китае покончило с полуторавековым монгольским игом, пал сам «Улус великого хана» – сердце монгольской империи.

В 1370 г. монголы были изгнаны из Средней Азии, где на развалинах монгольского улуса Джагатай и основал свою державу грозный Тимур, вскоре подчинивший своей власти обширнейшие территории Ирана, Ирака, Закавказья. Тимур поначалу поддерживал Тохтамыш, оказывал ему помощь в борьбе с Мамаем, но когда Тохтамыш стал ханом единой Золотой Орды, то ее возрождаемое могущество стало казаться самаркандскому эмиру опасным. Тимур готовился к завоеванию Индии и не желал при этом иметь на севере сильного соседа. Так началась эта роковая для Золотой Орды война.

Разгромив ордынские рати на Северном Кавказе, непобедимое воинство Тимура устремилось на Волгу, где находились жизненные центры Золотой Орды. Сарай, столица золотоордынских ханов, досель не видевшая у своих стен неприятеля, подверглась полнейшему разгрому. Золотая Орда, некогда державшая в страхе всех своих соседей и разорявшая их земли своими непрестанными набегами, а то и нашествиями, наконец-то на себе познала все ужасы вражеского вторжения. Богатейшие земли в ордынских владениях были совершенно опустошены, большинство городов превращено в руины. Тохтамыш из могучего властителя огромной державы превратился в жалкого беглеца с кучкой немногих оставшихся верными приближенных. Тимур, разграбив нижневолжские земли Орды, двинулся на север, и вскоре его передовые отряды достигли уже русских рубежей. Не делая различия между городами ордынскими и русскими, воины Тимура разорили и сожгли город Елец на южной окраине Рязанского княжества. В Русской земле возникло великое волнение, ибо никто не ведал, куда идет Тимур, каковы цели его похода. Лишь 13 лет назад Тохтамыш сжег Москву и жестоко разграбил русские земли, а теперь идет куда более могучий завоеватель, сокрушивший самого Тохтамыша. К чести русского народа, великого князя Василия Дмитриевича, никто и не помышлял смириться перед новыми завоевателями. Подобно отцу своему князь Василий стал собирать общерусское войско для отражения неприятеля. Московская рать во главе с великим князем стала близ Коломны на берегу Оки. Сюда, как и 15 лет назад, должны были собираться

русские войска из всех городов и весей. В то же время в Москве во всех храмах беспрестанно совершались молитвы о князе и русском воинстве: враг шел страшной Мамай и Тохтамыш. Митрополит Киприан почти не выходил из церкви, то благословляя идущих на войну за веру православную и землю Русскую, то поддерживая крепость духа остававшихся в столице. Великий князь, дабы укрепить нравственное состояние народа московского, обратился из Коломны к митрополиту с просьбой послать священнослужителей во Владимир и доставить в Москву главную святыню Русской земли – икону Владимирской Богоматери, некогда перевезенную туда из Вышгорода, близ Киева, князем Андреем Боголюбским.

15 августа священники, посланные во Владимир митрополитом, торжественно приняли в руки свои святыню. Перенесение иконы Владимирской Богоматери в Москву стало событием, поразившим воображение современников. По свидетельству летописца, народ в бесчисленном множестве, по обеим сторонам дороги, преклоняя колена, с воплями и слезами зывал: «Матерь Божия! Спаси землю Русскую!» В этом бесчисленном множестве народа нельзя было видеть человека, который бы не плакал и не воссылал с упованием молений к Пресвятой Владычице. Митрополит, епископы и все духовенство в ризах, с крестами и кадильницами, в сопровождении великокняжеского семейства и бояр торжественно встретили святыню вне города и, поставив в соборном храме Успенья Пресвятой Богородицы, в радостном предчувствии благодарили Бога, даровавшего им в святой иконе залог мира и утверждения.¹⁸

Позднее на месте встречи иконы Владимирской Богоматери москвичи возвели Сретенский монастырь (сретенье-встреча), и улица, к нему ведущая из центра города, получила название Сретенка.

К счастью для Москвы и всей Руси, русской рати не довелось сразиться с воинством Тимура. От Ельца войско завоевателя неожиданно повернуло на юг. Тимур двинулся в Северное Причерноморье, где разграбил богатые города Крыма. Столь поразивший русских людей внезапный уход Тимура от рубежей Руси объясняется, очевидно, просто отсутствием у самаркандского эмира намерения завоевывать Русскую землю. Главной целью похода Тимура в Восточную Европу было сокрушение Золотой Орды, опасного северного соседа его державы. Цель была полностью достигнута. Совершенно разгромленная Орда надолго утратила способность

кому-либо угрожать, тем более державе Тимура. Поход на север в русские земли для Тимура был совершенно бессмыслен. Он не сулил особо богатой добычи сравнительно с той, что досталась в Орде, да и ослабление Москвы было бы не к выгоде правителя Самарканда. Наоборот, усиление Москвы, тревожа ослабшую Орду, избавляло бы Тимура от всяких возможных беспокойств со стороны северного соседа.

На Руси уход войск Тимура от русских рубежей был воспринят как чудесное заступничество Богоматери. Разгромленная Золотая Орда, естественно, ни малейшего сочувствия не вызвала. Более того, ее поражение сразу напомнило Василию Дмитриевичу слова завещания его отца Дмитрия Донского: «А если Бог Орду переменит, дани ей не давать». События 1395 года нетрудно было истолковать как ту самую желанную для Русской земли перемену Золотой Орды, потому великий князь Московский и всея Руси Василий Дмитриевич с того времени всякую выплату дани в Орду прекратил.

Спустя несколько лет ордынцы сумели оправиться от поражения. Сам Тохтамыш, безуспешно пытавшийся найти поддержку в Литве, в конце концов погиб в сражении с войсками еще одного претендента на ханский трон, но скоро в Орде выдвинулась незаурядная фигура полководца Едигея, сумевшего на время восстановить ордынское единство. В 1399 г. на берегах реки Ворсклы Едигей разбил литовско-русско-польское войско литовского князя Витовта. В этом сражении погиб один из героев Куликовской битвы князь Андрей Ольгердович Полоцкий. Тимур Золотой Орде более не угрожал, он совершил большой поход в Индию, принесший завоевателям невиданную по богатству добычу, и теперь готовился к войне с могущественным турецким султаном Баязетом. Правители Орды осмелели, и в 1403 и в 1405 гг. их послы вновь появились в Москве с напоминанием об уплате дани. Василий Дмитриевич принимал послов без особого почета и в требовании дани отказывал, ссылаясь на бедность Москвы и нехватку у нее серебра. Отговорка эта выглядела явной издевкой и напоминала татарам об оскудении самой Орды после Тимура.

Конец 1408 г. принес Москве тяжелые испытания. Едигей возглавил новое ордынское нашествие на русские земли. Правитель Орды, не только искусный полководец, но и хитроумный дипломат, сумел ввести московского князя в заблуждение, передав в Москву подлож

ные сведения о подготовке своего похода якобы на Литву. В действительности татары вторглись в русские пределы и 30 ноября 1408 г. подошли к Москве. Василий Дмитриевич, не готовый к битве с Едигеем, подобно отцу своему отъехал в Кострому. Москва была поручена заботам героя Куликовской битвы князя Владимира Андреевича Серпуховского. Москву удалось отстоять, но татары разграбили и сожгли Владимир, Нижний Новгород, Ростов, Переяславль Залесский, Серпухов, Городец. Это стоило нашествия Тохтамыша.

События конца 1408 г. показали Василию Дмитриевичу, что Москва еще недостаточно сильна, чтобы низвергнуть окончательно власть Золотой Орды. Хотя Едигей на Руси не задержался – отступить его заставили возобновившиеся междоусобицы в самой Орде – и напоминал московскому князю о необходимости уплаты дани очень мягко, едва ли не смиренно, великий князь решил не искушать судьбу, вновь признал себя подданным хана и согласился на возобновление уплаты дани. Самый отход Едигея от Москвы был куплен за 3000 рублей серебром – сумма немалая, годовой «выход» в Орду со всей Руси составлял в XV в. 7000 рублей 19 серебром. В 1412 г. Василий Дмитриевич съездил в Золотую Орду к хану Джелал-ад-Дину, поклонился ему, заплатил дань и принял ханский ярлык на великое княжение.

Вновь восстановленная зависимость Руси от Орды еще менее напоминала власть ханов над русскими землями до Куликовской битвы. Хотя ханы все еще цари Русской земли и монеты русские чеканятся от их имени, но прежнего могущества Орды нет и быть не может. Она, правда, берет с Руси дань, утверждает ярлык на великое княжение, пытается перекраивать пределы русских княжеств. Так в 1445 г. Орда восстанавливает политическую самостоятельность Нижегородского княжества, присоединенного Москвой еще в 1393 г. С немалым трудом московскому князю Василию Васильевичу удалось вернуть этот богатый удел.²⁰ Но все ж Орда уже не та. Если во второй половине XIV в. в результате междоусобиц Орда временно распадалась на две части: Белую (западную) и Синюю (восточную) Орды, то в XV в. на месте недавно еще единого улуса Джучи образуется несколько новых государственных образований. В 1427 г. Хаджи Гирей создает в Крыму независимое от Золотой Орды государство и становится основателем династии, правившей там до самого конца Крымского ханства в 1783 г.

В 1439 г. свергнутый тремя годами ранее бывший хан Золотой Орды Улу-Мухаммед создает на месте некогда существовавшего здесь государства Волжской Болгарии независимое Казанское ханство. После 1450 г. на Нижней Волге образуется самостоятельное Астраханское ханство. В те же годы с центром в Тюмени в Западной Сибири появляется Сибирское татарское ханство.

Обособляются от власти Золотой Орды и кочевые орды уральских и приаральских степей.

После гибели в 1420 г. последнего объединителя Золотой Орды Едигея его потомки становятся во главе независимой кочевой орды, именуемой Ногайской, чьи кочевья в основном располагались в заволжских и приуральских степях.

В 1429 г. кочевая орда, обитавшая в степях между Уралом и Аральским морем и носившая наименование Узбекской, провозглашает своим ханом Абулхаира и также выходит из подчинения золотоордынским владьям. В конце XV в. узбеки переместились в Среднюю Азию.

В середине же XV в. из состава Узбекской Орды выделилось еще одно объединение кочевников, возглавляемое братьями Гиреем и Джанибеком. Оно постепенно овладело обширнейшими степными пространствами от реки Чу до Аральского моря и далее на северозапад до Приуралья и получило название Казахской орды.

Тем не менее Золотая Орда, именуемая тогда обычно Большой ордой, продолжала существовать, пусть и изрядно уменьшившись в пределах. Ханы ее все еще считались царями Руси и расставаться с таким положением и привычной русской данью не собирались. Власть Орды не могла уйти сама по себе, ее можно было только свергнуть. Тем более, что когда ханом Золотой Орды стал деятельный Ахмед с 1465 г., то при нем была сделана последняя попытка восстановить былую мощь Батыевой державы. Для этого Ахмеду было необходимо нанести удар по русским землям. Справедливо пишет о событиях тех лет В.В. Каргалов: «Приближалась решительная схватка с завоевателями, которая должна была решить, попадет ли Россия снова под ордынское ярмо «паче Батыева» или окончательно свергнет его.

Намерения Ахмед-хана прослеживаются достаточно ясно: он стремился, добившись объединения под своей властью значительной части территории и военных сил бывшей Золотой Орды, путем

опустошительного нашествия полностью восстановить ордынское иго над Русью, обескровить завоеванную страну, чтобы исключить в будущем попытки с ее стороны освободиться от зависимости. Речь шла о судьбе русского народа, о том, удастся ему или нет сохранить условия для самостоятельного исторического развития. Если бы Россия не выстояла в этой борьбе, она была бы отброшена назад на столетия».

Россия не только выстояла, но и сокрушила Орду, и в том великая заслуга ее объединителя – великого князя Ивана Васильевича.

Ахмед-хан внимательно следил за происходящим на Руси и, явно беспокоясь очевидным усилением Москвы, в начале 70-х гг. решил нанести по ней удар. В 1470 г. в Москве ожидали нападения Ахмеда, и великий князь пребывал в Коломне, бывшей традиционным местом сбора русской рати против татар со времен Дмитрия Донского. В 1471 г. вновь ожидался ордынский набег. На сей раз Ахмеда к нему побуждал Казимир IV, надеявшийся, что нападение татар отвлечет Ивана III от Новгорода, но и на сей раз беда миновала московские земли. Парадоксально, но выручили Москву от татарской угрозы татары же – Крымское ханство, враждебное намерениям Ахмед-хана восстановить в прежнем виде Золотую Орду. Враждебность Крыма Орде была замечена Иваном Васильевичем, и он сумел это использовать в интересах Москвы.

Летом 1472 г. давно задуманный поход Ахмед-хана на Москву, наконец, состоялся. Иван III ждал прямого удара ордынцев на свою столицу и потому двинулся к Коломне. Но татары, предприняв обходной маневр, неожиданно подошли к Оке под городком Алексиным, где был лишь малый гарнизон, который Ахмед в расчет, видно, не брал. А зря. Взять Алексин «с налета» не удалось. Первый штурм алексинцы успешно отбили и сумели тем самым задержать ордынское войско. Эта задержка в итоге сорвала все планы хана. Русские войска, рассредоточенные между Серпуховым и Коломной, быстро двинулись к Алексиному, и когда ордынцы, наконец, сожгли городок, прикрывавший переправу через Оку, то она уже была прикрыта русской ратью. Попытки ордынцев переправиться на левый берег Оки были успешно отбиты, и когда Ахмед узнал о подходе главных полков великого князя, то, не решаясь на большое сражение, предпочел отступить.

Фактическое поражение Ахмед-хана под Алексиным имело дале

ко идущие последствия. Иван III немедленно уменьшил размеры дани, посылаемой в Орду с 7 тысяч рублей до 4200 рублей, а вскоре и вообще перестал посылать в Орду какую-либо дань. В 1480 г. Ахмед-хан упрекнул московского князя в том, что тот не бьет ему челом и не дает дани уже девятый год.

Когда в конце 70-х гг. в состав Московского княжества вошли новгородские земли, Ахмед понял, что либо он сейчас восстановит власть Орды над Русью, либо с надеждами на это придется расстаться навсегда. В 1480 г. Орда стала самым серьезным образом готовить большое нашествие на Русь. Ахмед-хан попытался воспользоваться и непростым международным положением Москвы. В том же году на Псковскую землю напали ливонцы, но были разбиты под Псковом и Изборском. Тем не менее немецкая угроза Пскову отвлекла часть сил Ивана III от войны с татарами. Куда более опасным для Руси союзником Орды мог стать Казимир IV, правитель Польши и Литвы, но здесь дипломатия Ивана III взяла верх. Установленные сразу после Алексина дружеские отношения между Москвой и Крымом сыграли здесь решающую роль. Крымский хан Менгли-Гирей, враждебно воспринимавший стремление Ахмед-хана покончить с независимостью Крыма от Орды, охотно заключил союз с другим злейшим врагом Ахмеда Иваном III. Пять лет (с 1474 г. по 1479 г.) оформлялся московско-крымский союз. С самого начала обе стороны брали на себя обязательства «в братской дружбе и любви против недругов стоять за одно», но Ивану Васильевичу общих слов было мало. Он желал такого договора, где недруги были бы конкретно обозначены в лице Ахмед-хана и Казимира IV. В 1479 г. такой договор к торжеству московского князя состоялся. Для недругов Москвы это был сильнейший удар. Военная мощь Крымского ханства, которое с 1476 г. опиралось еще и на необъятную Османскую империю, чьим вассалом себя Менгли-Гирей признавал, была столь велика, что война с ним даже для соединенных сил Польши и Литвы представлялась делом достаточно рискованным. Потому, хотя Менгли-Гирей в 1480 г. предпринял лишь небольшой набег на польские владения в Подолии между Южным Бугом и Днестром, Казимир IV не решился оказать помощь золотоордынскому хану, шедшему со своей ратью на Москву. А ведь все надежды Ахмедхана на успешное завершение своего похода были связаны именно с расчетом на польско-литовскую помощь. Не случайно ордынцы

двинулись не на Коломну, где ждали их нападения русские войска и сам Иван III, а вторглись во владения Великого княжества Литовского и подошли к реке Угре, бывшей рубежом между московскими и литовскими землями.

Появление татарской орды не на юго-восточных или же южных, а на западных рубежах Московского княжества было немалой неожиданностью для великого князя и его воевод, и если бы Ахмедхан действовал не в расчете на помощь Казимира IV, а просто стремился бы перехитрить русских воевод и напасть на Москву неожиданно с незащищенной стороны, то он мог бы вскоре оказаться под стенами Белокаменной... Но, в соответствии с заранее выработанным планом, ордынцы остановились на Угре, Покуда Ахмед-хан стоял, как пишет летописец, «ожидаая к себе короля на помощь», русские войска с берегов Оки и от стен Коломны также перешли на Угру. Теперь две могучие рати стояли друг против друга, и ни одна из сторон не решалась первой начать сражение, лишь мелкие стычки происходили время от времени. Иван Васильевич, прекрасно понимая, что время работает на него, не спешил ввязываться в решительное сражение, исход которого мог оказаться сомнительным. Он вступил с ханом в переговоры и, надев на себя маску смирения, через своего посла Ивана Товаркова просил Ахмеда не разорять русские земли, поскольку они ведь тоже ханский «улус». Хан на это высокомерно заявил, что готов пожаловать Ивана Васильевича, если тот придет к нему бить челом «как отцы его ездили к нашим отцам с поклоном в Орду». Ахмед-хан прямо предлагал Ивану III покориться и вернуть Русь в прежнее унижительное иго и возобновить уплату дани. Собственно, поводом к войне и послужил отказ Ивана III вновь посылать «ордынский выход», о коем, точнее об отсутствии коего, уже девятый год Ахмед московскому князю и напомнил.

Пойти на такое Иван Васильевич не мог и не желал. Но в то же время он не хотел и рисковать понапрасну, а это далеко не всеми было понято. В Москве народ даже обвинил Ивана Васильевича в трусости, когда он из Коломны вернулся в столицу. Великий князь после такой встречи выехал к войску на Угру. Здесь на Угре он и получил в октябре 1480г. от ростовского архиепископа Вассиана послание, вошедшее в русскую литературу под названием «Послание владычне на Угру к великому князю».²²

Послание Вассиана Ростовского должно было укрепить дух великого князя, воевод, всей русской рати в правоте их дела, дать уверенность в неизбежности победы над вековым врагом и освобождении Русской земли от постылого ордынского ига. Архиепископ Вассиан шел по пути, проложенному преподобным Сергием Радонежским. Надо сказать, что в самой Москве и среди приближенных Ивана III были все же колебания. Не все были уверены в грядущей победе, и потому иные проявляли склонность к примирению с «царем», каковым все еще полагали Ахмед-хана. «Видно, что тогда некоторые представляли великому князю такой довод, что татарские цари – законные владыки Руси и русские князья, прародители Ивана Васильевича завещали потомкам не поднимать рук против царя», – писал Н.И. Костомаров.²³

Дабы развеять столь пагубные сомнения, Вассиан Ростовский в первых же строках своего послания именует Ивана III «Богом венчанным и Богом утвержденным во царях пресветлейшим государем всея Руси». Иван не венчался на царство, царем, государем всея Руси был пока не он, а все еще хан Ахмед. Титулуя так московского князя, архиепископ Ростовский указывал ему, кем он должен стать для Руси и кем он уже на деле стал, бросив вызов Ахмед-хану. Дабы князь ясно видел свое место в русской истории, Вассиан напомнил ему о его великих предках, назвав имена Игоря, Святослава, святого Владимира и Владимира Мономаха, кои не только обороняли Русскую землю от поганых, но и подчиняли себе иные страны. Иван Васильевич, по мысли Вассиана, должен был восстановить окончательно связь времен, стать единым владыкой всей Русской земли и навсегда сокрушить ордынское могущество. Сомнений в праведности войны с Ахмед-ханом у него быть не должно. «Если ты рассуждаешь так: прародители заклинали нас не поднимать руки против царя, то слушай, боголюбивый царь: клятва бывает невольная, и нам повелено прощать и разрешать от таких клятв; и святейший митрополит, и мы, и весь боголюбивый собор разрешаем тебя и благословляем идти на него, не как на царя, а как на разбойника и хищника, и богоборца».²⁵ В конце послания архиепископ обратился к образу прадеда Ивана Васильевича: «И достойный похвал великий князь Дмитрий, твой прародитель, какое мужество и храбрость показал за Доном над теми же сыроядцами окаянными, сам впереди бился, не щадя жизни своей ради избавления хриси

ан».²⁶ Иван Васильевич был обязан завершить дело Дмитрия Ивановича.

Получив столь значимую духовную поддержку, великий князь продолжал, стоя с войском на Угре, дожидаться благоприятного для себя и Русской земли поворота событий. Он был твердо убежден, что время работает на него, но не на Орду.

Чем дольше продолжалось стояние на Угре, тем очевидней становилось Ахмед-хану тщета надежды на помощь Казимира. Не оправдались надежды на помощь Казимира. Не оправдались надежды и на внутренние трудности Москвы: ссора великого князя с его братьями оказалась недолгой и междоусобной брани на Руси не вызвала. Помимо этого хан не мог не осознавать, что на Угре ему противостоит не просто московский князь, даже не Москва, но вся Русь.

26 октября 1480 г. наступила ранняя зима. К ней ордынцы оказались не готовы. Не было теплой одежды, не хватало продовольствия. Неожиданно в стан Ахмед-хана пришло известие о набегах русских воинов на самую его столицу – Сарай. Заранее отправленный вниз по Волге для дальнейшей диверсии русский отряд во главе с воеводой Ноздреватым достиг ордынской столицы и разграбил ее. Теперь хан не мог не видеть безнадежности своего положения.

В ночь с 6 на 7 ноября 1480 г. ордынское войско постыдно бежало от берегов Угры. Последняя попытка Орды восстановить свое господство над Русью провалилась. Двухсотсокалетнее ордынское иго над Русской землей прекратилось. Иван Васильевич торжественно въехал в Москву теперь уже как подлинный Государь всей Руси.

Русь вернула себе независимость.

Заключение

Судьба Ахмед-хана оказалась подобной судьбе Мамаю, но нового Тохтамышу Орда не обрела. 6 января 1481 г. сибирский хан Ибак убил Ахмеда и известил о том Ивана III. Самой Золотой Орде после этого жить оставалось лишь два десятилетия. В 1502 г. крымский хан разгромил некогда великий «Улус Джучи», и он навсегда прекратил свое существование. Последний золотоордынский хан Ших-Ахмед бежал в Литву, где вскоре и умер.

Золотая Орда ушла в небытие бесследно, не оставив по себе никакого достойного исторической памяти и уважения потомков наследия. И дело здесь не только в том, что была Орда порождением завоевательных походов. Завоевания Александра Великого породили великую культуру эллинизма, ставшую основой современной европейской цивилизации, арабские завоевания породили гениальную мусульманскую средневековую культуру, подарившую миру и высшую математику, и медицину Авиценны, и дивные сказки «Тысяча и одной ночи»... Завоевания Тимура принесли немало бед народам Востока, но разве можно забыть блистательный мусульманский ренессанс при Тимуридах, гений Джами, Улугбека, Навои? Золотая Орда не подарила миру ни одного сколь-либо заметного ученого, писателя, поэта, она осталась малозаметной и в тюркском эпосе, бесследно исчезли ее города, где тщетно потомки пытались бы искать подобия Альгамбры или же самаркандского Регистана...

Думается, причина здесь в самой сути золотоордынского государства, изначально «пиратского», могущего существовать исключительно за счет грабежа и эксплуатации покоренных народов. Отсюда историческое бесплодие «Улуса Джучи».

Все это, однако, отнюдь не означает полного отсутствия какого-либо наследия. Обломки Золотой Орды просуществовали еще достаточно долго, и борьба с ними для русского народа не была легкой. Здесь на первый план сразу же выдвинулись взаимоотношения России с Казанью и Крымом.

Уже в 1487 г. после семимесячной осады Иван III овладел Казанью, пленил прежнего хана и посадил на трон своего ставленника. Казанское ханство оказалось в зависимости от Москвы, но в 20-е гг. XVI в. ситуация на восточных и южных рубежах вновь меняется.

Крымское ханство активно вмешивается в дела Казани и не без успеха: в 1521 г, соединенные силы крымцев и казанцев прорываются к самой Москве как во времена Тохтамыш и Едигея. Три десятилетия с переменным успехом будут бороться Россия и Крым за преобладание в Казани. Если бы крымским Гиреям удалось подчинить себе Казанское ханство, то затем они без труда могли бы воссоздать подобие прежней Золотой Орды в былых (до распада в XV в.) пределах... Более того, поскольку Крым с 1476 г. находился в турецком подданстве, то воссозданный ордынский монстр, находясь под прямым покровительством могущественнейшей Османской империи, переживавшей, к слову, в годы правления султана Сулеймана Великолепного (1520-1566 гг.) свой наивысший расцвет, грозил России воскрешением времен Батыевых. Потому-то и завоевание Иваном IV Казанского ханства в 1552 г. – это не просто завоевательный поход, трудно тут оспорить мнение С.М.Соловьева, «что в покорении врага здесь заключается необходимая оборона от него».¹ С.М. Соловьев же дал, пожалуй, самую точную и по сей день оценку того, чем, собственно исторически был процесс подчинения Россией обломков Золотой Орды: «Присматриваясь внимательно к явлению, мы видим на первом плане не завоевание одним воинственным, сильным государством других больших государств, более или менее цивилизованных, мы видим на первом плане колонизацию, занятие пустынных пространств под мирный труд».

Соглашаясь в целом с мнением величайшего историка России, не должно, конечно, забывать и о жестокостях, коими это движение на юг и восток сопровождалось, о военных столкновениях русских с черемисами, татарами Поволжья, башкирами, коим исторический прогресс их вхождения в состав Российского государства далеко не сразу стал понятен.

Из наследников Золотой Орды наиболее жизнестойким оказался тот, кто был и ее убийцей – Крымское ханство. Опираясь на поддержку османов, оно почти три столетия еще было грозой своих соседей. В XVI-XVII веках крымцы принуждали к уплате дани польских королей, не многим легче приходилось и России. В 1571 г. хан Давлет Гирей сжег Москву, в 1591 г. к Москве подходил Казы-Гирей. Постоянными были набеги крымцев на русские земли в XVII в., походы же русских войск на Крым при правительнице Софье в 1687 и 1689 гг. провалились. В 1711 г. именно крымские татары обеспечили

ли туркам окружение армии Петра I в Молдавии, что и привело к неудаче Прутского похода – русского царя, только что при Полтаве сокрушившего слывшее непобедимым войско Карла XII.

Только победы Миниха в русско-турецкой войне 1735-1739 гг. обозначили явственный перевес России над Крымом и, наконец, в 1783 г. Григорий Александрович Потемкин без единого выстрела добивается присоединения к России Крымского ханства, незадолго до этого после завершения войны 1768-1774 гг. объявленного независимым от Турции. В ходе той русско-турецкой войны и произошел последний набег крымских татар на южнорусские земли в 1769 г. Так навсегда завершилось военное противостояние Руси и Степи, Руси и ордынского наследия.

Каковы же главные последствия многовекового соседства Русской земли с кочевым миром Евразии?

Столкновения русских с хазарами, печенегами, половцами не носили рокового характера. Притом, что старые обиды помнились и неприятие «басурман» христианской Русью, несомненно, было, мирные, даже дружественные взаимоотношения не исключались, а к началу XIII в. даже превалировали. На внутреннее состояние Руси, ее политическую, культурную эволюцию степные соседи вплоть до монгольского нашествия сколь-либо заметного влияния не оказывали. Немал был ущерб от кочевнических набегов, но независимости Руси они не угрожали, а в военном отношении русские не раз реваншировались. Крестовые походы в половецкие степи Владимира Мономаха оставили в сознании степняков поистине страшную память, если именем русского князя половецкие десятилетиями затем пугали детей.

Иное дело противостояние Руси и Орды. Здесь разорительные нашествия, постоянная дань – далеко не главные и, может быть, не самые печальные проявления ордынского ига для исторических судеб русского народа. Ордынское иго изменило самый внутренний облик Руси, именно оно сделало развитие России катастрофическим, привело к характерной прерывности русской истории. По мнению Н.А. Бердяева не что иное как татарское иго привело к смене Киевской Руси, не замкнутой от Запада, восприимчивой и свободной в своей духовной сути и в политической организации, Московским царством, «в удушливой атмосфере которого угасла даже святость».⁴ Потому-то «Московский период – писал русский фило

соф – был самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатско-татарским по своему типу, и по недоразумению его идеализировали свободолюбивые славянофилы».

Н.А. Бердяев, конечно, чересчур резок в оценке значения Московского периода русской истории, но то, что он прямое порождение ордынского ига, его важнейшее наследие для судеб Руси, это сомнению не подлежит:

«В самой московской земле вводятся татарские порядки в управлении, суде, сборе дани. Не извне, а изнутри татарская стихия овладевала душой Руси, проникала в плоть и кровь. Это духовное монгольское завоевание шло параллельно с политическим падением Орды. В XV веке тысячи крещеных и некрещеных татар шли на службу к московскому князю, заражая его восточными понятиями и степным бытом», – писал историк и философ Георгий Петрович Федотов.

Ордынское иго переменяло радикально и политический строй России. Происходящая династически от киевских князей власть московских царей сущностно выходит к всевластию монгольских ханов Золотой Орды. И царем-то московский великий князь становится вслед павшей власти золотоордынских владык. Именно от них грозные государи Московии наследуют безусловное право казнить по своей воле любого из подданных, независимо от действительной вины его. Утверждая, что казнить и миловать подданных цари московские «есьмя вольны», Иван Грозный выступает не как наследник Мономаха, но как преемник Батыев, ибо здесь для него не важны ни вина, ни добродетель подданного – их определяет сама царская воля. Отмеченное В.О. Ключевским важнейшее обстоятельство, что у подданных царя Московского нет прав, но есть только обязанности, – прямое наследие ордынской традиции, которую в Московии сущностно не изменила даже земщина XVII в., ибо и во времена Земских соборов прав у русских людей не прибавилось, да и своего голоса соборы так и не приобрели.⁷

Сущностно, сравнительно с временами Киевской Руси, под воздействием ордынского ига изменился и менталитет русского человека:

«В татарской школе, на московской службе выковался особый тип русского человека – московский тип, исторически самый крепкий и устойчивый из всех сменяющихся образов русского нацио

нального лица. Этот тип психологически представляет сплав северного великоросса с кочевым степняком, отлитый в формы осифлянского православия».⁸

Независимо от оценок того или иного типа русского человека нельзя не согласиться с Л.Н. Гумилевым, что русские люди эпохи Киевской Руси и Московского царства – два разных народа, и причина тому – Золотая Орда.

Таковые очевидные последствия ордынского ига на Руси, как видим, не раз отмечены исследователями. Но вне внимания до сих пор остается главное последствие его, оставшееся неизбывным в русской истории: распад прежде единого народа на три ветви – великорусскую, малороссийскую (украинскую) и белорусскую.

Это разделение вовсе не вытекало из хода русской истории до нашествия монголов. Феодальная раздробленность вовсе не означала прекращения существования единого русского народа. Об этом прямо свидетельствует само народное сознание, воплощенное в былинном эпосе.

«Исторический распад Киевской Руси противоречил народному сознанию, логике былинного эпоса. Русский народ всегда признавал себя единым вопреки бесконечным распрямам князей, старавшихся утвердить как незыблемые границы своих уделов и даже обосновать свои права на сепаратистские устремления исторической традицией (с помощью придворных летописцев).

Вспомним прославленного князя Мстислава Удалого. Родом удельный князь из Торопца в Смоленской земле, он оказывается на Новгородском княжеском столе, вмешивается в дела ВладимироСуздальской земли, восседает и на древний княжеский престол в Киеве, княжит и в Карпатской Руси, и, главное, везде и всегда он на своей Русской земле. Трагическое «Слово о погибели Русской земли», написанное после горькой години монгольского нашествия, знает только единую Русь от Карпат до Белого моря и до Волги:

«Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоймичи, и за Дышащее море; от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвин – то все с помощью Божьей покорено было христианскому народу, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Вла

димиру Мономаху, которым половцы своих малых детей пугали».¹¹

Только ордынское иго могло привести к таким обстоятельствам, что древнейшие центры Руси – Киев, Чернигов, Полоцк, Галич, многие иные – могли оказаться под властью Литвы и Польши. Вследствие этого они оказались вне вновь формирующейся под главенством Москвы русской государственности. Обособление государственное постепенно привело и к обособлению национальному, появлению самостоятельных восточно-славянских народов.

Решающим образом соседство со степью сказалось и на собственно великорусском народе. Торжество Руси над Ордой, по сути означавшее конечное преобладание русского народа над кочевым миром великой евразийской степи, открыло перед ним возможности освоения необъятных просторов Евразии. Так Русь стала Россией.

Примечания

Введение

1. Кычанов Е.И. «Повесть о Галдане Бошукту-хане». Новосибирск, 1980.
2. Halperin Ch.J. «Russia and steppe: George Vernadsky and eurasianism// Forschungen zur osteuropaischen Geschichte.-Wresbaden.1985. – Bd.36. S55-194; Halperin Ch.j. «Russia and the Golden Horde: The Mongol impact on the medieval Russian history.-Bloomington:Indiana univ press, 1985. - XII.
3. О.Акимова «Русь и степь...» – Русь между Востоком и Западом: культура и общество, X-XVII вв. (Зарубежные и советские исследования). Часть I. М.,1991, с.35.
4. Там же.
5. Там же, с.36.
6. Там же.
7. Там же, с.37.

Глава I

1. Златкин И.Я. Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов, – Типы общественных отношений на Востоке в Средние Века. М., 1982, с.256.
2. Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 189-190.
3. Плетнева С.А. Земледельцы и кочевники. – Тезисы докладов советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. М., 1980, с.20.
4. Плетнева С.А. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья. – Вопросы истории, No 6, 1981, с.50-51.
5. Там же.
6. Кычанов Е.И. Повесть о Галдане Бошуктухане. С. 17.
7. Плетнева С.А. Земледельцы и кочевники, с.20.
8. Гумилев Л.Н., Эрдеи И. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в Средние века. – Народы Азии и Африки, No 3, 1969, с.8687.
9. Плетнева С.А. Хазары. М., 1976, с.25-35.
10. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с.77, 208.
11. Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с.86.

12. Васильченко И. Еще раз об особенностях феодализма у кочевых народов. – Вопросы истории, No 4, 1974, с. 195.

13. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй кочевников в средневековую эпоху. – Вопросы истории, No 8, 1976, с.32-43.

14. Плетнева С.А. От кочевий к городам, с. 182.

Глава II

1. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 8 томах. Т-7, с. 121. М., 1984.

2. Тацит К. Сочинения в 2-х томах. Т-1, Анналы. Малые произведения. М., 1970, с.372-373.

3. Там же.

4. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 13.

5. Там же.

6. Там же.

7. Иордан. О происхождении и деяниях гот. М., 1960, с.115.

8. Там же, с. 170.

9. Там же, с.72.

10. Раннефеодальные государства на Балканах. VI-XII вв. М.,1985, с.52. П. Гръцки извори за българската история. Т-II, София, 1958, с.235.

12. Там же.

13. Королюк В.Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М.,1985, с.174.

14. Шайкин А. «Се повести временных лет...» От Кия до Мономаха. М., 1989. с.20.

15. Там же, с.20-21.

Глава III

1. Новосельцев А.П. Евреи в Хазарии; Князький И.О. Русь, Хазария, Иудаизм; Топоров В.Н. Еврейский элемент в Киевской Руси. – в сб.: «Славяне и их соседи». М., 1993, с.24-26; 26-28; 28-43.

2. Гумилев Л.Н. Русь и Великая Степь. М., 1990.

3. Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Тезисы XIV конференции. Горина Л.В. Имперская идея болгарского царя Симеона; Юрасов М.К. Элементы имперского мышления у венгров в IX в., с.5-7; 15-18. М., 1995.

4. Плетнева С.А. Хазары. М., 1976, с. 12.

5. Славяне и их соседи. М., 1993, с.33-34.

6. Там же.

7. Там же, с.35.

8. Там же, с.35-36.

Глава IV

1. Плетнева С.А. Хазары, с.64.
2. Там же.
3. Константин Багрянородный. «Об управлении империей», перевод Г.Г. Литаврина. – Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982, с.297-298.
4. Васильевский В.Г. Византия и печенеги. – Труды, Т-1, Спб, 1908, с.76.
5. Полное собрание русских летописей, II, стб. 32.
6. Константин Багрянородный. «Об управлении империей, с.273.
7. Лев Диакон. История. М., 1988, с. 132.
8. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989, с.208.
9. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т-1, М.,1989, с.155.
10. Плетнева С.А. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья, с.50-51.
11. Там же, с.51-52.
12. Константин Багрянородный, с.287.
13. Там же, с.297.
14. Дьяконов М.М. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961, с.195.
15. Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам), вып.1, М., 1968, с.7-9.
16. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967, с.56.
17. Кычанов Е.И. Чжурчжэни В XI в. (материалы для этнографического исследования), Сибирский археологический сборник, вып.2, Новосибирск, 1966, с.270-271.
18. Агаджанов С.Г. Сельджукады и Туркмения в XI-XII вв. Ашхабад, 1973, с.64-65.
19. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с.68-70.
20. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975, с.198.
21. Там же, с.195-196.
22. Михаил Пселл. Хронография, М., 1978, с. 160.
23. Полное собрание русских летописей. II, стб.151.
24. Там же, стб.151-152.
25. Расовский Д.А., Русь, Черные Клобуки и половцы в XII в. – Сборник в память на проф. П.Никова. София, 1940, с.369; Бибииков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.). – Древнейшие государства на территории СССР, 1980, М., 1981. с.101.
26. Michaelis Attaliatae. Historia, Vonnae, 1853, p.83.
27. Васильевский В.Г. Труды, т.1, с.27.
28. Там же.

29. Плетнева С.А. Земледельцы и кочевники, с. 19.
30. Там же.
31. Там же, с.20.
32. Греков Б.Д., Якубович А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950, с.23.
33. Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков. М., 1973, с.25.
34. Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.

Глава V

1. Расовский Д.А. Половцы. Происхождение половцев. – Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом им. Н.П. Кондакова. Прага, 1935, с.248.
2. Гумилев Л.Н. Динлинская проблема. – Известия Всесоюзного Географического общества, No 1, 1959, с.19.
3. Там же.
4. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962, с.420.
5. Там же, с.421.
6. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967, с.266-267.
7. Добродомов И.Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе. Тюркологический сборник 1975. М., 1978, с.115.
8. Там же.
9. Бартольд В.В. Сочинения, т.5. М., 1968, с.272.
10. Там же, с.549.
11. Артамонов М.И. История хазар, с.425.
12. Гумилев Л.Н. Древние тюрки, с.23.
13. Полное собрание русских летописей. II, стб.
14. Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI в. – Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980, с.47.
15. Кумекон Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 128.
16. Там же, с. 125.
17. Там же, с.126.
18. Ахинжанов С.М. Из истории движения..., с.48.
19. Бартольд В.В. Новый труд о половцах. Соч., т.5, с.394.
20. Добродомов И.Г. О половецких этнонимах..., с. 126.
21. Ахинжанов С.М. Из истории движения..., с.48; Кумекон Б.Е. Государство кимаков..., с. 125.
22. Добродомов И.Г. О половецких этнонимах..., с. 126.
23. Там же.
24. ПСРЛ, II, стб.151.

25. ПСРЛ, I, вып.1, стб. 162.
26. ПСРЛ, II, стб.152.
27. Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. – Тюркологический сборник 1975. М., 1978, с.176.
28. ПСРЛ, II, стб.224.
29. Там же.
30. ПСРЛ, II, стб.716.
31. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974, с.17,18,21.
32. Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII-XIV веках. – Древности Восточной Европы. М., 1969, с.253.
33. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений..., с.162.
34. Плетнева С.А, Древности Черных Клобуков. М., 1973, с.24.
35. Брун Ф.К. Черноморье. II. Одесса, 1881 с.408.
36. Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков, с.28.
37. Плетнева С.А. Половецкая земля. – Древнерусские княжества. X-XIII вв. М., 1975, с.275.
38. Добролюбовский А.С., Дзигевский А.М. Памятники кочевников IX-XIV вв. на западе причерноморских степей. Материалы к археологической карте. – Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981, с. 136.
39. Артамонов М.И. История хазар, с.419.
40. Расовский Д.А. Половцы. Происхождение половцев, с.252.
41. Анна Комнина. Алексиада. М., 1965, с.236.
42. ПСРЛ, II, стб.284.
43. ПСРЛ, II, стб.285.
44. Артамонов М.И. История хазар, с.448-449.
45. «Дон» русских летописей – это современный Северский Донец. См.: Плетнева С.А. Половецкая земля, с.270.
46. ПСРЛ, II, стб.284.
47. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. – МИА, No 62. М.-Л., 1958, с.226.
48. Кумекон Б.Е. Государство кимаков, с.128.
49. Гумилев Л.Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. – История СССР, 1967, No 7, с.62.
50. Бартольд В.В. Сочинения, т.5, с.395.
51. Там же, с.396.
52. Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII-XIV вв., с.253.
53. Плетнева С.А. Половецкая земля, с.265-266.
54. Бибииков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.). – Древнейшие государства на территории СССР. М., 1980, с.130-133.
55. Голубовский П.В. Половцы в Венгрии – Университетские известия. Киев, No 12, с.53.

Бродники

1. Литаврин Г. Г. Новое исследование о восстании в Паристрионе и образовании Второго Болгарского царства. – Византийский временник, т.41, 1980, с.Ш..
2. Там же.
3. Urkundenbuch zur Geschichte der Deutshen in Siebenburgen. Bd.1. Hermanustadt, 1892, s.1923.
4. Шушарин В.П. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии от этническом составе населения Восточного Прикарпатья пер.кол.ХШ в. – История СССР, No 2, 1978, с.50.
5. Annales Regum Hungariae, Vindobonae, 1763, p.231.
6. Hurmuzaki-Densusianu. Documente privitoare la istoria romanilor. Bucuresti, 1887, p. 114.
7. Vetera Monumenta Historica Hungariam sacram illustrantia. V-I, Roma, 1860, p.93, No 167.
8. Шушарин В.П. Свидетельства письменных памятников... с.43.
9. Новгородская первая летопись. М.-Л., 1950, с. 63.
10. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1966, с.177-178.
11. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с.115,116.
12. Там же, с.116.
13. Котляр М.Ф, Русь на Дунак – Украинский історичний журнал. 1966, No 9; Его же: Хто такі бродники. – Украинский історичний журнал, 1969, No 5.
14. Мавродин В.В., Мавродина Р.М., Фроянов И.Я. Некоторые вопросы внешней политики и торговли Древней Руси в новейшей советской исторической литературе. – История СССР, No 6, 1970, с. 125.
15. Gjurescu С.с., Gjurescu D.C. Istoria Romanilor. T.I, Bucuresti, 1974, pp.223224.
16. Шушарин В.П. Свидетельства письменных памятников... с.43.
17. Там же.
18. Литаврин Г.Г. Новое исследование..., с.111.
19. Успенский Ф.И. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879, Приложение V, с.36,37.
20. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Формирование феодально-зависимого крестьянства. Т.І. М., 1985, с.470.

Глава VI

1. Кычанов Е.И. Жизнь Темуджина, думавшего покорить мир. М., 1973, с.121.
 2. Там же.
 3. Там же.
- 128

4. «Изборник». Повести Древней Руси. М., 1986, с. 135-136.
5. Там же, с. 138.
6. Там же.
7. Там же, с. 141.
8. Там же, с. 143.
9. Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966, с.24-25.
10. Там же, с.26.
11. «Изборник», с.145-146.
12. Там же, с.149-150.
13. Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь, с. 106-110.
14. «Изборник», с. 165-166.
15. Каргалов В.В. Конец ордынского ига, М., 1980, с.31.
16. «Изборник», с. 186-187.

Глава VII

1. Толстой А.К. История государства Российского от Гостомысла до Тимашева. – А.К.Толстой, «Избранное», М., 1986, с.33.
2. Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1992, с. 6768
3. Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой. – Куликовская битва. М., 1980, с.174-214.
4. Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990, с.68.
5. Там же, с.71-72.
6. Егоров В.Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой, с.210, 213.
7. Задонщина. – «Изборник». Повести Древней Руси.М., 1986, с.192.
8. Там же.
9. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1991, с.119.
10. Задонщина. – «Изборник», с.190, 193,194.
11. Там же, с. 190.
12. Там же, с. 194.
13. Там же, с. 198.
14. Повесть о нашествии Тахтамышы. – «Изборник», с.201-205.
15. Там же, с.207.
16. Там же.
17. Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М.. 1980, с.60.
18. Христоматия для назидательного чтения. Спб., 1896, с.37-39.
19. Каргалов В.В. Падение ордынского ига, с.76.
20. Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М., 1991, с.21.
21. Каргалов В.В. Конец ордынского ига, с.72.
22. Кудрявцев И.М. «Послание на Угру Васиана Рыло». – Труды отделения древнерусской литературы. Т- VIII. М.-Л, 1954, с.178.
23. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, с. 155.
24. Цит. по кн. Водовозов Н.В. История древнерусской литературы. М., 1972, с.207.
25. Там же, с.210.
26. Там же.

Заключение

1. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. – С.М. Соловьев. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989, с.499.
2. Там же, с.498,
3. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. – О России и русской философской культуре .Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990, с.45.
4. Там же.
5. Там же.
6. Федотов Г.П. Россия и свобода. – Г.П. Федотов. Судьба и грехи России. Спб., 1992, Т-2, с.282.
7. Князький И.О. Высшая власть в Киевской и Московской Руси. – Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и ЮгоВосточной Европы. Тезисы XIV конференции. М., 1995, с.62.
8. Федотов Г.П. Россия и свобода, с.284-285.
9. Гумилев Л.Н. От Руси до России. М., 1992, с. 102.

10. Мирзоев В.Г. Былины и летописи. Памятники русской исторической мысли. М., 1979, с.31.
11. «Слово о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава». – «Изборник», с. 135.

